

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР

Понять - значит упростить.
Д. Строгов.

ВВЕДЕНИЕ

Меня зовут Максим Каммерер. Мне восемьдесят девять лет.
Когда-то давным-давно я прочитал старинную повесть, которая начиналась таким вот манером. Помнится, я подумал тогда, что если придется мне в будущем писать мемуар, то начну я его именно так. Впрочем, предлагаемый текст нельзя, строго говоря, считать мемуаром, а начать его следовало бы с одного письма, которое я получил примерно год назад:

Каммерер,
Вы, разумеется, прочли пресловутые "Пять биографий века". Прошу Вас, помогите мне установить, кто именно скрывается под псевдонимами П. Сорока и Э. Браун. Полагаю, Вам это будет легче, чем мне.
М. Глумова.
13 июня 125 года. Новгород.

Я не ответил на это письмо, потому что мне не удалось выяснить настоящие имена авторов "Пяти биографий века". Я установил только, что, как и следовало ожидать, П. Сорока и Э. Браун являются видными сотрудниками группы "Людены" Института исследования космической истории (ИИКИ).

Я без труда представлял себе чувства, которые испытывала Майя Тойвовна Глумова, читая биографию своего сына в изложении П. Сороки и Э. Брауна. И я понял, что обязан высказаться.

Я написал этот мемуар.

С точки зрения непредубежденного, а в особенности - молодого читателя, речь в нем пойдет о событиях, которые положили конец целой эпохе в космическом самосознании человечества и, как сначала казалось, открыли совершенно новые перспективы, рассматривавшиеся ранее только теоретически. Я был свидетелем, участником, а в каком-то смысле даже и инициатором этих событий, и поэтому неудивительно, что группа "Людены" на протяжении последних лет бомбардирует меня соответствующими запросами, официальными и неофициальными просьбами споспешествовать и напоминаниями о гражданском долге. Я изначально относился к целям и задачам группы "Людены" с пониманием и сочувствием, но никогда не скрывал от них своего скептицизма относительно шансов на успех. Кроме того, мне было совершенно ясно, что материалы и сведения, которыми располагаю лично я, никакой пользы группе "Людены" принести не могут, а потому до сих пор я всячески уклонялся от участия в их работе.

Но вот сейчас, по причинам, носящим характер скорее личный, я испытал настоящую потребность все-таки собрать воедино и предложить вниманию каждого, кто пожелает этим заинтересоваться, все, что мне известно о первых днях Большого Откровения, о событиях, в сущности, явившихся причиной той бури дискуссий, опасений, волнений, несогласий, возмущений, а главное - огромного удивления - всего того, что принято Большим Откровением называть.

Я перечитал последний абзац и вынужден тут же поправить самого себя. Во-первых, я предлагаю, разумеется, далеко не все, что мне известно. Некоторые материалы носят слишком специальный характер, чтобы их здесь излагать. Некоторые имена я не назову по причинам чисто этического порядка. Воздержусь я и от упоминания некоторых специфических методов тогдашней своей деятельности в качестве руководителя отдела Чрезвычайных Происшествий (ЧП) Комиссии по Контролю (КОМКОН-2).

Во-вторых, события 99 года были, строго говоря, не первыми днями Большого Откровения, а, напротив, последними его днями. Именно поэтому оно осталось ныне лишь предметом чисто исторических исследований. Но именно этого, как мне кажется, не понимают, а, вернее - не желают принять сотрудники группы "Людены", несмотря на все мои старания быть убедительным. Впрочем, возможно, я не был достаточно настойчив. Годы уже не те.

Личность Тойво Глумова вызывает, естественно, особый, я бы сказал, специальный интерес сотрудников группы "Людены". Я их понимаю и поэтому сделал эту фигуру центральной в своих мемуарах.

Конечно, не только поэтому и не столько поэтому. По какому бы поводу я ни вспоминал о тех днях и что бы я о тех днях ни вспоминал, в памяти моей тотчас встает Тойво Глумов - я вижу его худощавое, всегда серьезное молодое лицо, вечно приспущенные над серыми прозрачными глазами белые его, длинные ресницы, слышу его как бы нарочито медлительную речь, вновь ощущаю исходящий от него безмолвный, беспомощный, но неумолимый напор, словно беззвучный крик: "Ну, что же ты? Почему бездействуешь? Приказывай!", и наоборот, стоит мне вспомнить его по какому-либо поводу, и тотчас же, словно их разбудили грубым пинком, просыпаются "злые псы воспоминаний" - весь ужас тех дней, все отчаяние тех дней, все бессилие тех дней, ужас, отчаяние, бессилие, которое испытывал я тогда один, потому что мне не с кем было ими поделиться.

Основу предлагаемого мемуара составляют документы. Как правило, это стандартные рапорты-доклады моих инспекторов, а также кое-какая официальная переписка, которую я привожу для того главным образом, чтобы попытаться воспроизвести атмосферу того времени. Вообще-то придирчивый и компетентный исследователь без труда заметит, что целый ряд документов, имеющих отношение к делу, в мемуар не включен, в то время как без некоторых включенных документов можно было бы, казалось, и обойтись. Отвечая на такой упрек заранее, замечу, что материалы подбирались мною в соответствии с определенными принципами, в суть которых вдаваться у меня нет ни желания, ни особой необходимости.

Далее, значительную часть текста составляют главы - реконструкции. Эти главы написаны мною и на самом деле представляют собой реконструкцию сцен и событий, свидетелем которых я не был. Реконструирование происходило на основании рассказов, фонозаписей и позднейших воспоминаний людей, в этих сценах и событиях участвовавших, как-то: Ася, жена Тойво Глумова, его коллеги, его знакомые и т. д. Я сознаю, что ценность этих глав для сотрудников группы "Людены" невелика, но что делать, она велика для меня.

Наконец, я позволил себе слегка разбавить текст мемуара, несущий информацию, собственными реминесценциями, несущими информацию не столько о тогдашних событиях, сколько о тогдашнем Максиме Каммерере пятидесяти восьми лет. Поведение этого человека в изображенных обстоятельствах даже мне представляется сейчас, спустя тридцать один год, не лишенным интереса...

Принявши окончательное решение писать этот мемуар, я оказался перед вопросом: с чего мне начинать? Когда и что положило начало Большому Откровению?

Строго говоря, все это началось два века назад, когда в недрах Марса был вдруг обнаружен пустой тоннельный город из янтарина: тогда впервые было произнесено слово "Странники".

Это верно. Но слишком общо. С тем же успехом можно было бы сказать, что Большое Откровение началось в момент Большого Взрыва.

Тогда, может быть, пятьдесят лет назад? Дело "подкидышей"? Когда впервые проблема Странников приобрела трагический привкус, когда родился и пошел гулять из уст в уста ядовитый термин-упрек "синдром Сикорски"? Комплекс неуправляемого страха перед возможным вторжением Странников? Тоже верно. И гораздо ближе к делу... Но тогда я еще не был начальником отдела ЧП, да и самого отдела ЧП тогда еще не существовало. Да и пишу я не историю проблемы Странников.

А началось это для меня в мае 93-го, когда я, как и все начальники отделов ЧП всех секторов КОМКОНа-2, получил информат о происшествии на Тиссе (не реке Тиссе, а на планете Тиссе у звезды ЕН 63061, незадолго до того обнаруженной ребятами из ГСП). Информат трактовал происшествие как случай внезапного и необъяснимого помешательства трех членов

исследовательской партии, высадившейся на плато (забыл название) за две недели до того. Всем троим вдруг почудилось, будто связь с центральной базой утрачена и вообще утрачена связь с кем бы то ни было, кроме орбитального корабля-матки, а с корабля-матки автомат ведет непрерывно повторяющееся сообщение о том, что Земля погибла в результате какого-то космического катаклизма, а все население периферии вымерло от каких-то необъяснимых эпидемий.

Я уже не помню всех деталей. Двое из партии, кажется, пытались убить себя и в конце концов ушли в пустыню - в отчаянии от безнадежности и абсолютной бесперспективности дальнейшего существования. Командир же партии оказался человеком твердым. Он стиснул зубы и заставил себя жить - как если бы не погибло человечество, а просто он сам попал в аварию и отрезан навсегда от родной планеты. Впоследствии он рассказал, что на четырнадцатый день этого безумного бытия к нему явился некто в белом и объявил, что он, командир, с честью прошел первый тур испытаний и принят кандидатом в сообщество Странников. На пятнадцатый день с корабля-матки прибыл аварийный бот, и атмосфера разрешилась. Ушедших в пустыню благополучно нашли, все остались в здравом уме, никто не пострадал. Их свидетельства совпадали даже в мелочах. Например, они совершенно одинаково воспроизводили акцент автомата, якобы передававшего роковое сообщение. Субъективно же они воспринимали происшедшее как некую яркую, необычайно достоверную театральную постановку, участниками которой они неожиданно и помимо своей воли оказались. Глубокое ментоскопирование подтвердило это их субъективное ощущение и даже показало, что в самой глубине подсознания никто из них не сомневался, что все это лишь театральное действо.

Насколько я знаю, мои коллеги в других секторах восприняли этот информат как довольно рядовое ЧП, необъясненное чрезвычайное происшествие, какие происходят на периферии сплошь да рядом. Все живы и здоровы. Дальнейшая работа в районе ЧП необязательна, она и изначально была необязательной. Желающих раскручивать загадку не нашлось. Район ЧП эвакуирован. ЧП принято к сведению. В архив.

Но я-то был выучеником покойного Сикорски! Пока он был жив, я часто спорил с ним и мысленно, и в открытую, когда речь заходила об угрозе человечеству извне. Но один его тезис мне трудно было оспаривать, да и не хотел я его оспаривать: "Мы - работники КОМКОНа-2. Нам разрешается слыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одно не разрешается: недооценить опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах". И едва я услышал, что некто в белом вещает от имени Странников, я ощутил запах серы и восторженно, как старый боевой конь при звуках трубы.

Я сделал соответствующие запросы по соответствующим каналам. Без особого удивления я обнаружил, что в лексиконе инструкций, распоряжений и перспективных планов нашего КОМКОНа-2 слово "Странник" вообще отсутствует. Я побывал на приемах в самых высших инстанциях наших, и уже вовсе без всякого удивления убедился, что в глазах наиболее ответственных наших руководителей проблема прогрессорской деятельности Странников в системе человечества как бы снята, пережита, как детская болезнь. Трагедия Льва Абалкина и Рудольфа Сикорски каким-то необъяснимым образом словно бы навсегда очистила Странников от подозрений.

Единственным человеком, у которого моя тревога вызвала некий проблеск сочувствия, оказался Атос-Сидоров, президент моего сектора и мой непосредственный начальник. Он своей властью утвердил и своей подписью укрепил предложенную мной тему "Визит старой дамы". Он разрешил мне организовать специальную группу для разработки этой темы. Собственно говоря, он дал мне карт-бланш в этом вопросе.

И начал я с того, что организовал экспертный опрос ряда наиболее компетентных специалистов по ксеносоциологии. Я задался целью создать модель (наиболее вероятную) прогрессорской деятельности Странников в системе земного человечества. Чтобы не вдаваться в подробности: все собранные материалы я послал известному историку науки и эрудиту Айзеку Бромбергу. Сейчас даже и не помню, зачем я это сделал, ведь к тому моменту Бромберг уже много лет не занимался ксенологией. Должно быть, дело в том, что большинство специалистов, к которым я обращался с этими своими

вопросами, просто отказывались разговаривать со мной серьезно (синдром Сикорски!), а у Бромберга, как всем известно, "всегда была в запасе пара слов", о чем бы ни заходила речь.

Так или иначе, доктор А. Бромберг прислал мне свой ответ, известный ныне специалистам как "Меморандум Бромберга".

С него все и началось.

С него начну и я.

(Конец введения).

ДОКУМЕНТ 1

В КОМКОН-2
Сектор "Урал - Север"
Максиму Каммереру лично
Служебное

Дата: 3 июня 94 года.

Автор: А. Бромберг, старший консультант КОМКОНа-1, доктор исторических наук, лауреат Геродотовской премии (63, 69 и 72 годов), профессор, лауреат Малой премии Яна Амоса Каменского (57 год), доктор ксенопсихологии, доктор социотопологии, действительный член Академии социологии (Европа), член-корреспондент Лабораториума (Академии наук) Великой Тагоры, магистр реализаций абстракций Парсиваля.

Тема: "Визит старой дамы".

Содержание: рабочая модель прогрессорской деятельности Странников в системе человечества Земли.

Дорогой Каммерер!

Прошу Вас, не сочтите некоей старческой издевкой ту казенную "шапку", которой я снабдил это свое послание. Таким образом я просто намеревался подчеркнуть, что послание мое, хотя и вполне личное, носит в то же время совершенно официальный характер. "Шапка" же ваших рапортов-докладов запомнилась мне еще с тех пор, когда их швырял передо мною на стол в качестве аргументов (довольно жалких) наш несчастный Сикорски.

Мое отношение к Вашей организации несколько не переменялось, я его нигде не скрывал, и оно Вам, безусловно, хорошо известно. Однако же материалы, которые Вы любезно мне переслали, я изучил с большим интересом. Благодарю Вас. Хотелось бы заверить Вас, что в этом направлении своей работы (но только в этом!) Вы найдете в моем лице самого горячего сторонника и сотрудника.

Не знаю, случайное ли это совпадение, но Вашу "Сводку моделей" я получил как раз в тот момент, когда и сам готовился приступить к подведению итогов моих многолетних размышлений о природе Странников и о неизбежности их столкновения с цивилизацией Земли. Впрочем, по моему глубокому убеждению, случайностей не бывает. Вопрос этот, видимо, созрел.

Я не имею ни времени, ни желания останавливаться на подробной критике Вашего документа. Не могу не заметить только, что модели "Спрут" и "Конкистадор" вызвали у меня приступ неудержимого хохота своей анекдотической примитивностью, а модель "Новый воздух" хотя и производит впечатлений конструкции не вполне тривиальной, начисто лишена сколько-нибудь серьезной аргументации. Восемь моделей! Восемнадцать разработчиков, среди которых блистают такие звезды, как Карибанов, Ясуда, Микич! Черт побери, можно было ожидать чего-нибудь позначительнее! Как хотите, Каммерер, а совершенно естественным образом возникает предположение, что Вам не удалось внушить этим гротескмейстерам свою "тревогу по поводу нашей общей неподготовленности в этом вопросе". Они просто отписались.

Настоящим я повергаю к пьедесталу Вашего внимания по сути дела краткую аннотацию моей будущей книги, которую я намереваюсь назвать "Монокосм" - вершина или первый шаг? Заметки об эволюции эволюции". Опять же я не располагаю ни временем, ни желанием снабжать основные свои положения сколько-нибудь подробной аргументацией. Могу заверить Вас только, что каждое из этих положений может быть уже сегодня аргументировано самым исчерпывающим образом, так что если у Вас возникнут

ко мне какие-то вопросы, буду рад Вам ответить. (Кстати, не могу удержаться и не заметить, что ваше обращение за консультацией ко мне было, может быть, первым и единственным пока общественно-полезным актом Вашей организации за все время ее существования).

Итак: МОНОКОСМ.

Любой Разум - технологический ли, или руссоистский, или даже геронический - в процессе эволюции первого порядка проходит путь от состояния максимального разъединения (дикость, взаимная озлобленность, убогость эмоций, недоверие) к состоянию максимально возможного при сохранении индивидуальностей объединения (дружелюбие, высокая культура отношений, альтруизм, пренебрежение достижимым). Этот процесс управляется законами биологическими, биосоциальными и специфически социальными. Он хорошо изучен и представляет здесь для нас интерес лишь постольку, поскольку приводит к вопросу: а что дальше? Оставив в стороне романтические трели теории вертикального прогресса, мы обнаруживаем для разума лишь две реальные, принципиально различающиеся возможности. Либо остановка, самоуспокоение, замыкание на себя, потеря интереса к физическому миру. Либо вступление на путь эволюции второго порядка, на путь эволюции планируемой и управляемой, на путь к Монокосму.

Синтез Разумов неизбежен. Он дарует неисчислимое количество новых граней восприятия мира, а это ведет к неимоверному увеличению количества и, главное, качества доступной к поглощению информации, что, в свою очередь, приводит к уменьшению страданий до минимума и к увеличению радости до максимума. Понятие "дом" расширяется до масштабов Вселенной. (Наверное, именно поэтому возникло в обиходе это безответственное и поверхностное понятие - Странники.) возникает новый метаболизм, и как следствие его - жизнь и здоровье становятся практически вечными. Возраст индивида становится сравним с возрастом космических объектов - при полном отсутствии психической усталости. Индивид Монокосма не нуждается в творцах. Он сам себе и творец, и потребитель культуры. По капле воды он способен не только воссоздать образ океана, но и весь мир населяющих его существ, в том числе и разумных. И все это при непрерывном, неутолимом сенсорном голоде.

Каждый новый индивид возникает как произведение синкретического искусства: его творят и физиологи, и генетики, и психологи, эстетика-педагоги и философы Монокосма. Процесс этот занимает, безусловно, несколько десятков земных лет и, конечно же, является увлекательнейшим и почетнейшим родом занятий Странников. Современное человечество не знает аналогов такого рода искусству, если не считать, быть может, столь редких в истории случаев великой любви.

"СОЗИДАЙ, НЕ РАЗРУШАЙ!" - вот лозунг Монокосма.

Монокосм не может не считать свой путь развития и свой модус вивенди единственно верным. Боль и отчаяние вызывают у него картины разобщенных Разумов, не дозревших до приобщения к нему. Он вынужден ждать, пока Разум в рамках эволюции первого порядка разовьется до состояния всепланетного социума. Ибо только после этого можно начинать вмешательство в биоструктуру с целью подготовки носителя Разума к переходу в монокосмический организм Странника. Ибо вмешательство Странников в судьбы разобщенных цивилизаций ничего путного дать не может.

Многозначительная ситуация: Прогрессоры Земли стремятся в конечном счете ускорить исторический процесс создания у бедствующих цивилизаций более совершенных социальных структур. Таким образом они как бы подготавливают новые резервы материала для будущей работы Монокосма.

Мы знаем сейчас три цивилизации, полагающие себя благополучными.

Леонидяне. Цивилизация чрезвычайно древняя (возраст не менее трехсот тысяч лет, что бы там ни утверждал покойный Пак Хин). Это образец "медленной" цивилизации, они застыли в единении с природой.

Тагоряне. Цивилизация гипертрофированной предусмотрительности. Три четверти всех мощностей направлены у них на изучение вредных последствий, каковые могут проистечь из открытия, изобретения, нового технологического процесса и так далее. Эта цивилизация кажется нам странной потому, что мы не способны понять, насколько это интересно - предотвращать вредные последствия, какую массу интеллектуального и эмоционального наслаждения это дает. Тормозить прогресс также увлекательно, как и творить его, - все зависит от исходной установки и от воспитания. В результате транспорт у

них только общественный, авиации никакой, зато прекрасно развита проводная связь.

Третья цивилизация - наша, и мы теперь понимаем, почему Странники должны вмешаться прежде всего именно в нашу жизнь. Мы движемся. Мы движемся, а следовательно, можем ошибиться в направлении движения.

Сейчас уже никто не помнит "подмикитчиков", которые с фанатическим энтузиазмом пытались форсировать процесс тагорян и леонидян. Сейчас уже все поняли, что расталкивать под микитки такие в своем роде совершенные цивилизации - занятие столько же бессмысленное и бесперспективное, как пытаться ускорить рост дерева, скажем дуба, таща его вверх за ветки. Странники - не "подмикитчики", у них нет и не может быть такой задачи: форсирование прогресса. Их цель - поиск, выделение, подготовка к приобщению и, наконец, приобщение к Монокосму созревших для этого индивидов. Я не знаю по какому признаку производят Странники этот отбор, и это очень жаль, потому что, хотим мы или не хотим, но если говорить прямо, без околичностей и без наукообразной терминологии, то речь идет вот о чем.

Первое: вступление человечества на путь эволюции второго порядка означает практически превращение Гомо сапиенса в Странника.

Второе: скорее всего, далеко не каждый Гомо сапиенс пригоден для такого превращения.

Резюме:

1. Человечество будет разделено на две неравные части;
2. Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру;
3. Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую;
4. Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую, и это свершится волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой.

Дорогой Каммерер! В качестве социопсихологического упражнения предлагаю Вам для анализа эту не лишенную новизны ситуацию.

Теперь, когда основы прогрессорской стратегии Монокосма стали Вам более или менее ясны, Вы, наверное, лучше меня сумеете определить основные направления контрстратегии и тактики выявления моментов деятельности Странников. Понятно, что поиск, выделение и подготовка к приобщению созревших индивидов не могут не сопровождаться явлениями и событиями, доступными внимательному наблюдателю. Можно ожидать, например, возникновений массовых фобий, новых учений мессианского толка, появление людей с необычными способностями, необъяснимых исчезновений людей, внезапного, как бы по волшебству, появления у людей новых талантов и т. д. Я бы настоятельно рекомендовал Вам также не спускать глаз с тагорян и голованов, аккредитованных на Земле, - их чувствительность к инородному и неизвестному значительно выше нашей. (В этом смысле надлежит следить за поведением и земных животных, особенно стадных и обладающих зачатками интеллекта.)

Разумеется, в сфере вашего внимания должна быть не только Земля, но и Солнечная система в целом, Периферия, и в первую очередь молодая Периферия.

Желаю успеха,
ваш А. Бромберг.

(Конец Документа 1)

ДОКУМЕНТ 2

Президенту сектора
"Урал - Север".

Дата: 13 июня 94 года.

Автор: М. Каммерер, начальник отдела ЧП.

Тема 009 "Визит старой дамы".

Содержание: смерть А. Бромберга.

Президент!

Профессор Айзек Бромберг скорпостижно скончался в санаториуме "Бежин луг" утром 11 июня с. г.

Никаких заметок по поводу модели "Монокосм" и вообще никаких заметок по поводу Странников в его личном архиве не обнаружено. Поиски продолжаем.

Медицинское заключение о смерти прилагается.

М. Каммерер.

(Конец Документа 2)

Именно в таком порядке прочитал эти документы мой молодой стажер Тойво Глумов в начале 95-го года, и, разумеется, эти документы не могли не произвести на него вполне определенного впечатления, не могли не настроить его на вполне определенные предположения, тем более, что они оправдывали самые мрачные его ожидания. Семя пало на благодатную почву. Немедленно разыскал он медицинское заключение и, не обнаружив в нем ровно ничего такого, что подтвердило бы его подозрения, казавшиеся такими естественными, потребовал разрешения обратиться ко мне.

Я хорошо помню это утро: серое, снежное, с настоящей вьюгой за окнами кабинета. Может быть, именно из-за контраста, потому что телом я был здесь, на зимнем Урале, и глаза мои бессмысленно следили за струйками талой воды на стеклах, а перед мысленным взором моим стояла тропическая ночь над теплым океаном, и обнаженное мертвое тело покачивалось в фосфоресцирующей пене, накатывающейся на пологий песчаный берег. Я только что получил информацию из центра о третьем смертном случае на острове Матуку.

В этот момент передо мною возник Тойво Глумов, и я, отогнав видение, пригласил его сесть и говорить.

Без всяких предисловий он спросил меня, считается ли расследование обстоятельств смерти доктора Бромберга законченным.

Я с некоторым удивлением ответил, что никакого расследования, собственно, и не было, равно как не было и никаких особенных обстоятельств смерти полуторавекового старца.

Где же в таком случае, заметки доктора Бромберга по теме "Монокосм"?

Я объяснил, что таких заметок, скорее всего, никогда не существовало.

Письмо доктора Бромберга - это, надо полагать, импровизация. Доктор Бромберг был блестящим импровизатором.

Следует ли понимать тогда, что письмо доктора Бромберга и сообщение о его смерти, посланное Максимом Каммерером Президенту, оказались рядом случайно?

Я смотрел на него, на тонкие губы его, поджатые очень решительно, на его набыченный лоб с упавшей прядью белых волос, и мне было совершенно ясно, что ему хотелось бы от меня услышать. "Да, Тойво, мой мальчик, - хотелось бы ему услышать, - и я думаю так же, как ты. Бромберг догадывался о многом, и Странники убрали его, а бесценные бумаги похитили". Но ничего подобного я, конечно, не думал и ничего подобного я моему мальчику Тойво, конечно, не сказал. Почему документы оказались рядом, я и сам не знал. Скорее всего, действительно случайно. Так я ему и объяснил.

Тогда он спросил меня, пошли ли идеи Бромберга в практическую разработку.

Я ответил, что этот вопрос рассматривается. Все восемь моделей, предложенных экспертами, весьма уязвимы для критики. Что же до идей Бромберга, то обстоятельства не очень-то способствуют серьезному к ним отношению.

Тогда он собрался с духом и спросил меня в лоб, намерен ли я, Максим Каммерер, начальник отдела, заняться разработкой Бромберговских идей. И вот тут наконец я получил возможность его порадовать. Он услышал от меня именно то, что ему хотелось услышать.

- Да, мой мальчик, - сказал я ему. - Именно для этого я и взял тебя к себе в отдел.

Он ушел ошарашенный. Ни он, ни я не подозревали тогда, конечно, что именно в ту минуту он сделал свой первый шаг к Большому Откровению.

Я - психолог-практик. Когда я имею дело с каким-нибудь человеком, я,

говоря без ложной скромности, в каждый момент очень точно чувствую душевное состояние его, направление его мыслей и очень неплохо предсказываю его поступки. Однако, если бы меня попросили объяснить, как это мне удастся, а паче того, попросили бы меня нарисовать, изложить словами, что за образ творится в моем сознании, я бы оказался в весьма затруднительном положении. Как всякий психолог-практик, я был бы вынужден прибегнуть к аналогии из мира искусства или литературы. Сослался бы на героев Шекспира или Достоевского, или Строгова, или Микеланджело, или Иоганна Сурда.

Так вот Тойво Глумов напомнил мне мексиканца Риверу. Я имею в виду хрестоматийный рассказ Джека Лондона. Двадцатый век. Или даже девятнадцатый, не помню точно.

По профессии Тойво Глумов был Прогрессором. Специалисты говорили мне, что из него мог бы получиться Прогрессор высочайшего класса, Прогрессор-ас. У него были блестящие данные. Он великолепно владел собой, он обладал исключительным хладнокровием, редкостной быстротой реакции, и он был прирожденным актером и мастером имперсонации. И вот, проработав Прогрессором чуть больше трех лет, он без всяких на то видимых причин подал в отставку и вернулся на Землю. Едва закончив рекондиционирование, он сел на БВИ и без особого труда выяснил, что единственной организацией на нашей планете, могущей иметь отношение к его новым целям, является КОМКОН-2.

Он возник передо мною в декабре 94 года, исполненный ледяной готовности вновь и вновь отвечать на вопросы, почему он, такой многообещающий, абсолютно здоровый, всячески поощряемый, бросает вдруг свою работу, своих наставников, своих товарищей, разрушает тщательно разработанные планы, гасит возлагавшиеся на него надежды... Ничего подобного я, разумеется, спрашивать у него не стал. Меня вообще не интересовало, почему он не хочет более быть Прогрессором. Меня интересовало, почему он вдруг захотел стать контр-Прогрессором, если можно так выразиться.

Ответ его запомнился. Он испытывает неприязнь к самой идее Прогрессорства. Если можно, он не станет углубляться в подробности. Просто он, Прогрессор, относится к Прогрессорству отрицательно. И там (он показал большим пальцем через плечо) ему пришла в голову тривиальная мысль: пока он, размахивая шпагой, топчется по булыжнику Арканарских площадей, здесь (он показал указательным пальцем себе под ноги) какой-нибудь ловкач в модном радужном плащике и с метавизиркой через плечо прохаживается по площадям Свердловска. Насколько он, Тойво Глумов, знает, эта простенькая мысль мало кому приходит в голову, а если и приходит, то в нелепом юмористическом или романтическом обличьи. Ему же, Тойво Глумову, эта мысль не дает покоя: никаким богам нельзя позволить вступаться в наши дела, богам нечего делать у нас на Земле, ибо "блага богов - это ветер, он надувает паруса, но и подымает бурю". (Потом я с большим трудом отыскал эту цитату - оказалось, она из Верблибена.)

Невооруженным глазом было видно - передо мною фанатик. К сожалению, как всякий фанатик, склонный к крайностям в суждениях чрезвычайным. (Взять хотя бы его высказывания о Прогрессорстве, о которых еще пойдет речь.) Но он готов был действовать. И я без дальнейших разговоров взял его к себе и сразу посадил на тему "Визит старой дамы".

Тойво Глумов оказался работником! Он был энергичен, он был инициативен, он не знал усталости. И - очень редкое качество в его возрасте - его не разочаровывали неудачи. Для него не существовало отрицательных результатов. Более того, отрицательные результаты исследований радовали его точно так же, как и редкие положительные. Он словно бы изначально настроился на то, что при жизни его ничего определенного не обнаружится, и умел черпать удовольствие из самой (зачастую достаточно нудной) процедуры анализа мало-мальски подозрительных ЧП. Замечательно, что мои старые работники - Гриша Серосовин, Сандро Мтбевари, Андрюша Кикин и другие - при нем как бы подтянулись, перестали лоботрясничать, стали гораздо менее ироничны и гораздо более деловиты, и не то чтобы они брали с него пример, об этом не могло быть и речи, он был для них слишком молод, слишком зелен, но он словно заразил их своей серьезностью, сосредоточенностью на деле, а больше всего поражала их, я думаю, та тяжелая ненависть к объекту работы, которая

угадывалась в нем и которой они сами были лишены начисто. Как-то случайно я упомянул при Грише Серосовине о смуглом мальчишке Ривере и вскоре обнаружил, что все они отыскиали и перечитали этот рассказ Джека Лондона.

Как и у Риверы, у Тойво не было друзей. Его окружали верные и надежные коллеги, и сам он был верным и надежным партнером в любом деле, но друзьями так и не обзавелся. Полагаю, потому, что слишком трудно было быть его другом, - он никогда и ни в чем не был доволен собой, а потому никогда и ни в чем не давал спуска окружающим. Была в нем этакая беспощадная сосредоточенность на цели, которую я замечал разве что только у крупных ученых и спортсменов. Какая уж тут дружба...

Впрочем, один-то друг у него был. Я имею в виду его жену Асю Стасову, Анастасию Петровну. Когда я познакомился с нею, это была прелестная маленькая женщина, живая, как ртуть, острая на язык и в высшей степени склонная к скоропалительным мнениям и опрометчивым суждениям. Поэтому обстановка у них в доме была всегда приближена к боевой, и одно удовольствие было наблюдать (со стороны) их постоянно вспыхивающие словесные баталии.

Это было тем более удивительное зрелище, что в обычной, то есть рабочей обстановке Тойво производил впечатление человека скорее медлительного и немногословного. Он был словно постоянно заторможен на какой-то важной тщательно обдумываемой идее. Но не с Асей. С нею он был Демосфен, Цицерон, апостол Павел, он вещал, он строил максимы, он, черт меня побери, даже иронизировал!.. Трудно даже представить себе, насколько разными были эти два человека: молчаливый и медлительный Тойво-Глумов-На-Работе и оживленный, болтливый, философствующий, постоянно заблуждающийся и азартно свои заблуждения отстаивающий Тойво-Глумов-Дома. Дома он даже ел со вкусом. Даже капризничал по поводу еды. Ася работала гастрономом-дегустатором и готовила всегда сама. Так было принято в доме ее матери, так было принято в доме ее бабушки. Эта восхищавшая Тойво Глумова традиция уходила в семье Стасовых в глубину веков, в те невообразимые времена, когда еще не существовала молекулярная кулинария и обыкновенную котлету приходилось изготавливать посредством сложнейших и не очень аппетитных процедур...

И еще у Тойво была мама. Каждый день, чем бы он ни был занят и где бы он ни был, он обязательно выбирал минутку, чтобы связаться с нею по видеоканалу и обменяться хотя бы несколькими словами. У них это называлось "контрольным звонком". Много лет назад я познакомился с Майей Тойвовной Глумовой, но обстоятельства нашего знакомства были настолько печальны, что впоследствии мы с нею никогда больше не встречались. Не по моей вине. И вообще ни по чьей вине. Короче говоря, она была обо мне крайне дурного мнения, и Тойво это знал. Он никогда не говорил о ней со мною. Но с нею обо мне говорил неоднократно - я узнал об этом много позже...

Эта раздвоенность, без сомнения, раздражала и угнетала его. Не думаю, чтобы Майя Тойвовна говорила обо мне дурно. И уже совершенно невероятно, чтобы она рассказала сыну страшную историю гибели Льва Абалкина. Скорее всего, когда Тойво заводил речь о своем непосредственном начальнике, она просто холодно уклонялась от этой темы. Но и этого с лихвой хватало.

Ведь я для Тойво был не просто начальник. Ведь я, по сути, был единственным его единомышленником, единственным человеком во всем необъятном КОМКОНе-2, который с абсолютной серьезностью, безо всяких скидок, относился к проблеме, которая захватила его целиком. Кроме того, он относился ко мне с огромным пиететом. Как-никак, а его начальником был легендарный МакСим! Тойво еще на свете не было, а Мак Сим уже на Саракше подрывал лучевые башни и дрался с фашистами... Непревзойденный Белый Ферзь! Организатор операции "Вирус", после которой сам Суперпрезидент дал ему прозвище Биг-Баг! Тойво был еще школьником, а Биг-Баг проник в Островную Империю, в самую Столицу... первый из землян, да и последний, кстати... Конечно, все это были подвиги Прогрессора, но ведь сказано же: Прогрессора может одолеть только Прогрессор! А Тойво истово исповедовал эту простую идею.

И потом вот еще что. Тойво представления не имел, как он станет действовать, когда наконец вмешательство Странников в земные дела будет установлено и доказано с совершенной достоверностью. Никакие исторические аналогии из вековой деятельности земных Прогрессоров здесь не годились. Для герцога Ируканского разоблаченный Прогрессор-землянин был демоном или

практикующим чародеем. Для контрразведчика Островной Империи тот же Прогрессор был ловким шпионом с материка. А что такое разоблаченный Прогрессор-Странник с точки зрения сотрудника КОМКОНа-2?

Разоблаченный чародей подлежал сожжению: неплохо было также засадить его в каменный мешок и заставить изготавливать золото из собственного дерьма. Ловкий шпион с материка подлежал перевербовке или уничтожению. А как следовало поступить с разоблаченным Странником?

Тойво не знал ответов на эти и подобные им вопросы. И никто из его знакомых не знал ответов на эти вопросы. Большинство вообще считало эти вопросы некорректными. "Как быть, если на винт твоей моторки намотало бороду водяного? Распутывать? Беспощадно резать? Хватать водяного за щеки?" Со мной Тойво на эти темы не говорил. А не говорил потому, как мне кажется, что изначально убедил себя, будто бы Биг-Баг, легендарный Белый Ферзь, хитроумный Мак Сим давным-давно уже все это продумал, проанализировал все возможные варианты, составил детальные разработки и утвердил их в высшем руководстве.

Я его не разочаровывал. До поры до времени.

Надо сказать, Тойво Глумов вообще был человеком предвзятых мнений. (Да и как могло быть иначе при его фанатизме?) Например, он никак не желал признавать связи между своей темой "Визит старой дамы" и давно разрабатывавшейся у нас темой "Рип Ван Винкль". Случаи внезапных и совершенно необъяснимых исчезновений людей в семидесятых - восьмидесятых годах и столь же внезапных и необъяснимых их возвращений были единственным моментом "Меморандума Бромберга", который Тойво решительно отказался рассматривать и вообще принять во внимание. "Здесь у него какая-то описка, - утверждал он. - Или мы неправильно его понимаем. Зачем это нужно Странникам - чтобы люди необъяснимо исчезали?" И это при том, что "Меморандум Бромберга" стал его катехизисом, программой его работы на всю жизнь вперед... Видимо, он не мог, не желал признать за Странниками могущества почти сверхъестественного. Такое признание обесценило бы его работу полностью. В самом деле, какой смысл выслеживать, искать, ловить существо, которое в любой момент способно рассыпаться в воздухе и собрать себя потом в любом другом месте?..

Но, при всей своей склонности к предвзятым суждениям, он никогда не пытался бороться против установленных фактов. Я помню, как он, совсем еще зеленый неопит, убедил меня подключиться к расследованию трагедии на острове Матуку.

Делом этим, естественно, занимался сектор "Океания", где ни о каких Странниках и слышать не хотели. Но дело было уникальное, не имевшее никаких precedентов в прошлом (надеюсь искренне, что и в будущем ничего подобного более не случится), и нас с Тойво приняли в него без возражений.

На острове Матуку с незапамятных времен торчал старинный полуразвалившийся радиотелескоп. Кто его построил и зачем - установить так и не удалось.

Остров числился необитаемым, его посещали только случайные группы дельфинов, да еще случайные парочки, искавшие жемчуг в прозрачных заливах на северном берегу. Однако, как скоро стало известно, там на протяжении нескольких последних лет постоянно жила вдвоенная семья голованов. (Нынешнее поколение уже стало забывать, кто такие голованы. Я напоминаю: это раса разумных киноидов с планеты Саракш, одно время находившаяся в очень тесном контакте с землянами. Эти большеголовые говорящие собаки охотно сопровождали нас по всему Космосу и даже имели на нашей планете нечто вроде дипломатического представительства. Лет тридцать назад они ушли от нас и в контакты с людьми больше не вступали.)

На юге острова была округлая вулканическая бухта. Она была неопишима грязна, берега ее обросли какой-то мерзкой пеной. Похоже, вся эта дрянь имела органическое происхождение, потому что привлекала к себе неисчислимые стаи морских птиц. Впрочем, остальные воды бухты были безжизненны. Там даже водоросли размножались неохотно.

И на этом острове происходили убийства. Одни люди убивали других, и это было до такой степени страшно, что в течение нескольких месяцев ни у кого рука не поднималась сообщить об этих событиях средствами массовой информации.

Довольно скоро выяснилось, что виною, а точнее - причиной, всему был исполинский силурийский моллюск, чудовищное первобытное головоногое,

некоторое время назад поселившееся на дне вулканической бухты. Должно быть, его закинуло туда тайфуном. Биополе этого монстра, время от времени всплывавшего на поверхность, оказывало угнетающее действие на психику высших животных. В частности, у человека оно вызывало катастрофическое снижение уровня мотивации, в этом биополе человек становился асоциален, он мог убить приятеля, случайно уронившего в воду его рубашку. И убивал.

Так вот Тойво Глумов вбил себе в голову, будто этот моллюск и есть предсказанный Бромбергом индивид Монокосма в процессе сотворения. Надо признаться, что вначале, когда фактов еще не было совсем, рассуждения его выглядели довольно убедительно (если вообще можно говорить об убедительности логики, построенной на фантастической предпосылке). И надо было видеть, как шаг за шагом отступал он под давлением все новых данных, которые ежедневно добывали потрясенные специалисты по головоногим и палеонтологи...

Добил его один студент-биолог, раскопавший в Токио японский манускрипт тринадцатого века, где приводилось описание этого или такого же чудовища (цитирую по своему дневнику): "В Восточных морях видят катапуморидако пурпурного цвета с множеством длинных тонких рук, высовывающиеся из круглой раковины размером в тридцать футов с остриями и гребнями, глаза как бы гнилые, весь оброс полипами. Когда всплывает, лежит на воде плоско наподобие острова, распространяя зловоние и испражняясь белым, чтобы приманить рыб и птиц. Когда они собираются, хватает их руками без разбора и питается ими. В лунные ночи лежит, колыхаясь на волнах, устремив глаза в поднебесье, и размышляет о пучине вод, откуда извергнут. Размышления эти столь мрачны, что ужасают людей, и они уподобляются тиграм".

Помню, как прочитавши это, Тойво несколько минут молчал в глубокой задумчивости, а затем вздохнул - как мне показалось, с облегчением - и сказал: "Да. Это не то. И хорошо, потому что слишком уж мерзко". По его представлениям Монокосм должен быть существом вполне отвратительным, но все же не до такой степени. Монокосм в обличье силурийского спрута не влезал в его представления. (Точно так же, к слову, как не влезал этот моллюск ни в какие представления специалистов - со своим ядоносным биополем, со своим раздвижным панцирем и со своим личным возрастом, превышающим четыреста миллионов лет.)

Таким образом, первое серьезное дело, за которое взялся Тойво Глумов, закончилось ничем. Таких пустышек в дальнейшем было у него немало, и вот в середине 98-го года он попросил у меня разрешение взяться за обработку материалов по массовым фобиям. Я разрешил.

ДОКУМЕНТ 3

РАПОРТ-ДОКЛАД
N 011/99
КОМКОН-2
Урал - Север

Дата: 20 марта 99 года.

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: "Визит старой дамы"

Содержание: космофобия, "синдром пингвина".

Анализируя случаи возникновения космических фобий за последние сто лет, я пришел к заключению, что в рамках темы 009 для нас могут представлять интерес материалы по так называемому "синдрому пингвина".

Источники:

А. Мебиус, доклад на XIV конференции космопсихологов, Рига, 84.

А. Мебиус. "Синдром пингвина", ПКП ("Проблемы космической психологии"), 42, 84.

А. Мебиус. "Снова о природе "синдрома пингвина", ПКП, 44, 85.

Справка: Мебиус Асмодей-Матвей, доктор медицины, чл.-корр. АМН Европы, директор филиала Всемирного института космической психопатологии (Вена). Род. 26.04.36, Инсбрук. Образование: факультет психопатологии,

Сорбонна; Второй институт космической медицины, Москва; Высшие курсы бесприборной акванавтики, Гонолулу. Основные области научных интересов: внепроизводственные космо- и аквафобии. С 81 по 91 - заместитель председателя Главной медицинской комиссии Управления космического флота. Ныне общепризнанный основатель и глава школы так называемой "полиморфной космопсихопатологии".

7 октября 84 года на конференции космопсихологов в Риге доктор Асмодей Мебиус сделал сообщение о новом виде космофобии, который он назвал "синдром пингвина". Фобия представляет собой неопасное психическое отклонение, выражающееся в навязчивых кошмарах, поражающих больного во время сна. Стоит больному задремать, как он обнаруживает себя висющим в безвоздушном пространстве, абсолютно беспомощным и бессильным, одиноким и всеми забытым, отданным на волю бездушных и неодолимых сил. Он физически ощущает мучительное удушье, чувствует, как тело его прожигают насквозь разрушительные жесткие излучения, как истончаются и тают его кости, как закипает и начинает испаряться мозг, неслыханное, невероятное по интенсивности отчаяние охватывает его, и он просыпается.

Доктор Мебиус не считал эту болезнь опасной потому, во-первых, что она не сопровождалась какими бы то ни было уязвлениями психики и соматикой, а во-вторых, успешно поддавалась амбулаторной психотерапии. "Синдром пингвина" привлек внимание доктора Мебиуса прежде всего потому, что являлся совершенно новым явлением, не описанным ранее никем и никогда. Удивительно было, что болезнь эта поражает людей без различия пола, возраста и профессии, не менее удивительным было и то, что не усматривалось никакой связи синдрома с ген-индексом заболевшего.

Заинтересовавшись этиологией явления, доктор Мебиус подверг собранный материал (около тысячи двухсот случаев) многофакторному анализу по восемнадцати параметрам и с удовлетворением обнаружил, что в 78 процентах случаев синдром возникал у людей, совершавших дальние космические перелеты на кораблях типа "Призрак-17-пингвин". "Я ожидал чего-либо подобного, - объявил доктор Мебиус. - На моей памяти это не первый случай, когда конструкторы предлагают нам недостаточно апробированную технику. Именно поэтому я назвал открытый мною синдром названием типа корабля, и пусть это послужит назиданием".

На основании доклада доктора Мебиуса конференция в Риге вынесла решение временно запретить эксплуатацию кораблей типа "Призрак-17-пингвин" впредь до полного устранения конструктивных недостатков, вызывающих фобию.

1. Я установил, что тип "Призрак-17-пингвин" был подвергнут самому тщательному обследованию, в ходе которого никаких сколько-нибудь существенных конструкторских просчетов обнаружено не было, так что непосредственная причина возникновения "синдрома пингвина" так и осталась открытой мглой и туманом. (впрочем, желая свести риск к нулю, Управление космического флота сняло "пингины" с пассажирских линий и переоборудовало их под автопилоты.) Случаи "синдрома пингвина" резко пошли на убыль, и, насколько мне теперь известно, последний был зарегистрирован 13 лет назад.

Однако я не был удовлетворен. Меня беспокоили те 22 процента обследованных, отношение которых к кораблям типа "Призрак-17-пингвин" оставалось неясным. Из этих 22 процентов, по данным доктора Мебиуса, 7 процентов заведомо не имели никакого дела с "пингвинами", а остальные 15 процентов не могли сказать по этому поводу ничего путного: они либо не помнили, либо никогда не интересовались типами кораблей, на которых ходили в космос.

Конечно, статистическая значимость гипотезы о причастности "пингинов" к возникновению фобии не вызывает никаких сомнений. Однако же 22 процента - это немало. И я вновь подверг материалы Мебиуса многофакторному анализу по двадцати дополнительным параметрам, причем параметры эти я выбирал, признаюсь, уже в значительной степени случайно, не имея в запасе никакой даже самой сомнительной гипотезы. Например, у меня были такие параметры: даты стартов с точностью до месяца, место рождения с точностью до региона, хобби с точностью до класса... и так далее.

Дело, однако, оказалось совершенно простым, и только извечная убежденность человечества в изотропности Вселенной помешала доктору Мебиусу обнаружить то, что удалось нащупать мне. Выяснилось же следующее:

"синдром пингвина" поражал людей, совершавших космические перелеты по маршрутам на Саулу, на Редут и на Кассандру, иначе говоря, через подпространственный сектор входа 41/02.

"Призрак-17-пингвин" был ни в чем не виновен. Просто подавляющее большинство этих кораблей в те времена (начало 80-х годов) прямо со стапелей направлялось на маршруты Земля - Кассандра - Зефир и Земля - Редут - ЕН 2105. 80 процентов кораблей на этих маршрутах были тогда "пингвинами". Так объясняются 78 процентов доктора Мебиуса. Что же касается остальных 22 процентов заболевших, то 20 из них летали по этим маршрутам на кораблях других типов, и оставались только 2 процента, которые не летали никуда и никогда, но это уже не играло принципиальной роли.

2. Данные доктора Мебиуса, безусловно, неполны. Воспользовавшись анамнезами, им собранными, а также данными архивов Управления космофлота, мне удалось установить, что за рассматриваемый период по рассматриваемым маршрутам переместилось в обе стороны 4512 человек, из которых 183 человека (главным образом члены экипажа) совершали полные рейсы неоднократно. Более двух третей членов реферируемой группы в поле зрения доктора Мебиуса не попали. Напрашивается вывод, что они либо оказались иммунными к "синдрому пингвина", либо по каким-то причинам не сочли необходимым обращаться к врачам. В связи с этим мне представилось крайне важным установить:

были ли среди членов реферируемой группы лица, оказавшиеся иммунными в синдрому;

если таковые были, то нельзя ли установить причины иммунности или хотя бы биосоциопсихологические параметры, по которым эти лица отличаются от пострадавших.

С этими вопросами я обратился к самому доктору Мебиусу. Он ответил мне, что эта проблема его никогда не интересовала, но он склонен полагать, что существование такого рода биосоциопсихологических параметров представляется ему маловероятным. В ответ на мою просьбу он согласился поручить исследование этой проблемы одной из своих лабораторий, предупредив, что результатов следует ожидать не ранее, чем через два-три месяца.

Чтобы не терять времени, я обратился к архивам медцентра Управления космофлота и попытался проанализировать данные по всем 124 пилотам, совершавшим регулярные полные рейсы по рассматриваемым маршрутам за рассматриваемый период времени.

Элементарный анализ показал, что, по крайней мере для пилотов, вероятность подвергнуться поражению "синдромом пингвина" составляет примерно 1/3 и НЕ ЗАВИСИТ от числа рейсов, проделанных ими через "опасный" сектор. Таким образом, представляется весьма вероятным, что а) две трети людей иммунны к поражению "синдромом пингвина" и б) человек, лишенный иммунитета, поражается синдромом с вероятностью, близкой к единице. Именно поэтому вопрос об отличии иммунного человека от неиммунного представляет особый интерес.

3. Считаю необходимым привести полностью примечание доктора Мебиуса к его статье "Снова о природе "синдрома пингвина". Доктор Мебиус пишет:

"Любопытное сообщение я получил от коллеги Кривоклыкова (Крымский филиал второго ИКМ). После опубликования моего доклада в Риге он написал мне, что вот уже на протяжении многих месяцев видит сны, по сюжету необычайно похожие на кошмары страдающих "синдромом пингвина", - он ощущает себя висящим в безвоздушном пространстве, вдали от планет и звезд, он не чувствует своего тела, но видит его, равно как и многочисленные космические объекты, реальные и фантастические. Но в отличие от страдающих "синдромом пингвина" он не испытывает при этом никаких отрицательных эмоций. Напротив, происходящее кажется ему интересным и приятным. Ему представляется, будто он самостоятельное небесное тело, движущееся по избранной им траектории. Само движение доставляет ему удовольствие, ибо движется он к некоей цели, обещающей массу интересного. Сам вид звездных скоплений, мерцающих в бездне, вызывает у него ощущения неизъяснимого восторга и прочее. Мне пришло было в голову, что в лице коллеги Кривоклыкова я имею случай некоей инверсии "синдрома пингвина", каковая представила бы большой теоретический интерес в свете изложенных мною в статье соображений. Однако я был разочарован: оказалось, что collega

Кривоклыков никогда в жизни не летал на звездолетах типа "Призрак-17-пингвин". Впрочем, я не оставляю надежды на то, что инверсия "синдрома пингвина" реально существует как психическое явление, и буду благодарен любому врачу, который соизволит сообщить мне новые данные по этому поводу".

Справка:

Кривоклыков Иван Георгиевич, сменный врач-психиатр базы "Лембой" (ЕН 2105), в рассматриваемый период неоднократно проходил по маршруту Земля - Редут - ЕН 2105 на звездолетах разных типов. Согласно данным БВИ в настоящее время находится на базе "Лембой".

В ходе личной беседы с доктором Мебиусом я выяснил, что за последние годы он обнаружил "положительную" инверсию "синдрома пингвина" еще у двух человек. Имена их назвать отказался по соображениям врачебной этики.

Я не берусь комментировать явление инверсии "синдрома пингвина" сколько-нибудь подробно, однако мне кажется очевидным, что носителей такой инверсии должно быть заметно больше, чем это известно сейчас.

Т. Глумов

(Конец Документа 3)

Документ 3 я привел здесь не только потому, что это был один из наиболее обещающих рапортов, представленных Тойво Глумовым. Читая и перечитывая его, я почувствовал, что мы, кажется, впервые напали на настоящий след, хотя тогда мне и в голову не приходило, что с него начнется та цепочка событий, которая сыграет решающую роль в моем приобщении к Большому Откровению.

21 марта я прочитал доклад Тойво относительно "синдрома пингвина".

25марта Колдун устроил свою демонстрацию в Институте Чудаков (узнал я об этом лишь несколько дней спустя).

А 27 марта Тойво представил мне рапорт относительно фукамифобии.

ДОКУМЕНТ 4

РАПОРТ-ДОКЛАД
N 013/99
КОМКОН-2
Урал - Север

Дата: 26 марта 99 года

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: "Визит старой дамы".

Содержание: фукамифобия, история поправки к "Закону об обязательной биоблокаде".

Анализируя случаи возникновения массовых фобий за последние сто лет, я пришел к выводу, что в рамках темы 009 для нас могут представить интерес события, которые предшествовали принятию 2.02.85 года Всемирным Советом известной поправки к закону о "биоблокаде".

Надлежит принять во внимание:

1. Биоблокада, она же Токийская процедура, систематически применяется на Земле и на периферии около ста пятидесяти лет. Биоблокада - термин непрофессиональный, принятый, главным образом у журналистов. Специалисты-медики называют эту процедуру фукамизацией в честь сестер Натальи и Хосико Фуками, впервые теоретически обосновавших и применивших ее на практике. Целью фукамизации является повышение естественного уровня приспособляемости человеческого организма к внешним условиям (биоадаптация). В классической своей форме процедура фукамизации применяется исключительно к младенцам, начиная с последнего периода внутриутробного развития. Насколько мне удалось установить и понять, процедура состоит из двух этапов.

Внедрение сыворотки УНБЛАФ (культура "бактерии жизни") на несколько порядков увеличивает сопротивляемость организма ко всем известным инфекциям, вирусным, бактериальным и споровым, а также ко всем органическим ядам (это и есть собственно биоблокада).

Растормаживание гипоталамуса микроволновыми излучениями многократно повышает способность организма адаптироваться к таким физическим агентам внешней среды, как жесткая радиация, неблагоприятный газовый состав атмосферы, высокая температура. Кроме того, многократно повышается способность организма к регенерации поврежденных внутренних органов, увеличивается диапазон спектра, воспринимаемого сетчаткой, повышается способность к психотерапии и т. д.

2. Процедура фукамизации применялась до 85 года в обязательном порядке согласно "закону об обязательной биоблокаде". В 82 году на рассмотрение Всемирного Совета был внесен проект поправки, предусматривающей отмену обязательности фукамизации для младенцев, появляющихся на свет на Земле. Поправка предусматривала замену процедуры фукамизации так называемой "прививкой зрелости", предназначенной для лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста. В 85 году Всемирный Совет (большинством всего в двенадцать голосов) принял поправку к "закону об обязательной биоблокаде". Согласно этой поправке обязательная фукамизация отменялась, применение ее оставлялось полностью на усмотрение родителей. Лица, не прошедшие фукамизацию в младенческом возрасте, получили право отказаться впоследствии и от "прививки зрелости", однако в этом случае они теряли возможность работать в профессиональных областях, связанных с большими физическими и психическими нагрузками. По данным БВИ к настоящему моменту на Земле живет около миллиона подростков, не прошедших фукамизацию, и около двадцати тысяч, отказавшихся от "прививки зрелости".

По существу событий, которые привели в феврале 85 года к принятию поправки к "закону о биоблокаде", мною установлено следующее.

1. За полтора десятилетия глобальной практики фукамизации не известно ни одного случая, чтобы эта процедура причинила фукамизированному хоть какой-нибудь вред. Неудивительно поэтому, что случаи отказа матерей от фукамизации были до весны 81 года чрезвычайно редки. Подавляющее большинство врачей, с которыми я консультировался, до указанного времени о таких случаях не слышали никогда. Выступления же против фукамизации, носящие теоретический и пропагандистский характер, имели место неоднократно. Вот наиболее характерные публикации нашего века:

Дебук Ш., "Построить человека?", Лион, 32.

Посмертное издание последней книги крупного (ныне забытого) антиевгениста. Вторая часть книги целиком посвящена критике фукамизации как "беззастенчиво-вкрадчивого вторжения в естественное состояние человеческого организма". Подчеркивается необратимый характер изменений, вызываемый фукамизацией ("...никогда и никому еще не удавалось затормозить расторможенный гипоталамус..."), но главный упор делается на то обстоятельство, что эта типично евгеническая процедура, освещенная авторитетом мирового закона, вот уже на протяжении многих лет служит дурным и соблазнительным прецедентом для новых евгенических экспериментов.

Пумивур К., "Ридер: права и обязанности", Бангкок, 15.

Автор, вице-президент Всемирной ассоциации ридеров, - сторонник и пропагандист максимально активного участия ридеров в деятельности человечества. Выступает против фукамизации, основываясь на данных личной статистики. Утверждает, что фукамизация якобы неблагоприятна для возникновения у человека ридер-потенции, и хотя относительная численность ридеров за эпоху фукамизации не уменьшилась, однако за это время не появилось ни одного ридера, по мощи сравнимого с теми, что действовали в конце XXI и в начале XXII века. Призывает к отмене обязательности фукамизации - вначале хотя бы для детей и внуков ридеров. (Все материалы книги безнадежно устарели: в тридцатых годах появилась блистательная плеяда ридеров невероятной мощи - Александр Солемба, Петер Дзомны и другие.)

Август Ксесис, "Камень преткновения", Афины, 37.

Известный теоретик и проповедник ноофилизма посвятил свою брошюру резкой критике фукамизации, впрочем, критике скорее поэтической, нежели рациональной. В рамках представления ноофилизма как своеобразной вульгаризации теории Яковица, Вселенная есть вместилище ноокосмоса, в

который вливается после смерти ментально-эмоциональный код человеческой личности. Судя по всему, Ксесис абсолютно ничего не понимает в фукамизации, представляет себе ее чем-то вроде аппендэктомии и страстно призывает отказаться от столь грубой процедуры, калечащей и искажающей ментально-эмоциональный код. (По данным БВИ после принятия поправки ни один членов конгрегации ноофилистов не согласился на фукамизацию своих детей.)

Тосивилл Дж., "Человек Дерзкий", Бирмингем, 51.

Эта монография представляет собой достаточно типичный образец целой библиотеки книг и брошюр, посвященных пропаганде свертывания технологического прогресса. Для всех книг такого рода характерна апологетика застывших цивилизаций типа тагорской или биоцивилизации Леониды. Технологический прогресс Земли объявляется сыгравшим свою роль. Экспансия человечества в Космос изображается как своего рода социальное мотовство, обещающее в перспективе жесточайшее разочарование. Человек Разумный превращается в Человека Дерзкого, который в погоне за количеством рациональной и эмоциональной информации теряет в качестве ее. (Подразумевается, что информация о психокосмосе обладает неизмеримо высоким качеством, нежели информация о Внешнем Космосе в самом широком смысле слова.) Фукамизация оказывает человеку плохую услугу именно потому, что способствует перерождению Человека Разумного в Человека Дерзкого, расширяя и фактически стимулируя его экспансионистские потенции. Предлагается на первом этапе отказаться от растормаживания гипоталамуса.

Оксовью К., "Движение по вертикали", Калькутта, 61.

К. Оксовью - псевдоним ученого или группы ученых, сформулировавших и пустивших в обращение небезызвестную идею так называемого вертикального прогресса человека. Раскрыть псевдоним мне не удалось. Имею основания полагать, что К. Оксовью - либо председатель КОМКОНа-1 Г. Комов, либо кто-нибудь из его единомышленников в Академии социального прогнозирования. Данное издание является первой монографией "вертикалистов". Шестая глава посвящена подробно рассмотрению всех аспектов фукамизации - биологических, социальных и этических - с точки зрения вертикального прогресса. Основная опасность фукамизации усматривается в возможности неконтролируемого влияния ее на генотип. В подтверждение этой идеи впервые, насколько мне удалось выяснить, приводятся данные о многочисленных случаях передачи по наследству свойств фукамизированного организма. Объясняются более ста случаев, когда механизм плода еще в утробе матери начинал вырабатывать антитела, характерные для воздействия сыворотки УНБЛАФ, и более двухсот случаев, когда новорожденные обладали врожденно расторможенным гипоталамусом. Более того, зарегистрировано более тридцати случаев передачи такого рода свойств уже в третье поколение. Подчеркивается, что хотя такого рода явления и не представляют непосредственной опасности для подавляющего большинства людей, они являются красноречивой иллюстрацией того факта, что фукамизация далеко не так хорошо исследована, как утверждают ее адепты. Нельзя не отметить, что материал подобран с необычайной тщательностью и подан весьма эффектно. Например: несколько впечатляющих абзацев посвящены так называемым Г-аллергикам, которым расторможение гипоталамуса противопоказано. Г-аллергия есть чрезвычайно редкое состояние организма, легко обнаруживаемое у плода еще в материнской утробе и потому никакой опасности не представляющее - такого младенца просто не подвергают второму этапу фукамизации. Если же расторможенный гипоталамус будет передан Г-аллергику по наследству, медицина окажется бессильной - на свет появится неизлечимо больной человек. К. Оксовью удалось обнаружить один такой случай, и он не жалеет красок для его описания. Еще более апокалиптическую картину рисует автор, изображая картину будущего, в котором человечество под воздействием фукамизации раскалывается на два генотипа. Эта монография издавалась неоднократно и сыграла, по-видимому, не последнюю роль в обсуждении поправки. Любопытно, однако же, отметить, что последнее издание этой книги (Лос-Анджелес, 99) не содержит ни слова о фукамизации: надо понимать, автор полностью удовлетворен поправкой, и судьба 99.9... процента человечества, продолжающих подвергать своих детей фукамизации, его не интересует.

Примечание: Заключая этот раздел, считаю необходимым подчеркнуть, что подбор и аннотирование материалов для него я осуществлял по принципу их

нетривиальности, с моей личной точки зрения. Заранее приношу свои извинения, если невысокий уровень моей эрудиции вызовет неудовольствие.

2. По-видимому, первый отказ от фукамизации, открывший целую эпидемию отказов, зарегистрирован в родильном покое поселка Ксава (Экваториальная Африка). 17.04.81 года все три роженицы, поступившие в покой на протяжении суток, независимо друг от друга, в разной форме, но совершенно категорически запретили персоналу производить им процедуру фукамизации. Роженица А. (первые роды) мотивировала отказ желанием мужа, недавно погибшего в результате несчастного случая. Роженица Б. (первые роды) мотивировать отказ даже не пыталась, малейшие попытки разубедить ее вызывали у нее истерическое состояние. "Не хочу, и все!" - повторяла она. Роженица В. (третьи роды, протестовала впервые) была очень рассудительна, спокойна и мотивировала отказ нежеланием решать судьбу ребенка без его ведома и согласия. "Вырастет, пусть сам решает", - объявила она.

(Я привожу здесь эти мотивации потому, что они совершенно типичны. С легкими вариациями "отказчицы" прибегали к ним в 95 процентах случаев. В литературе принята следующая классификация. Отказ типа А: вполне рациональная, но в принципе непроверяемая мотивировка, 25 процентов. Отказ типа Б: фобия в чистом виде, истерическое, иррациональное поведение, 65 процентов. Отказ типа В: этические соображения, 10 процентов.

18 апреля в той же больнице произошло еще два отказа, и новые отказы были зарегистрированы в других родильных покоях региона. В конце месяца случаи отказов насчитывались уже сотнями и были зарегистрированы во всех регионах земного шара, а 5 мая пришло первое сообщение о случае отказа вне Земли (март, Большой Сырт). Эпидемия отказов, то вспыхивая, то угасая, продолжалась вплоть до 85 года, так что на момент принятия поправки общее число "отказчиц" составило 50 тысяч (0.01 процента всех рожениц). Закономерности эпидемии феноменологически исследованы очень хорошо и с высокой степенью достоверны, однако сколько-нибудь убедительного объяснения они так и не получили.

Например, было отмечено, что эпидемия имела как бы два географических центра распространения: один в Экваториальной Африке, второй в Северо-Восточной Сибири. Напрашивается аналогия с вероятными центрами распространения человечества, но аналогия эта, разумеется, ничего не объясняет.

Второй пример. Отказы были всегда индивидуальны, однако в пределах каждого родильного покоя каждый отказ как бы порождал следующий. Отсюда термин: "цепь отказов из N звеньев". Число N могло быть весьма велико: в родильном покое Говекайской гинеклиники "цепь отказов" началась 11.09.83 года и тянулась до 21.09, вовлекая всех рожениц, последовательно поступавших в покой, так что общая длина "цепи" составила 19 рожениц.

В некоторых больницах эпидемии отказов возникали и затухали неоднократно. Скажем, в Бернском дворце младенца эпидемия повторилась двенадцать раз.

При всем при этом в подавляющем большинстве родильных покоев Земли об эпидемиях отказов и не слыхивали. Точно так же ничего не слыхивали об отказах и в большинстве внеземных поселений. Однако в тех местах, где эпидемии возникали (Большой Сырт, база Саула, Курорт), они развивались по законам, типичным для Земли.

3. Причиной возникновения фукамифобии посвящена большая литература. Я ознакомился с наиболее солидными работами, которые порекомендовал мне профессор Деруйод из Лхасского психологического центра. Я недостаточно подготовлен для того, чтобы сделать компетентный обзор этих работ, но у сложилось впечатление, что сколько-нибудь общепринятой теории фукамифобии не существует.

Поэтому я ограничусь здесь тем, что дословно приведу фрагмент моей беседы с профессором Деруйодом.

Вопрос: Считаете ли вы возможным возникновение фобии у здорового и благополучного человека?

Ответ: Строго говоря, это невозможно. Фобия у здорового возникает всегда как следствие чрезмерного физического или психического перенапряжения. Вряд ли такого человека можно назвать благополучным. Другое дело, что человек, особенно в наше бурное время, не всегда отдает себе отчет в том, что он надорвался... Субъективно он может считать себя вполне благополучным и даже довольным, и возникновение фобии у него, с

точки зрения дилетанта, может выглядеть явлением необъяснимым...

Вопрос: И применительно к фукамифобии?

Ответ: Вы знаете, с определенной точки зрения беременность и сегодня еще остается таинством... Достаточно сказать, что мы только совсем недавно поняли, что психика беременной женщины есть психика бинарная, результат дьявольски сложного взаимодействия вполне сформировавшейся психики взрослого человека и антенатальной психики плода, о законах которой мы сегодня практически ничего не знаем... А если добавить сюда неизбежные физические стрессы, неизбежные невротические явления... Все это, вообще говоря, образует благоприятную почву для фобий. Однако делать из этого вывод, будто с помощью такого рода рассуждений мы хоть что-то объяснили в этой поразительной истории... Это было бы опрометчиво. Это было бы крайне опрометчиво и несерьезно.

Вопрос: Существуют ли какие-либо отличия "отказчиц" по сравнению с обычными роженицами? Физиологические, психические... Такого рода исследования проводились?

Ответ: Во множестве. Но ничего конкретного установить не удалось. Лично я считал и сейчас считаю, что фукамифобия - это фобия универсальная, как, например, фобия к нуль-транспортировке. Только нуль-Т-фобия есть очень распространенное явление, страх перед первым нуль-Т-переходом испытывает практически каждый человек, независимо от пола и профессии, потом этот страх проходит бесследно... А фукамифобия - явление, к счастью, чрезвычайно редкое. Я говорю "к счастью" потому, что излечивать фукамифобию мы так и не научились.

Вопрос: Правильно ли я вас понял, профессор, что неизвестна ни одна конкретная причина, вызывающая фукамифобию?

Ответ: Достоверно - нет. Разнообразных же гипотез предлагалось множество, десятки.

Вопрос: Например?

Ответ: Например - пропаганда противников фукамизации. На впечатлительную натуру, да еще в состоянии беременности, такая пропаганда могла оказать определенное влияние. Или, скажем, гипертрофия материнского инстинкта, инстинктивная потребность оградить свое дитя от внешних воздействий, хотя бы и полезных... Вы собираетесь возразить? Не надо. Я с вами совершенно согласен. Все эти гипотезы в лучшем случае объясняют только очень узкий круг фактов. Никто не смог объяснить ни явление "цепи отказов", ни географических особенностей явления... И уж совсем никто не понимает, почему все это началось именно весной 81 года, причем не только на Земле, но и очень далеко от Земли...

Вопрос: А почему это кончилось в 85 году - это объяснить можно?

Ответ: Представьте себе, да. Представьте себе, сам факт принятия поправки вполне мог сыграть решающую роль в прекращении эпидемии. Разумеется, и здесь остается много неясного, но это уже частности.

Вопрос: Как вы считаете, не могла ли эпидемия возникнуть в результате каких-то неосторожных экспериментов?

Ответ: Теоретически это возможно. Но мы в свое время проверили эту гипотезу. Никаких экспериментов, способных вызвать массовые фобии, на Земле не производится. Кроме того, не забывайте, что одновременно фукамифобия возникла и вне Земли...

Вопрос: А какого рода эксперименты могли бы вызвать фобии?

Ответ: Вероятно, я выразился не совсем точно. Я могу назвать вам целый ряд, так сказать, технических приемов, с помощью которых у вас, здорового человека, можно было бы вызвать какую-нибудь фобию. Обратите внимание: именно какую-нибудь. Например, я стану облучать вас в определенном режиме нейтринным концентратом, и у вас возникнет фобия. Но что это будет за фобия? Страх пустоты? Страх высоты? Страх страха? Я не могу сказать этого заранее. А о том, чтобы вызвать у человека такую специфическую фобию, как фукамифобия, страх фукамизации... Нет, об этом не может быть и речи. Разве что в сочетании с гипнозом? Но как реализовать такое сочетание практически?... Нет-нет, это несерьезно.

4. При всей своей географической (и космографической) распространенности случаи фукамифобии оставались все-таки явлением чрезвычайно редким в медицинской практике, и сами по себе они вряд ли привели бы к каким-либо изменениям в законодательстве. Однако эпидемия фукамифобии очень быстро из проблемы медицинской превратилась в событие,

носящее социальный характер.

Август 81. Первые зарегистрированные протесты отцов, пока еще носящие частный характер (жалобы в местные и региональные медицинские управления, отдельные обращения в местные Советы).

Октябрь 81. Первая коллективная петиция 129 отцов и двух врачей-акушеров в Комиссию по охране материнства и младенчества при Всемирном Совете.

Декабрь 81. На XVII Всемирном конгрессе Ассоциации акушеров впервые выступает против обязательной фукамизации группа врачей и психологов.

Январь 82. Создается инициативная группа ВЭПИ (названная по инициалам учредителей), объединяющая врачей, психологов, социологов, философов и юристов. Именно группа ВЭПИ начала и довела до конца борьбу за принятие поправки.

Февраль 82. Первый митинг противников фукамизации перед зданием Всемирного Совета.

Июнь 82. Формальное образование оппозиции к "закону" в составе комиссии по охране материнства и младенчества.

Дальнейшая хронология событий, на мой взгляд, особенного интереса не представляет. Время (три с половиной года), потребовавшееся Всемирному Совету для всестороннего изучения и принятия поправки, является достаточно типичным. Зато нетипичным представляется мне соотношение между численностью массовых сторонников поправки и численностью профессионального корпуса. Обычно массовые сторонники нового закона - это как минимум десяток миллионов человек, профессиональный же корпус, квалифицированно представляющий их интересы (юристы, социологи, специалисты по данному вопросу) - всего несколько десятков человек. В нашем же случае массовый сторонник поправки ("отказчицы", их мужья и родственники, друзья, сочувствующие, лица, примкнувшие к движению по религиозным или философским соображениям) никогда не был по-настоящему массовым. Общая численность участников движения не превышала полумиллиона. Что же касается профессионального корпуса, то одна только группа ВЭПИ к моменту принятия поправки включала в себя 536 специалистов.

5. После принятия поправки отказы не прекратились, хотя их число заметно уменьшилось. Самое же главное - на протяжении 85 года изменился сам характер эпидемии. Собственно, это явление уже нельзя назвать эпидемией. Какие бы то ни было закономерности ("цепочки отказов", географические концентрации) исчезли. Теперь отказы носят совершенно случайный, единичный характер, причем мотивировки типа А и Б вообще не встречаются, а превалируют ссылки на поправку. Видимо, поэтому нынешние врачи вообще не рассматривают отказы от фукамизации как проявления фукамифобии. Замечательно, что многие женщины, в свое время категорически отказавшиеся от фукамизации и принимавшие активное участие в движении за поправку, ныне совершенно потеряли интерес к этому вопросу и при родах даже не пользуются правом ссылаться на поправку. Из женщин, отказавшихся от фукамизации в период 81-85 годов, при следующих родах отказались едва 12 процентов. Третий отказ от фукамизации - это и вообще полная редкость: за 15 лет зарегистрировано всего несколько случаев.

6. Считаю необходимым особенно подчеркнуть два обстоятельства.

А. Почти полное исчезновение фукамифобии после принятия поправки обычно объясняется хорошо известными психосоциальными факторами. Современный человек приемлет только те ограничения и обязательства, которые вытекают из морально-этических установок общества. Любое ограничение или обязательство иного рода воспринимается им с ощущением (неосознанной) неприязни и (инстинктивного) внутреннего протеста. И естественно, что, добившись добровольности в вопросе о фукамизации, человек утрачивает основание для неприязни и начинает относиться к фукамизации нейтрально, как к любой обычной медицинской процедуре.

Полностью принимая и понимая эти соображения, я тем не менее подчеркиваю и возможность иной интерпретации - представляющей интерес в рамках темы 009. А именно: вся изложенная выше история возникновения и исчезновения фукамифобии прекрасно истолковывается как результат целенаправленного, хорошо рассчитанного воздействия некоей разумной воли.

Б. Эпидемия фукамифобии хорошо совпадает по времени с появлением "синдрома пингвина". (См. мой рапорт-доклад N 011/99).

Сапиенти сат.

Сейчас я могу с полной определенностью утверждать, что именно этот рапорт-доклад Тойво Глумова произвел в моем сознании ту подвижку, которая и привела меня в конце концов к Большому Откровению. Причем, как ни забавно звучит сейчас, сдвиг этот начался с того непроизвольного раздражения которое вызвали у меня грубые и недвусмысленные намеки Тойво на якобы зловещую роль "вертикалистов" в истории поправки. В оригинале рапорта этот абзац украшен мною жирными отчеркиваниями; я прекрасно помню, что собирался тогда устроить Тойво взбучку за неумеренное фантазирование. Но тут до меня дошли сведения о визите Колдуна в Институт Чудаков, меня наконец осенило, и мне стало не до взбучек.

Я оказался в жесточайшем кризисе, потому что мне не с кем было поговорить. Во-первых, у меня не было никаких предложений. А во-вторых, я не знал, с кем мне теперь можно поговорить, я с кем уже нельзя. Много позже я спрашивал своих ребят: не показалось ли им что-нибудь странным в моем поведении в те жуткие (для меня) апрельские дни 99 года. Сандро тогда был погружен в тему "Рип Ван Винкль" и сам пребывал в состоянии ошеломления, а потому ничего не заметил. Гриша Серосовин утверждал, будто я тогда был особенно склонен отмалчиваться и на все инициативы с его стороны отвечал загадочной улыбкой. А Кикин есть Кикин: ему уже тогда было "все ясно". Тойво же Глумова мое тогдашнее поведение, безусловно, должно было бесить. И бесило. Однако я и в самом деле не знал, что мне делать! Одного за другим я гнал своих сотрудников в Институт Чудаков и каждый раз ждал, что из этого получится, и ничего не получалось, и я гнал следующего и снова ждал.

В это время Горбовский умирал у себя в Краславе.

В это время Атос-Сидоров готовился снова лечь в больницу, и не было уверенности, что он вернется.

В это время Даня Логовенко впервые после многолетнего перерыва напросился ко мне на чашку чая и целый вечер занимался воспоминаниями, болтая сушие пустяки.

В это время я еще ничего не решил.

И тут разразились события в Малой Пеше.

В ночь с 5 на 6 мая меня подняла с постели аварийная служба. В Малой Пеше (на реке Пеше, впадающей в Чешскую губу Баренцева моря) появились какие-то чудовища, вызвавшие взрыв паники среди населения поселка. Аварийная группа направлена, расследование проводится.

Согласно существующему порядку я обязан был направить на место происшествия кого-нибудь из своих инспекторов. Я послал Тойво.

К сожалению, рапорт-доклад инспектора Глумова о событиях и о его действиях в Малой Пеше утрачен. Во всяком случае, мне не удалось его обнаружить. Между тем мне очень хотелось бы показать по возможности подробно, как Тойво проводил это расследование, и потому придется мне прибегнуть к реконструкции событий, основываясь на собственной памяти и на беседах с участниками этого происшествия.

Нетрудно видеть, что предлагаемая реконструкция (а также и все последующие) содержит, кроме совершенно достоверных фактов, еще и кое-какие описания, метафоры, эпитеты, диалоги и прочие элементы художественной литературы. Все-таки мне надо, чтобы читатель увидел перед собою живого Тойво, каким я его помню. Тут одних документов не достаточно. Если угодно, впрочем, можно рассматривать мои реконструкции как свидетельские показания особого рода.

МАЛАЯ ПЕША. 6 МАЯ 99 ГОДА. РАННЕЕ УТРО.

Сверху поселок Малая Пеша выглядел так, как и должно было выглядеть этому поселку в четвертом часу утра. Сонно. Мирно. Пусто. Десяток разноцветных крыш полукругом, заросшая травой площадь, несколько стоящих вразброс глайдеров, желтый павильон у обрыва над рекой. Река казалась неподвижной, очень холодной и неприветливой, клочья белесого тумана висели

над камышами на той стороне.

На крыше клуба, задравши голову, стоял человек и следил за глайдером. Лицо его показалось Тойво знакомым, и ничего удивительного в этом не было: Тойво знал многих аварийщиков, наверное каждого второго.

Он посадил машину рядом с крыльцом и выпрыгнул на сырую траву. Утро здесь было холодное. На аварийщике была уютная куртка с множеством специальных карманов, с гнездами для всяких баллонов, регуляторов, гасителей, воспламенителей и прочих предметов, необходимых для исправного несения аварийной службы.

- Здравствуйте, - сказал Тойво. - Базиль, кажется?

- Здравствуйте, Глумов, - отозвался тот, протягивая руку. -

Правильно. Базиль. Что это вы так долго?

Тойво объяснил ему, что нуль-Т здесь, в Малой Пеше, почему-то не принимает, его выбросило в Нижней Пеше, и пришлось ему взять глайдер и лететь лишних сорок минут по-над рекой.

- Понятно, - сказал Базиль и оглянулся на павильон. - Я так и думал.

Понимаете, они в панике эту нуль-кабину свою до такой степени изуродовали...

- Значит, никто до сих пор так и не вернулся?

- Никто.

- И больше ничего не происходило?

- Ничего. Наши закончили осмотр полтора часа назад, ничего существенного не нашли и отбыли домой делать анализы. Меня оставили, чтобы я никого не пускал, и я все это время чинил нуль-кабину.

- Починили?

- Скорее да, чем нет.

Коттеджи Малой Пешы были старинные, постройки прошлого века, утилитарная архитектура, натурализованная органика, ядовито-яркие краски - от старости. Вокруг каждого коттеджа - непроглядные кусты смородины, сирени, запольярной клубники, а сразу же за полукольцом домов - лес, желтые стволы гигантских сосен, серо-зеленые от тумана хвойные кроны, а над ними, уже довольно высоко, - багровый диск солнца на северо-востоке...

- Что за анализы? - спросил Тойво.

- Ну, здесь осталось довольно много следов... Эта пакость вылезла, видимо, вон из того коттеджа и поползла во все стороны... - Базиль стал показывать руками. - На кустах, на траве, кое-где на верандах осталась подсохшая слизь, какая-то чешуя, комья чего-то такого...

- Что вы видели сами?

- Ничего. Когда мы прибыли, здесь все было вот как сейчас, только туман над рекой стоял.

- Значит, свидетелей не осталось?

- Сначала мы думали, что удрали все поголовно. А потом оказалось: нет, вон в том домике, крайнем, на берегу, благополучно процветает в высшей степени пожилая особа, которая и не подумала удирать...

- Почему? - спросил Тойво.

- Понятия не имею! - ответил Базиль, задрав брови и разведя руки. - Представляете? Кругом паника, все мечутся в ужасе, дверцу нуль-кабины выворотили с корнем, а ей хоть бы хны... Прилетаем мы, разворачиваем свои боевые порядки, шашки наголо, багинеты примкнуты, и вдруг она выходит на крыльцо и этак строго просит нас вести себя потише, потому что своим галдежом мы мешаем ей спать!..

- А была ли паника?

- Ну-ну-ну! - сказал Базиль, предупреждая подняв ладонь. - Здесь было восемнадцать человек, когда все началось. Девять человек драпанули на глайдерах. Пятеро бежали через кабину. А трое без памяти кинулись в лес, заблудились там, и мы их еле нашли. Так что не сомневайтесь, была паника, была... Паника была, чудовища какие-то были, и следы остались. А вот почему старушка не напугалась, этого мы не знаем. Она вообще, какая-то странная, эта старушка. Я своими ушами слышал, как она объявила командиру: "Слишком поздно вы сюда прибыли, голубчики. Ничем вы им теперь не поможете. Все они уже погибли..."

Тойво спросил:

- Что она имела в виду?

- Не знаю, - произнес Базиль недовольно. - Я же вам говорю: странная старушка.

Тойво посмотрел на ядовито-розовый коттедж, содержащий в себе старушку. Садик у этого коттеджа выглядел заметно более ухоженным. Рядом с коттеджем стоял глайдер.

- Я вам не советую ее беспокоить, - сказал Базиль. - Пусть лучше сама проснется, и уж тогда...

В этот момент Тойво почудилось за спиной движение, и он резко повернулся. Из дверей клуба выглядывало бледное лицо с широко раскрытыми испуганными глазами. Несколько секунд незнакомец молчал, затем бескровные губы его шевельнулись, и он проговорил сипловатым голосом:

- Глупейшая история, правда?

- Стоп-стоп-стоп! - добродушно заговорил Базиль, двинувшись на него выставленными вперед ладонями. - Прошу прощения, но сюда нельзя. Аварийная служба.

Незнакомец тем не менее переступил через порог и сразу же остановился.

- Я собственно, и не претендую, - сказал он и откашлялся. - Но обстоятельство... скажите, Григорий с Элей уже вернулись?

Выглядел он достаточно необычно. На нем была меховая доха, под лапами которой виднелись богато расшитые меховые сапоги. Доха была расстегнута на груди и открывала пеструю летнюю рубашку из микросетки, какие тогда предпочитали жители степной полосы. На вид ему было лет сорок - сорок пять, лицо простоватое и славное, только слишком уж бледное - то ли от испуга, то ли от смущения.

- Нет-нет, - ответил Базиль, надвинувшись на него вплотную. - Никто сюда не возвращался, здесь идет расследование, и мы никого сюда не пускаем...

- Подождите, Базиль, - сказал Тойво. - Кто это - Григорий с Элей? - спросил он у незнакомца.

- Кажется я опять не туда попал... - проговорил незнакомец с каким-то даже отчаянием и оглянулся через плечо, где в глубине павильона отсвечивала полированными поверхностями кабина нуль-Т. - Простите, это... м-м-м... ах ты, Господи, я опять забыл... Малая Пеша? Или нет?

- Это Малая Пеша, - сказал Тойво.

- Ну тогда вы же должны знать... Григорий Александрович Ярыгин... Как я понял, он живет здесь каждое лето... - Он вдруг обрадованно закричал, тыча рукой: - Вон же, вон тот коттедж! Вон на веранде мой плащ висит!..

Все тут же разъяснилось. Незнакомец оказался свидетелем. Звали его Анатолий Сергеевич Крыленко, и он был зоотехником, и работал он действительно в степной полосе - в Азгирском агрокомплексе. Вчера на ежегодной выставке новинок в Архангельске он совершенно случайно носом к носу столкнулся со своим школьным другом Григорием Ярыгиным, с которым не виделся вот уже лет десять. Естественно, Ярыгин потащил его к себе, сюда, в эту... эх, опять вылетело... ну да, в Малую Пешу. Они провели прекрасный вечер втроем - он, Ярыгин и жена Ярыгина Эля, катались на лодке, гуляли по лесу, часам к десяти вернулись домой, вон в тот коттедж, поужинали и расположились пить чай на веранде. Было совсем светло, с речки доносились детские голоса, и тепло было, и удивительно пахла заполярная клубника. А потом Анатолий Сергеевич Крыленко вдруг увидел глаза...

В этой самой важной для дела части своего рассказа Анатолий Сергеевич стал, мягко выражаясь, невнятен. Он словно бы тщился пересказать некий жуткий, запутанный сон.

Глаза глядели из сада... Они надвигались, но все время оставались в саду... Два огромных, тошнотворных на вид глаза... По ним все время что-то текло... А слева, сбоку, был еще третий... или три?... И что-то валилось, валилось, валилось через перила веранды и уже подтекало к ступеням... Причем двинуться было совершенно невозможно... Григорий пропал куда-то, Григория не видно. Эля где-то здесь, но ее тоже не видно, только слышно, как она истерически визжит... или хохочет... Тут дверь в комнату распахнулась. Комната по пояс примерно была заполнена шевелящимися студенистыми тушами, а глаза этих туш были там, снаружи, за кустами...

На этом трагедия кончилась, и началась скорее уж комедия. Нуль-транспортёр выбросил Анатолия Сергеевича в поселок Рузвельт на острове Петра Первого. Это в море Беллинсгаузена, на градуснике минус сорок девять, скорость ветра восемнадцать метров с секунду, поселок по тамошнему зимнему времени пуст.

Впрочем, в клубе полярников автоматика задействована, тепло, уютно... Анатолий Сергеевич в своей пестренькой рубашечке и шортах, еще мокрый после чая и пережитого ужаса, приходит в себя. И когда он приходит в себя, его прежде всего, как и следовало ожидать, охватывает непереносимый стыд. Он понимает, что бежал в панике, как последний трус - о таких трусах ему приходилось разве что читать в исторических романах. Он вспоминает, что бросил Элю и по крайней мере еще одну женщину, которую заметил мельком в соседнем коттедже. Он вспоминает детские голоса на реке и понимает, что детей этих он тоже бросил. Отчаянный позыв к действию овладевает им, но вот что замечательно: позыв этот возникает далеко не сразу, а во-вторых, возникнув уже, он довольно долго сосуществует с непереносимым ужасом при мысли о том, что надо вернуться туда, на веранду, в поле зрения кошмарных текущих глаз, к отвратительным студенистым тушам...

Ввалившаяся с мороза в клуб шумная компания гляциологов застала Анатолия Сергеевича тоскливо ломающим руки: он все еще не мог ни на что решиться. Гляциологи выслушали его рассказ вполне сочувственно и с энтузиазмом приняли решение вернуться на страшную веранду вместе с ним. Однако тут же выяснилось, что Анатолий Сергеевич не знает не только нуль-индекса поселка, но и само название его. Он мог сказать только, что это недалеко от Баренцева моря, на берегу небольшой реки, в полосе заполярных сосняков. Тогда гляциологи спешно обрядили Анатолия Сергеевича в соответствии с местным климатом и сквозь свистящую пургу поволокли в штаб поселка напролом через чудовищные сугробы в компании звероподобных псов... И вот в штабе, перед терминалов БВИ, кому-то из полярников пришла в голову весьма здравая мысль о том, что дело-то не шуточное. Чудовища эти, безусловно, либо вырвались из какого-нибудь зверинца, либо - страшно подумать! - из какой-нибудь лаборатории, конструирующей биомеханизмы. В любом случае самодеятельность, ребята, тут просто неуместна, надо сообщить в аварийную службу.

И они сообщили в Центральную Аварийную. В Центральной Аварийной их поблагодарили и сказали, что принимают сообщение к сведению. Через полчаса дежурный Аварийной сам позвонил в штаб, сказал, что сообщение подтверждается, и попросил на связь Анатолия Сергеевича. Анатолий Сергеевич в самых общих чертах описал, что с ним произошло и как он оказался у берегов Антарктиды. Дежурный успокоил его в том смысле, что пострадавших нет, супруги Ярыгины живы и здоровы и что утром, вероятно, в Малую Пешу можно будет вернуться, а сейчас ему, Анатолию Сергеевичу, лучше всего принять что-нибудь успокоительное и лечь отдохнуть.

И Анатолий Сергеевич принял успокоительное и тут же в штабе прикорнул на диване, но не проспал и часу, как снова увидел текущие глаза над перилами веранды, услышал истерический хохот Эли, и проснулся от невыносимого стыда.

- Нет, - сказал Анатолий Сергеевич, - они не удерживали меня. Видно, поняли мое состояние... Никогда не думал, что со мной может такое случиться. Я, конечно, не Следопыт и не Прогрессор... но и у меня в жизни были острые ситуации, и я всегда вел себя вполне прилично... Я не понимаю, что со мной произошло. Пытаюсь объяснить это самому себе, и у меня ничего не получается... Словно наваждение какое-то... - Он вдруг заметался глазами. - Вот сейчас говорю с вами, а внутри все ледяное... Может, мы все здесь чем-нибудь отравились?

- Вы не допускаете, что это была галлюцинация? - спросил Тойво.

Анатолий Сергеевич зябко передернул плечами и посмотрел в сторону Ярыгинского коттеджа.

- Н-не знаю... - проговорил он. - Нет, ничего не могу сказать.

- Ладно, пойдете посмотрим, - предложил Тойво.

- Мне с вами? - спросил Базиль.

- Не обязательно, - сказал Тойво. - Я тут буду долго ходить туда-сюда. А вы держите крепость.

- Пленных брать? - спросил Базиль деловито.

- Обязательно, - сказал Тойво. - Пленные мне нужны. Все, кто хоть что-нибудь видел своими глазами.

И они с Анатолием Сергеевичем двинулись через площадь. Анатолий Сергеевич вид имел решительный и деловой, но чем ближе он подходил к дому, тем напряженнее становилось его лицо, явственнее выступали желваки на скулах, а нижнюю губу он закусил, словно бы преодолевал сильную боль. И

Тойво счел за благо дать ему передышку. Шагах в пятидесяти от живой изгороди он остановился - будто бы для того, чтобы осмотреть окрестности, и принялся задавать вопросы. А был ли кто-нибудь вон в том коттедже, справа? Ах, там было темно? А слева? Женщина... Да-да, помню, вы говорили... Одна только женщина и больше никого? А глайдера тут поблизости не было?

Тойво задавал вопросы. Анатолий Сергеевич отвечал, а Тойво кивал с важным видом и всячески показывал, как существенно для расследования все то, что он слышит. И постепенно Анатолий Сергеевич приободрился, расслабился внутренне, и они вступили на веранду уже почти как коллеги.

На веранде был беспорядок. Стол стоял косо, один из стульев опрокинут, сахарница закатилась в угол, оставив за собой дорожку сахарного песка. Тойво потрогал чаеварку - она была еще горячая. Он искоса глянул на Анатолия Сергеевича. Тот опять был бледен и играл желваками. Он смотрел на пару сандалий, сиротливо прижавшихся друг к другу под дальним стулом. По-видимому, это были его сандалии. Они были застегнуты, и непонятным казалось, как это Анатолию Сергеевичу удалось выдрать из них ноги. Впрочем, никаких потеков ни на них, ни под ними, ни где-нибудь рядом Тойво не видел.

- Домашних киберов здесь, видимо, не признают, - произнес Тойво деловито, чтобы вернуть Анатолия Сергеевича из мира пережитого ужаса в мир будничного быта.

- Да... - пробормотал тот. - То есть... Да кто их сейчас признает?..

Видите мои сандалии...

- Вижу, - отозвался Тойво равнодушно. - Рамы здесь так и были все подняты?

- Не помню. Вон та была поднята, я там выпрыгивал.

- Понятно, - сказал Тойво и выглянул в садик.

Да, следы здесь были. Следов было много: помятые и поломанные кусты, изуродованная клумба, а трава под перилами выглядела так, словно на ней кони валялись. Если здесь побывали животные, то животные неуклюжие, громоздкие, и к дому они не подкрадывались, а перли напролом. С площади, через кустарник наискосок и через раскрытые окна прямо в комнаты...

Тойво пересек веранду и толкнул дверь в дом. Никакого беспорядка там не обнаруживалось. Точнее, беспорядка, какой должны были бы вызвать тяжелые неповоротливые туши.

Диван. Три кресла. Столика не видно - надо полагать, встроенный пульт только один - в подлокотнике хозяйского кресла. Сервисы - системы "поликристалл" - в остальных креслах и в диване. На передней стене - левитановский пейзаж, старинная хромофотоновая копия с трогательным треугольничком в левом нижнем углу, чтобы, упаси бог, какой-нибудь знаток не принял за оригинал. А на стене слева - рисунок пером в самодельной деревянной рамке, сердитое женское лицо. Красивое, впрочем...

При более внимательном осмотре Тойво обнаружил отпечатки подошв на полу: видимо, кто-то из аварийщиков осторожненько прошел через гостиную в спальню. Обратных следов не было видно, аварийщик вылез наружу через окно в спальне. Так вот, пол в гостиной был покрыт довольно толстым слоем тончайшей коричневой пыли. И не только пол. Сиденья кресел. Подоконники. Диван. А на стенах этой пыли не было. Тойво вернулся на веранду. Анатолий Сергеевич сидел на ступеньках крыльца. Полярную доху он сбросил, а меховые сапоги сбросить, видимо, забыл, и потому являл собой вид довольно нелепый. К сандалиям своим он даже не прикоснулся, они так и остались под стулом. Потеков никаких вблизи них не было, но и сами они, и пол рядом - все было припудрено той же коричневой пылью.

- Ну, как вы тут? - спросил Тойво еще с порога.

Все равно Анатолий Сергеевич вздрогнул и резко обернулся.

- Да вот... понемножку прихожу в себя...

- Вот и прекрасно. Забирайте свой плащ и отправляйтесь-ка вы домой.

Или хотите дожидаться Ярыгиных?

- Не знаю даже, - сказал Анатолий Сергеевич нерешительно.

- Как угодно, - сказал Тойво. - Во всяком случае, никаких опасностей здесь нет и не будет.

- Вы поняли что-нибудь? - спросил Анатолий Сергеевич, поднимаясь.

Кое-что. Чудовища здесь действительно были, но на самом деле они не опасны. Напугать могут, и не более того.

- То есть, вы хотите сказать, это искусственное?
- Похоже на то.
- Но зачем? Кто?
- Будем выяснять. - Сказал Тойво.
- Вы будете выяснять, а они тем временем еще кого-нибудь... напугают.

Анатолий Сергеевич взял с перил плащ и постоял, разглядывая свои меховые сапоги. Казалось, сейчас он снова сядет и примется их яростно с себя сдирать. Но он, наверно, и не видел их даже.

- Вы говорите - напугать могут... - процедил он, не поднимая глаз. - Если бы напугать! Они, знаете ли, сломать могут!

Он быстро глянул на Тойво и, отведя глаза, не оборачиваясь более, пошел спускаться по ступенькам и дальше, по измятой траве, через изуродованную изгородь, наискосок через площадь, сгорбленный нелепый в длинных меховых сапогах полярника и веселенькой пестрой рубашечке скотовода, пошел, все убыстряя шаги, к желтому павильону клуба, но на полдороге круто свернул влево, вскочил в глайдер, стоявший перед соседним коттеджем, и свечой взлетел в бледно-синее небо.

Шел пятый час утра.

Это первый мой опыт реконструкции. Я очень старался. Работа моя осложнялась тем, что я никогда не был в Малой Пеше в те давние времена, однако же в моем распоряжении оставалось достаточное количество видеозаписей, сделанных Тойво Глумовым, аварийщиками и командой Флеминга. Так что за топографическую точность я, во всяком случае, ручаюсь. Считаю возможным для себя поручиться и за точность диалогов.

Помимо прочего, мне хотелось здесь продемонстрировать, как выглядело тогда типичное начало типичного расследования. Происшествие. Аварийщики. Выезд инспектора из отдела ЧП. Первое впечатление (чаще всего оно правильное): чье-то разгильдяйство, либо неумная шутка. И нарастающее разочарование: опять не то, опять пустышка, хорошо бы махнуть на все это рукой и отправиться домой досыпать. Впрочем, этого в моей реконструкции нет. Это предлагается домыслить.

Теперь несколько слов о Флеминге.

Это имя несколько раз появится в моем мемуаре, но я спешу предупредить, что никакого отношения к Большому Откровению этот человек не имел. В то время имя Александра Джонатана Флеминга было притчей во языцех в КОМКОНе-2. Он был крупнейшим специалистом по конструированию искусственных организмов. В своем базовом институте в Сиднее, а также в многочисленных филиалах этого института он с неописуемым трудолюбием и дерзостью выпекал великое множество диковинных существ, на создание которых не хватило фантазии у матушки-природы. Его сотрудники в рвении своем постоянно нарушали существующие законы и ограничения Всемирного Совета в области пограничного эксперимента. При всем нашем невольном чисто человеческом восхищении гением Флеминга мы его терпеть не могли за беспардонность, бессовестность и напористость, удивительно сочетающуюся с увертливостью. Ныне каждый школьник знает, что такое биоконструкции Флеминга, или скажем, живые колодцы Флеминга. А в те времена его известность у широкой публики носила характер скорее скандальный.

Для моего изложения важно, что один из внучатых филиалов Сиднейского института Флеминга располагался как раз в устье Пешы, в научном поселке Нижняя Пеша, всего в сорока километрах от Пешы Малой. И узнав об этом, мой Тойво, насколько я его понимал, не мог не насторожиться и не сказать себе мысленно: "Ага, вот чья это работа!.."

Да, кстати. Упоминающиеся ниже крабораки - это одно из полезнейших созданий Флеминга, которые впервые появились у него на свет, когда он был еще молодым работником на рыбоферме на Онежском озере. Крабораки эти оказались существами поразительными по своим вкусовым качествам, но на всем Севере прижились почему-то только в маленьких ручьях - притоках Пешы.

МАЛАЯ ПЕША. 6 МАЯ 99 ГОДА. 6 ЧАСОВ УТРА.

5 мая около 11 вечера в дачном поселке Малая Пеша (тринадцать

коттеджей, восемнадцать жителей) возникла паника. Причиной паники послужило появление в поселке некоторого (неизвестного) числа квази-биологических существ чрезвычайно отталкивающего и даже страшного вида. Существа эти двинулись на поселок из коттеджа N 7 по девяти четко обнаруживаемым направлениям. Прослеживаются эти направления по смятой траве, поврежденным кустарникам, по пятнам высохшей слизи на листве, на плитах облицовки, на наружных стенах домов и на подоконниках. Все девять маршрутов заканчиваются внутри жилых помещений, а именно в коттеджах NN 1, 4, 10 (на верандах); 2, 3, 9, 12 (в гостиных); 6, 11 и 13 (в спальнях). Коттеджи NN 4 и 9, судя по всему, необитаемы...

Что же касается коттеджа N 7, откуда началось нашествие, то там явно кто-то жил, и осталось установить только, что он такое - дурацкий шутник или безответственный растяпа? Нарочно он запустил эмбриофоры или прозевал самозапуск? Если прозевал, то по преступной небрежности или по невежеству?

Две вещи, однако же, смущали. Тойво не нашел ни каких оболочек эмбриофор. Это раз. А во-вторых, ему поначалу никак не удавалось обнаружить данные о личности обитателя коттеджа N 7. Или обитателей.

К счастью, Ойкумена наша устроена в общем справедливо. На площади вдруг послышались громкие негодующие голоса, и через минуту выяснилось, что искомый обитатель появился в центре событий сам, собственной персоной, и вдобавок не один, а с гостем.

Это оказался коренастый, весьма какой-то чугунный на вид мужчина в походном комбинезоне и с брезентовым мешком, из которого доносились странные шуршащие и скрипящие звуки. Гость же его очень живо напомнил Тойво старого доброго Дуремара только что из пруда тетки Тортиллы - длинный, длинноволосый, длинноносый, тощий, в неопределенной хламиде, облепленный высыхающей тиной. Немедленно выяснилось, что чугунного обитателя зовут Эрнст Юрген, работает он оператором-ортомастером на Титане, на Земле в отпуске... каждый год два месяца он на Земле в отпуске, один месяц зимой, один - летом, и летом всегда здесь, на Пеше, вот в этом самом коттедже... Какие еще чудовища? Кого вы, собственно, имеете в виду, молодой человек? Какие могут быть чудовища в Малой Пеше, сами подумайте, а еще аварийщик называется, делать вам нечего, что ли?..

Дуремар же, напротив, оказался существом вполне земным. Мало того, существом почти местным. Фамилия его была Толстов, а звали его - Лев Николаевич. Но замечательным было в нем другое. Он, оказывается, постоянно живет и работает всего в сорока километрах отсюда, в Нижней Пеше, где, оказывается, вот уже несколько лет функционирует филиальчик фирмы небезызвестного Флеминга!..

Еще оказалось, что этот Эрнст Юрген и старинный его друг Лева Толстов - страстные гурманы. Ежегодно они встречаются здесь, в Малой Пеше, потому что в пяти километрах выше по течению в Пешу впадает маленький приток, где водятся какие-то крабораки. Именно поэтому он, Эрнст Юрген, проводит свой отпуск в Малой Пеше, именно поэтому он с другом своим, Левою Толстовым, отбыли вчера ранним вечером на лодке ловить крабораков и именно поэтому они с Левою были бы очень признательны аварийной службе, если бы сейчас их оставили в покое, ибо крабораки (Эрнст Юрген потряс тяжелым мешком, издающим странные звуки) бывают только одной свежести, а именно первой...

Этот забавный шумный человек никак не мог представить себе, что на Земле - не у них там на Титане, не на Пандоре где-нибудь, не на Яйле, нет на Земле! В Малой Пеше! - случаются события, способные вызвать страх и панику. Любопытнейший тип космопроходца-профессионала! Видит же, что поселок пуст, видит перед собой аварийщика, представителя КОМКОНа-2 видит и авторитета их не отрицает, но объяснения всему этому готов искать в чем угодно, лишь бы не признавать, что на родной его, теплой Земле не все может оказаться в порядке...

Затем, когда его все-таки удалось убедить, что ЧП и в самом деле имело место, он обиделся - расстроился, как ребенок, надул губы, ушел ото всех, волоча по земле мешок с драгоценными крабораками, и уселся боком на своем крыльце, отвернувшись от всех, не желая больше никого видеть, не желая больше ничего слышать, время от времени пожимая плечами и вздыхая: "Отдохнул, называется... Раз в год приедешь, и то... Это же придумать такое надо!.."

Тойво интересовала больше реакция друга его, Льва Николаевича Толстова, работника Флеминга, специалиста по конструированию и запуску в

существование искусственных организмов. А реакция у специалиста была такая. Сначала - полное непонимание, беспорядочное лупанье глазами и неуверенная улыбка человека, подозревающего, что его разыгрывают, да еще и не слишком умно. Далее: озадаченно сдвинутые брови, взор, пустой и обращенный будто бы внутрь себя, и задумчивые движения нижней челюстью. И наконец - вспышка профессионального негодования. Да вы понимаете, о чем говорите? Вы имеете хоть какое-то представление о предмете? Вы вообще видели когда-нибудь искусственное существо? Ах, только в хронике? Так вот, нет и быть не может искусственных существ, которые способны забираться через окна в спальни людей. Прежде всего, они медлительны и неуклюжи и если уж двигаются, то не к людям, а от людей, ибо естественное биополе им противопоказано, даже кошачье биополе... Далее, что значит "размером с корову"? Вы бы хоть попытались прикинуть, какая энергия нужна эмбриофору, чтобы развиться в такую массу хотя бы и за час? Да здесь бы ничего не осталось, никаких коров бы не осталось, это выглядело бы просто как взрыв!..

Допускает ли он, что здесь были задействованы эмбриофоры неизвестного ему типа?

Ни в коем случае. Таких эмбриофоров в природе не существует.

Что же здесь произошло, по его мнению?

Лев Толстов не понимал, что здесь произошло. Ему надо было осмотреться, чтобы прийти к каким-нибудь выводам.

Тойво оставил его осматриваться, а сам вместе с Базилем отправился в клуб, чтобы перекусить. Они съели по бутерброду с холодным мясом, и Тойво принялся варить кофе. И тут.

- В-в-в! - произнес вдруг Базиль с набитым ртом.

Он сделал мощный глоток и, глядя мимо Тойво, рывкнул свежим голосом:

- Стоп машина! Ты куда это нацелился, сынок?

Тойво обернулся. Это был мальчишка лет двенадцати, лопоухий и загорелый, в шортиках и курточке-распашонке. Зычный оклик Базиля остановил его у самого выхода из павильона.

- Домой, - сказал он с вызовом.

- А подойди-ка сюда, пожалуйста! - сказал Базиль.

Мальчик приблизился и остановился, заложив руки за спину.

- Ты здесь живешь? - спросил Базиль вкрадчиво.

- Мы здесь жили, - ответил мальчик. - В шестерке. Теперь больше жить не будем.

- Кто это - мы? - спросил Тойво.

- Я, мама и отец. Вернее, мы здесь были на даче, а живем мы в Петрозаводске.

- А где же мама и отец?

- Спят. Дома.

- Спят, - повторил Тойво. - Как тебя зовут?

- Кир.

- Твои родители знают, что ты здесь?

Кир замялся, переступил с ноги на ногу и сказал:

- Я сюда только на минутку вернулся. Мне надо забрать галеру, я ее целый месяц мастерил.

- Галеру... - повторил Тойво, рассматривая его.

Лицо мальчика ничего не выражало, кроме терпеливой скуки. По всему было видно, что озабочен он только одним: поскорее забрать свою галеру и вернуться домой, пока родители не проснулись.

- Когда вы уехали отсюда?

- Нынче ночью. Все отсюда уезжали, и мы тоже. А галеру забыли.

- Почему же уехали?

- Была паника. Вы что, не знаете? Тут такое было! И мама напугалась, а отец сказал: "Ну, знаете ли, поехали отсюда домой". Сели в глайдер и улетели... Так я пойду? Или нельзя?

- Погоди минутку. Почему была паника, как ты считаешь?

- Потому что появились эти животные. Вышли из леса... Или из реки.

Все почему-то их испугались, забегали... Я спал, меня мама разбудила.

- А ты не испугался?

Он дернул плечом.

- Ну и я испугался сначала... со сна... Все вопят, все орут, все бегают, ничего не понять...

- А потом?

- Я же говорю: мы сели в глайдер и улетели.

- Животных этих ты видел?

Он вдруг засмеялся.

- Видел, конечно... Одно прямо в окошко влезло, рогатое такое, только рога не твердые, а как у улитки... очень потешное...

- То есть, ты сам не испугался?

- Нет, я же вам говорю: испугался, конечно, что я вам врать буду?

Мама вбежала вся белая, я думал - несчастье какое-нибудь, с папой что-нибудь...

- Понятно, понятно. Но животных-то ты не испугался?

Кир сказал с досадой:

- Да почему их надо бояться? Они же добрые, смешные... они же мягкие, шелковистые, как мангусты, только без шерстки... А то, что они большие, - так что же? Тигр тоже большой, так что же, я его бояться должен, что ли? Слон большой, кит большой... дельфины большие бывают... А эти животные ну ни как не больше дельфина, и ласковые они такие же...

Тойво посмотрел на Базиль. Базиль, отвесив челюсть, слушал странного мальчика, держа на весу надкушенный бутерброд.

- И пахнут они хорошо! - продолжал Кир горячо. - Они ягодами пахнут! Я думаю, они ягодами и питаются... Их бы надо приручить, а бегать от них... чего ради? - он вздохнул. - Теперь они ушли, наверно. Ищи их теперь в тайге... Еще бы! Так на них все орали, топали, махали руками! Конечно, они испугались! А теперь попробуй их примани...

Он опустил голову и предался горестным размышлениям. Тойво сказал:

- Понятно. Однако родители с тобой не согласны? Так?

Кир махнул рукой.

- Да уж... Отец еще ничего, а мама категорически: ни ногой, никогда, ни за что! И мы теперь улетаем на Курорт. А они ведь там не водятся... Или водятся? Как они называются, вы не знаете?

- Не знаю, Кир, - сказал Тойво.

- Но здесь ни одного не осталось?

- Ни одного.

- Так я думал, - сказал Кир. Он вздохнул и спросил: - можно мне взять свою галеру?

Базиль наконец пришел в себя. Он шумно поднялся и произнес:

- Пойдем, я тебя провожу. Так? - спросил он Тойво.

- Конечно, - ответил тот.

- Зачем это меня провожать? - возмущенно осведомился Кир, но Базиль уже возложил свою длань на его плечо.

- Пойдем, пойдем, - сказал он. - Всю жизнь я мечтал посмотреть настоящую галеру.

- Она не настоящая же, она модель...

- Тем более. Всю жизнь мечтал посмотреть модель настоящей галеры...

Они ушли. Тойво выпил чашечку кофе и тоже вышел из павильона.

Солнце уже заметно припекало, на небе не было ни облачка. Над пышной травой площади мерцали синие стрекозы. И сквозь это металлическое мерцание, подобно диковинному дневному привидению, плыла к павильону величественная старуха с выражением абсолютной неприступности на коричневом узком лице.

Поддерживая (дьявольски элегантно) коричневой птичьей лапой подол глухого снежно-белого платья, она, словно бы и не касаясь травы, подплыла к Тойво и остановилась, возвышаясь над ним по крайней мере на голову. Тойво почтительно поклонился, и она кивнула в ответ, вполне, впрочем, благосклонно.

- Вы можете звать меня Альбиной, - милостиво произнесла она приятным баритоном.

Тойво поспешно представился. Она наморщила коричневый лоб под пышной шапкой белых волос.

- КОМКОН? Ну что ж, пусть КОМКОН. Будьте любезны, Тойво, скажите мне пожалуйста, как вы у себя в этом самом КОМКОНе все это объясняете?

- Что именно вы имеете в виду? - спросил Тойво.

Этот вопрос несколько раздражил ее.

- Я имею в виду, мой дорогой, вот что, - сказала она. - Как могла случиться, что в наше время, в конце нашего века, у нас на Земле живые

существа, воззавшие к человеку о помощи и милосердии, не только не обрели ни милосердия, ни помощи, но сделались объектом травли, запугивания и даже активного физического воздействия самого варварского толка. Я не хочу называть имен, но они били их граблями, они дико кричали на них, они даже пытались давить их глайдерами. Я никогда не поверила бы этому, если бы не видела своими глазами. Вам знакомо такое понятие - дикость? Так вот это была дикость! Мне стыдно.

Она замолчала, не сводя с Тойво пронзительного взгляда свирепых угольно-черных очень молодых глаз. Она ждала ответа, и Тойво пробормотал:

- Вы позволите мне вынести для вас кресло?

- Не позволю, - сказала она. - Я не собираюсь здесь с вами рассиживаться. Я желала бы услышать ваше мнение о том, что произошло с людьми в этом поселке. Ваше профессиональное мнение. Вы кто? Социолог? Педагог? Психолог? Так вот, извольте объяснить! Поймите, речь идет не о каких-то там санкциях. Но мы должны понять, как это могло случиться, что люди, еще вчера цивилизованные, воспитанные... Я бы даже сказала, прекрасные люди!.. Сегодня вдруг теряют человеческий облик! Вы знаете, чем отличается человек от всех других существ в мире?

- Э... разумностью? - предположил Тойво.

- Нет, мой дорогой! Милосердием! Ми-ло-сер-ди-ем!

- Ну безусловно, - сказал Тойво. - Но откуда же следует, что давешние эти существа нуждались именно в милосердии?

Она посмотрела на него с отвращением.

- Вы сами-то видели их? - спросила она.

- Нет.

- Так как же вы беретесь об этом судить?

- Я не берусь судить, - сказал Тойво. - Я как раз хочу установить, чего они хотели...

- По-моему, я вам довольно ясно сказала, что эти животные существа, эти бедняги искали у нас помощи! Они находились на краю гибели! Они должны были вот-вот погибнуть! Они же ведь погибли, вы что же, не знаете этого? На моих глазах они умирали и превращались в ничто, в прах, и я ничего не могла поделать - я балерина, я не биолог, не врач. Я звала, но разве кто-нибудь мог меня услышать в этом шабаше, в этом разгуле дикости и жестокости? А потом, когда помощь наконец прибыла, было уже поздно, никого не осталось в живых. Никого! А эти дикари... Я не знаю, как объяснить их поведение... Может быть, это был массовый психоз... отравление... Я всегда была против употребления в пищу грибов... Наверное, придя в себя, они устыдились и разбежались кто-куда! Вы нашли их?

- Да, - сказал Тойво.

- Вы говорили с ними?

- Да. С некоторыми. Не со всеми.

- Так скажите же мне, что с ними произошло? Какие ваши выводы, хотя бы предварительные?..

- Видите ли... сударыня...

- Вы можете называть меня Альбиной.

- Благодарю вас. Видите ли, в чем дело... Дело в том, что, насколько мы можем судить, большинство ваших соседей восприняли это нашествие... это событие несколько иначе, чем вы.

- Естественно! - высокомерно произнесла Альбина. - Я это видела своими глазами!

- Нет-нет. Я хочу сказать: они испугались. Они до смерти испугались. Они себя не помнили от ужаса. Они даже боятся сюда вернуться. Некоторые вообще хотят бежать с Земли после пережитого. И насколько я понимаю, вы - единственный человек, услышавший мольбы о помощи...

Она слушала величественно, но внимательно.

- Что же, - проговорила она. - По-видимому, им так стыдно, что приходится ссылаться на страх... Не верьте им, мой дорогой, не верьте! Это самая примитивная, самая постыдная ксенофобия... Наподобие расовых предрассудков. Я помню, в детстве я истерически боялась пауков и змей... Здесь - то же самое.

Очень может быть. Но вот что мне хотелось бы все-таки уточнить. Они просили о помощи, эти существа. Они нуждались в милосердии. Но в чем это выражалось? Ведь, насколько я понимаю, они не говорили, не стонали даже...

- Дорогой мой, они были больны, они умирали! Ну и что же, что они

умирали молча? Выброшенный на сушу дельфинчик тоже ведь не издает ни звука... во всяком случае, мы его не слышим... но ведь нам понятно, что он нуждается в помощи, и мы спешим на помощь... Вот идет мальчик, вы отсюда не слышите, что он говорит, но вам понятно, что он бодр, весел, счастлив...

От коттеджа N 6 к ним приближался Кир, и он действительно был явно бодр, весел и счастлив. Базиль, шагавший рядом с ним, почтительно нес в руках большую черную модель античной галеры и, кажется, задавал соответствующие вопросы, а Кир отвечал ему, показывая руками какие-то размеры, какие-то формы, какие-то сложные взаимодействия. Похоже, Базиль и сам был большим любителем-моделистом античных галер.

- Позвольте, - произнесла Альбина, приглядевшись. - Но это же Кир!

- Да, - сказал Тойво. - Он вернулся за своей моделью.

- Кир добрый мальчик, - заявила Альбина. - Но отец его вел себя омерзительно... Здравствуй, Кир!

Увлеченный Кир только теперь заметил ее, остановился и робко сказал: "Доброе утро..." Оживление исчезло с его лица. Как, впрочем, и с лица Базиля.

- Как себя чувствует твоя мама? - осведомилась Альбина.

- Спасибо. Она спит.

- А папа? Где твой отец, Кир? Он где-нибудь здесь?

Кир молча покрутил головой и насупился.

А ты все время оставался здесь? - с восхищением воскликнула Альбина победоносно посмотрела на Тойво.

- Он вернулся за своей моделью, - напомнил тот.

- Это все равно. Ты ведь не побоялся сюда вернуться, Кир?

- Да чего их бояться-то, бабушка Альбина? - сердито проворчал Кир, бочком-бочком целясь обойти ее стороной.

- Не знаю, не знаю, - сказала Альбина сварливо. - Вот папа твой, например...

- Папа не испугался ничуть. Вернее, он испугался, но только за маму и за меня. Просто в этой суматохе он не понял, какие они хорошие...

- Не хорошие, а несчастные! - поправила его Альбина.

- Да какие несчастные, бабушка Альбина? - возмутился Кир, смешно разводя руки жестом неумелого трагика. - Они же веселые, они же играть хотели! Они же так и ластились!

Бабушка Альбина снисходительно улыбалась.

- - - - -

Не могу удержаться от того, чтобы не подчеркнуть сейчас же обстоятельство, очень характеризующее Тойво Глумова как работника. Будь на его месте зеленый стажер, он после беседы с Дуремаром решил бы, что тот темнит и путает и что картина в общем и целом совершенно ясна: Флеминг создал эмбриофор нового типа, чудовища его вырвались на волю, можно благополучно отправляться досыпать, а поутру доложить начальству.

Опытный работник, например Сандро Мтбевари, тоже не стал бы распивать с Базилем кофе: эмбриофор нового типа - это не шутка, он бы немедленно разослал двадцать пять запросов во все мыслимые инстанции, а сам бы кинулся в Нижнюю Пешу брать за хрип Флеминговских хулиганов и разгильдяев, пока они не приготовились там строить из себя оскорбленную невинность.

Тойво Глумов не двинулся с места. Почему? Он почуял запах серы. Не запах даже - так, легкий запахок. Небывалый эмбриофор? Да, конечно, это серьезно. Но это не запах серы. Истерическая паника? Ближе. Существенно теплее. Но самое главное - странная старушка из коттеджа N 1. Вот! Паника, истерика, бегство, аварийщики, а она просит не галдеть и не мешать ей спать. Вот это уже не поддавалось традиционным объяснениям. Тойво и не пытался это объяснить. Он просто остался дожидаться, пока она не встанет, чтобы задать ей несколько вопросов. Он остался и был вознагражден. "Если бы не вздумалось мне позавтракать с Базилем, - рассказывал он потом, - если бы я отправился к вам на доклад сразу же после интервью с этим Толстовым, я бы так и остался под впечатлением, будто в Малой Пеше не произошло ничего загадочного, кроме дикой паники, вызванной нашествием искусственных животных. И тут появились мальчик Кир и бабушка Альбина и внесли существенный диссонанс в эту стройную, но примитивную схему..."

"Вздумалось позавтракать" - так он выразился. Скорее всего, для того, чтобы не тратить время на попытки выразить словами те смутные и тревожные ощущения, которые и заставили его задержаться.

МАЛАЯ ПЕША. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, 8 ЧАСОВ УТРА.

Кир с галерой на руках кое-как втиснулся в кабину нуль-Т и исчез в свой Петрозаводск. Базиль снял свою чудовищную куртку, повалился на траву в тенечке и, кажется, задремал. Бабушка Альбина уплыла в коттедж N 1.

Тойво не стал заходить в павильон, он просто сел на траву, скрестивши ноги, и стал ждать.

В Малой Пеше ничего особенного не происходило. Чугунный Юрген время от времени взрывался из своего коттеджа N 7 - что-то насчет погоды, что-то насчет реки и что-то насчет отпуска. Альбина, по-прежнему вся в белом, появилась у себя на веранде и уселась под тентом. Донесся ее голос, мелодичный и негромкий, - видимо, она разговаривала по телефону. Несколько раз в поле зрения появлялся Дуремар Толстов. Он сновал между коттеджами, то и дело приседая на корточки, разглядывая землю, зарывался в кусты, иногда даже перемещался на четвереньках.

В половине восьмого Тойво поднялся, вошел в клуб и связался по видео с мамой. Обычный контрольный звонок. Он опасался, что день будет очень занят и другого времени позвонить не найдется. Они поговорили о том о сем... Тойво рассказал, что встретил здесь престарелую балерину по имени Альбина. Не та ли это Альбина Великая, о которой ему все уши прожужжали в детстве? Они обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что это вполне возможно, а вообще-то была еще одна великая балерина Альбина, лет на пятьдесят старше Альбины Великой... Потом они распрощались до завтра.

Снаружи донесся зычный рев: "А раки? Лева, раки же..."

Лева Толстов быстрым шагом приближался к клубу, раздраженно отмахиваясь левой рукой; правой он прижимал к груди какой-то объемистый пакет. У входа в павильон он приостановился и визгливым фальцетом прозвонил в сторону коттеджа N 7: "Да вернусь я! Скоро!" Тут он заметил, что Тойво смотрит на него, и объяснил, словно бы извиняясь:

- На редкость странная история. Надо все-таки разобраться.

Он скрылся в кабине нуль-Т, и еще некоторое время не происходило совсем ничего. Тойво решил ждать до восьми часов.

Без пяти восемь из-за леса вынырнул глайдер, сделал несколько кругов над Малой Пешей, постепенно снижаясь, и мягко сел перед коттеджем N10, тем самым, где, судя по обстановке, обитала семья живописца. Из глайдера выпрыгнул рослый мужчина, легко взбежал по ступенькам на веранду и крикнул, обернувшись: "Все в порядке! Никого и ничего!" Пока Тойво шел к ним через площадку, из глайдера вышла молоденькая женщина с коротко стриженными волосами, в фиолетовой хламидке выше колен. Она не стала подниматься на крыльцо, она осталась стоять возле глайдера, держась рукой за дверцу.

Как выяснилось, живописцем в этой семье была как раз женщина, ее звали Зося Лядова, и это ее автопортрет, оказывается, Тойво видел в коттедже у Ярыгиных. Было ей лет двадцать пять - двадцать шесть, она училась в Академии, в студии Комовского-Корсакова и ничего значительного пока еще не создала. Она была красива, гораздо красивее своего автопортрета. Чем-то она напомнила Тойво его Асю, правда никогда в жизни не видел он свою Асю такой напуганной.

А мужчину звали Олег Олегович Панкратов и был он лектором Сыктывкарского учебного округа, а до того, на протяжении почти тридцати лет, был астроархеологом, работал в группе Фокина, участвовал в экспедиции на Кала-и-Муг (она же "парадоксальная планета Морохаси") и вообще повидал белый свет, а равно и черный, серый и всяких иных цветов. Очень спокойный, даже несколько флегматичный мужчина, руки, как лопаты, надежный, прочный, основательный, бульдозером не сдвинешь, и лицом при этом бел и румян, синие глаза, нос картофелиной и русая борода, как у Ильи Муромца...

И ничего удивительного не было в том, что во время ночных событий супруги вели себя совершенно по-разному. Олег Олегович при виде живых мешков, лезущих в окно спальни, удивился, конечно, но никакого испуга не испытал. Может быть, потому что сразу вспомнил о филиальчике в Нижней

Пеше, куда он в свое время несколько раз наведывался, да и сам вид чудовищ не вызвал в нем ощущения опасности. Гадливость - вот что он испытал главным образом. Гадливость и отвращение, но никак не страх. Упершись ладонями, он не впустил эти мешки в спальню, выпихнул их обратно в сад, и это было противно, скользко, липко, они были неприятно податливо-упруги под ладонями, эти мешки, больше всего они напоминали внутренности какого-то огромного животного. Он тогда заметался по спальне, пытаясь сообразить, чем вытереть руки, но тут на веранде закричала Зося, и ему стало не до брезгливости...

Да, все мы вели себя не лучшим образом, но все-таки распускаться так, как некоторые, нельзя. Ведь до сих пор кое-кто не может в себя прийти. Фролова нам пришлось уложить в больницу прямо в Суле, его отдирали от глайдера по частям, совершенно потерял себя... А Григоряны с детьми в Суле и задерживаться не стали, бросились в ноль-кабину все вчетвером и отправились прямо в Мирза-Чарле. Григорян крикнул на прощанье: "Куда угодно, только бы подальше и навсегда!.."

А Зося вот Григорянов понимала очень хорошо. Ей лично такого ужаса никогда испытывать не приходилось. И совсем не в том было дело, опасны эти животные или нет. "Если нас всех гнал ужас... Не вmeshивайся, Олег, я говорю о нас, простых, неподготовленных людях, а не о таких громобоях, как ты... Если нас всех гнал ужас, то вовсе не потому, что мы боялись быть съеденными, задушенными, заживо переваренными и все такое прочее... Нет, это было совсем другое ощущение!" Зося затруднялась охарактеризовать это ощущение сколько-нибудь точно. Наиболее удобопонятной оказалась такая ее формулировка: это был не ужас, это было ощущение полной несовместимости, невозможности пребывания в одном объеме с этими тварями. Но самым интересным в ее рассказе было совсем другое.

Оказывается, они были еще и прекрасны, эти чудовища! Они были настолько страшны и отвратны, что представлялись своего рода совершенством. Совершенством безобразия. Эстетический стык идеально безобразного и идеально прекрасного. Где-то когда-то было сказано, что идеальное безобразие якобы должно вызывать в нас те же эстетические ощущения, что и идеальная красота. До вчерашней ночи это всегда казалось ей парадоксом. А это не парадокс! Либо она такой уж испорченный человек?..

Она показала Тойво свои зарисовки, сделанные по памяти спустя два часа после паники. Они с Олегом заняли какой-то пустующий домик в Суле, и сначала Олег отпаивал ее тоником и пытался привести в чувство психомассажем, но это все не помогло, и тогда она схватила лист бумаги, какое-то отвратительное стило, жесткое, корявое, и стала торопливо, линия за линией, тень за тенью, переносить на бумагу то, что кошмаром маячило перед глазами, заслоняя реальный мир...

Ничего особенного на рисунках не обнаруживалось. Паутина линий, угадываются знакомые предметы: перила веранды, стол, кусты, а поверх всего - размытые тени неопределенных очертаний. Впрочем, рисунки эти вызывали какое-то ощущение тревоги, неустroенности, неудобства... Олег Олегович находил, что в них что-то есть, хотя, на его взгляд, все было гораздо проще и противнее. Впрочем, он далек от искусства. Так, неквалифицированный потребитель, не более...

Он спросил Тойво, что удалось обнаружить. Тойво изложил ему свои предположения: Флеминг, Нижняя Пеша, эмбриофор нового типа и так далее. Панкратов покивал, соглашаясь, а потом сообщил с некоторой грустью, что во всей этой истории его более всего огорчает... Как бы это выразиться? Ну, чрезмерная нервность нынешнего землежителя. Ведь все же удрали, ну как один! Хотя кто-нибудь бы заинтересовался, полюбопытствовал бы... Тойво вступился за честь нынешнего землежителя и рассказал про бабушку Альбину и про мальчика Кира.

Олег Олегович оживился необычайно. Он хлопал своими лопатообразными ладонями по подлокотникам кресла и по столу, он победоносно взглядывал то на Тойво, то на свою Зосю и, похохатывая, восклицал: "Ай да Кирюха! Ай да молодец! Я всегда говорил, что из него будет толк... Но какова Альбина-то наша! Вот вам и цирлих-манирлих..." На это Зося запальчиво объявила, что ничего удивительного здесь нет, старые и малые всегда были одного поля ягоды..." И космопроходцы! - воскликнул Олег Олегович. - Не забудь про космопроходцев, любимка моя!.." Они препирались полусерьезно, полушутливо, как вдруг произошел маленький инцидент.

Олег Олегович, слушавший свою любимицу с улыбкой от уха до уха, улыбаться вдруг перестал, и выражение веселья на лице его сменилось выражение озадаченности, словно что-то потрясло его до глубины души. Тойво проследил направление его взгляда и увидел: в дверях своего коттеджа N7 стоит, прислонившись плечом, безутешный и разочарованный Эрнст Юрген, уже не в крабораковом скафандре своем, а в просторном бежевом костюме, и в одной руке у него плоская банка с пивом, а в другой - колоссальной бутерброд с чем-то красно-белом, и он подносит ко рту то одну руку, то другую, и жует, и глотает, и неотрывно глядит при этом через площадь на вход в клуб.

- А вот и Эрнст! - воскликнула Зося. - А ты говоришь!

- С ума сойти! - медленно произнес Олег Олегович все с тем же крайне озадаченным видом.

- Эрнст, как видишь, тоже не испугался, - сказала ему Зося не без яду.

- Вижу, - согласился Олег Олегович.

Что-то он знал про этого Эрнста Юргена, никак он не ожидал его увидеть здесь после вчерашнего. Нечего было Эрнсту Юргену здесь делать сейчас, нечего было ему стоять у себя на веранде в Малой Пеше, пить пиво и закусывать вареными крабораками, а надлежало сейчас Эрнсту Юргену, наверное, драпать без оглядки куда-нибудь к себе на Титан или даже дальше.

И Тойво поспешил рассеять это недоразумение и рассказал, что Эрнста Юргена вчера ночью в поселке не было, а был Эрнст Юрген вчера ночью на ловле крабораков в нескольких километрах по течению. Зося очень огорчилась, а Олег Олегович, как показалось Тойво Глумову, даже дух с облегчением перевел. "Так это же другое дело! - сказал он. - Так бы сразу и сказали..." И хотя никаких вопросов по поводу его озадаченности никто, разумеется, не задавал, он вдруг пустился в объяснения: его-де смутило то, что ночью во время паники он своими глазами видел, как Эрнст Юрген, всех распахивая локтями, самым постыдным образом рвался в павильон к нуль-кабине. Теперь-то он понимает, что ошибся, не было этого и быть, оказывается, не могло, но в первый момент, когда он увидел Эрнста Юргена с банкой пива...

Неизвестно, поверила ли ему Зося, а Тойво не поверил ни единому его слову. Не было этого ничего, никакой Эрнст Юрген вчера Олегу Олеговичу во время паники не мерещился, а знал он, Олег Олегович, про этого Юргена что-то совсем другое, что-то гораздо более интересное, но, видимо, нехорошее что-то, раз постеснялся об этом рассказать...

И тут тень пала на Малую Пешу, и пространство вокруг наполнилось бархатистым курлыканьем, и бомбой вылетел из-из угла павильона растревоженный Базиль, на ходу напяливая свою куртку, а солнце вновь уже воссияло над Малой Пешей, и на площадь величественно, не пригнув собой ни единой травинки, опустился, весь золотистый и лоснящийся, собой гигантский каравай, псевдограв класса "Пума" из самых новых, суперсовременных, и тотчас же лопнули по обводу его многочисленные овальные люки, и высыпали из них на площадь длинноногие, загорелые, деловитые, громкоголосые, высыпали и потащили какие-то ящики с раструбами, потянули шланги с причудливыми наконечниками, засверкали блиц-контакторами, засуетились, забегали, замахали руками, и больше всех среди них суетился, бегал, размахивал руками, тащил ящики и тянул шланги Лев-Дуремар Толстов, все еще в одеждах, облепленных засохшей зеленой тиной.

КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ЧП. 6 МАЯ 99 ГОДА. ОКОЛО ЧАСА ДНЯ.

- И чего же они добились со всей своей техникой? - спросил я.

Тойво скучно посмотрел в окно, следя взглядом за облачным селением, неторопливо плывшим где-то над южными окраинами Свердловска.

- Ничего существенно нового, - ответил он. - Восстановили наиболее вероятный вид животных. Анализы получились такие же, как у аварийщиков. Удивлялись, что не сохранились оболочки эмбриофоров. Поражались энергетике, твердили, что это невозможно.

- Ты запросы послал? - спросил я через силу.

Я хочу здесь еще раз подчеркнуть, что к тому времени я уже все видел,

все знал, все понимал, но представления не имел, что мне делать с этим моим видением, знанием и пониманием. Я ничего не мог придумать, а сотрудники мои и коллеги только мешали мне. В особенности Тойво Глумов.

Больше всего на свете мне хотелось вот тут же, не сходя с места, отправить его в отпуск. Всех их отправить в отпуск, до последнего стажера, а самому отключить все линии связи, заэкранироваться, закрыть глаза и на сутки хотя бы остаться в полном одиночестве. Чтобы не надо было следить за своим лицом. Чтобы не надо было думать, какие мои слова прозвучат естественно, а какие - странно. Чтобы вообще ни о чем не надо было думать, чтобы в голове возникла зияющая пустота, и тогда в этой пустоте искомое решение возникнет само собой. Это было что-то вроде галлюцинации - из тех, что бывают, когда приходится терпеть нудную боль. Я терпел уже более пяти недель, душевные силы мои были на исходе, но пока еще мне удавалось владеть своим лицом, управлять своим поведением и задавать вполне уместные вопросы.

- Ты послал запросы? - спросил я Тойво Глумова.

- Запросы я послал, - ответил он монотонно. - Бюргермайеру в ПО "Эмбриотехника". Горбачкову. Лично. И Флемингу. На всякий случай. Все - от вашего имени.

- Хорошо, - сказал я. - Подождем.

Теперь надо было дать ему выговориться. Он должен был увериться, что самое главное не прошло мимо руководителя. В идеале руководитель сам должен был вычленить и подчеркнуть это главное, но на это у меня уже не доставало сил.

- Ты хочешь что-то добавить? - спросил я.

- Да. Хочу. - Он щелчком сбил невидимую пылинку с поверхности стола. Необычная технология - это не самое главное. Главное - это дисперсия реакций.

- То есть? - спросил я. (Я еще должен был его подгонять!)

- Вы могли бы обратить внимание на то, что события эти разделили свидетелей на две неравные группы. Строго говоря, даже на три. Большая часть свидетелей поддалась безудержной панике. Дьявол в средневековой деревне. Полная потеря самоконтроля. Люди бежали не просто из Малой Пешы. Люди бежали с Земли. Теперь вторая группа: зоотехник Анатолий Сергеевич и художница Зося Лядова, хотя и перепугались вначале, но затем нашли в себе силы вернуться, причем художница увидела в этих животных даже какое-то очарование. И наконец - престарелая балерина и мальчик Кир. И еще, пожалуй, Панкратов, муж Лядовой. Эти вообще не испугались. Даже напротив. Дисперсия реакций, - повторил он.

Я понимал, чего он от меня ждет. Все выводы лежали на поверхности. Кто-то произвел в Малой Пеше эксперимент по искусственному отбору, разделил людей по их реакциям на тех, кто годен и кто не годен к чему-то. Совершенно так же, как этот кто-то пятнадцать лет назад производил отбор в подпространственном секторе входа 41/02. И нет вопроса, кто этот кто-то, владеющий неведомой нам технологией. Тот же самый, кому по какой-то причине встала поперек дороги фукамизация... Тойво Глумов мог бы и сам все это мне сформулировать, но, с его точки зрения, это было бы нарушением служебной этики и принципа "сяо". Делать такие выводы - прерогатива руководителя и старшего в клане.

Но я не воспользовался своей прерогативой. На это мне тоже уже не доставало сил.

- Дисперсия, - повторил я. - Убедительно.

Кажется, я все-таки сфальшивил, потому что Тойво поднял свои белые ресницы и глянул на меня в упор.

- У тебя все? - спросил я сейчас же.

- Да, - ответил он. - Все.

- Хорошо. Подождем экспертизы. Что ты намерен сейчас делать? Пойдешь спать?

Он вздохнул. Еле заметно. "Руководство не сочло". Менее сдержанный человек на его месте сказал бы какую-нибудь дерзость. Тойво сказал:

- Не знаю. Наверное, пойду еще поработаю. У меня сегодня счет должен закончиться.

- По китам?

- Да.

- Хорошо, - сказал я. - Как хочешь. А завтра изволь выехать в

Харьков.

Тойво приподнял белесые брови, но ничего не сказал.

- Что такое Институт Чудаков, знаешь? - спросил я.

- Да. Кикин мне рассказывал.

Теперь приподнял брови я. Мысленно. Черт бы их всех подрал.

Совершенно распустились. Неужели я каждый раз должен предупреждать каждого, чтобы не распускал язык? Не КОМКОН-2, а клубные посиделки...

- И что же тебе рассказывал Кикин? - спросил я.

- Это филиал Института метапсихических исследований. Изучают предельные и запредельные свойства человеческой психики. Полным-полно странных людей.

- Правильно, - сказал я. - Ты отправишься туда завтра. Слушай задание.

Задание я ему сформулировал так. 25 марта Институт Чудаков в Харькове почтил своим посещением знаменитый Колдун с планеты Саракш. Кто такой Колдун? Это, безусловно, мутант. Более того, он владыка и повелитель всех мутантов в радиоактивных джунглях за Голубой Змеей. Он обладает многими удивительными способностями, в частности он психократ. Что такое психократ? Психократ - это общее название для существ, способных подчинять себе чужую психику. Кроме того, Колдун - это существо необычайной интеллектуальной мощи, из тех сапиенсов, которым капли воды достаточно, чтобы сделать вывод о существовании океанов. Колдун прибыл на Землю с частным визитом. Почему-то в первую очередь его интересовал именно Институт Чудаков. Может быть, он жаждал найти себе подобных, мы не знаем. Визит его был рассчитан на четыре дня, а уехал он через час. Вернулся к себе на Саракш и там растворился в своих радиоактивных джунглях.

До этого места моя вводная Тойво Глумову содержала правду и одну только правду. Дальше начиналась псевдоквазия.

На протяжении последнего месяца наши Прогрессоры на Саракше по моей просьбе пытаются выйти с Колдуном на связь. У них ничего не получается. То ли Колдуна мы здесь на Земле, как-то обидели, сами того не ведая. То ли одного часа достало ему, чтобы получить всю необходимую для него о нас информацию. То ли вообще произошло что-то специфически Колдуново и потому для нас непредставимое. Короче говоря, надлежит отправиться в Институт, поднять там все материалы по обследованию Колдуна (если таковое производилось), переговорить со всеми сотрудниками, кто имел с ним дело, выяснить, не произошло ли с Колдуном в Институте что-либо странное, не запомнились ли какие-нибудь его высказывания о Земле и о нас, людях, не совершил ли он каких-либо поступков, в то время оставшихся без внимания, а ныне представляющихся в новом свете.

- Все понятно? - спросил я.

Он снова быстро взглянул на меня.

- Вы не сказали, по какой теме проходит эта моя командировка.

Нет, это не было вспышкой интуиции. И вряд ли он поймал меня на псевдоквазии. Просто он искренне не мог понять, как его начальник, располагая такой серьезной информацией относительно проникновения ненавистных Странников, может отвлекаться на что-то постороннее. И я сказал:

- Тема та же. "Визит старой дамы".

(Собственно, так оно и было. В широком смысле слова. В самом широком.)

Некоторое время он молчал, беззвучно постукивая пальцами по поверхности стола. Потом проговорил, как бы извиняясь:

- Я не вижу связи...

- Увидишь, - пообещал я.

Он молчал.

- А если связи нет, то тем лучше, - сказал я. - Это колдун, понимаешь? Настоящий колдун, я с ним знаком. Настоящий колдун из сказок, с говорящей птицей на плече и прочими причиндалами. Да еще колдун с другой планеты. Он нужен мне позарез!

- Возможный союзник, - сказал Тойво со слабой вопросительной интонацией в голосе.

Ну вот, сам себе все и объяснил. Теперь будет работать как проклятый. Может быть, даже найдет Колдуна. Что, впрочем, сомнительно.

- Имей в виду, - сказал я. - В Харькове ты будешь выступать как

сотрудник Большого КОМКОНа. Это не прикрытие, Большой КОМКОН действительно занимается поисками Колдуна.

- Хорошо! - сказал он.

- Все? Тогда иди. Иди, иди. Привет Асе.

Он ушел, и я, наконец, остался один. На несколько блаженных минут. До следующего видеотелефонного вызова. И вот в эти-то блаженные минуты я и решил окончательно: надо идти к Атосу. Идти немедленно, потому что, когда он ляжет на операцию, у меня вообще поблизости не останется ни одного человека, к которому я мог бы пойти.

ДОКУМЕНТ 5

КОМКОН-2. Свердловск.
Каммереру.
Директор биоцентра ТПО Горбацкой.

В ответ на Ваш запрос от 6 мая сего года. Вас водят за нос. Такого быть не может. Не обращайтесь внимания.

Горбацкой.

(Конец Документа 5)

ДОКУМЕНТ 6

КОМКОН-2.
Каммереру.
Флеминг.

Максим!

О происшествии в Малой Пеше мне известно все. Дело, на мой взгляд, невероятное и вызывающее зависть. Твои ребята очень точно поставили вопросы, на которые нам всем следует ответить. Этим и занимаюсь, бросивши все остальные дела. Когда что-нибудь прояснится, обязательно дам знать.

Флеминг.

Ниж. Пеша. 15.30.

PS. А может быть, ты уже выяснил что-нибудь по своим каналам? Если да, то сообщи немедленно. В течении ближайших трех дней я все время в Ниж. Пеше.

PPS. Неужели все-таки Странники? Ах, черт, как это было бы здорово!

(Конец Документа 6)

ДОКУМЕНТ 7

Производственное объединение "Эмбриотехника".
Директорат.
Земля, Антарктический регион, Эребус.
А 18/03 62.
Индекс О/Т: КЦ 946239.
Связь: СКЦ-76
Бюргермайер Адольф-Анна, генеральный директор.
С-283, от 7 мая 99 года.
КОМКОН-2, Урал-Север, ЧП.
Связь: СРЗ-23
Начальнику отдела ЧП М. Каммереру.

Содержание: ответ на Ваш запрос от 6 мая 99 года.

Дорогой Каммерер!

Относительно интересующих Вас свойств современных эмбриофоров имею сообщить следующее.

1. Общая масса выделяющихся биомеханизмов - до 200 кг. Максимальное их число - 8 шт. Максимальный размер единичного экземпляра вы можете

определить по программе 102 АСТА (М, Р, Р0, К), где М - масса исходного материала, Р - плотность исходного материала, Р0 - плотность окружающей среды, К - число выделяющихся механизмов. Соотношение с высокой точностью выполняется в диапазонах температур от 200 до 400 К и диапазонах давлений от 0 до 200 СЕ.

2. Время развития эмбриофора - величина нехарактерная, она зависит от множества параметров, которые полностью находятся под контролем инициатора. Впрочем, для самых быстродействующих эмбриофоров существует нижний предел времени развития, составляющий около 1 мин.

3. Время существования известных ныне биомеханизмов зависит от их индивидуальной массы. Критическая масса биомеханизма составляет $m_0 = 12$ кг. Биомеханизмы, масса m которых не превосходит m_0 , обладают теоретически бесконечным временем жизни. Время же существования биомеханизмов с большей массой уменьшается с ростом избытка массы по экспоненте, так что время существования образцов наиболее массивных (порядка 100 кг) не может превосходить нескольких секунд.

4. Задача создания полностью рассасывающегося эмбриофора стоит уже давно, но, к сожалению, еще очень далека от разрешения. Даже самая совершенная технология бессильна пока создать оболочки, которые бы полностью включались в цикл развития.

5. Микроскопические биомеханизмы обладают, вообще говоря, высокой подвижностью (до 1000 собственных размеров в минуту). Что же касается полевых образцов, то рекордной пока считается модель КС-3 "Попрыгунчик", способная развивать направленные и стимулированные скорости до 5 м/сек.

6. Со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что любой из ныне осуществимых биомеханизмов остро и однозначно (отрицательно) реагирует на естественное биополе. Это заложено в генетическую систему любого биомеханизма - и не из этических, как многие полагают, соображений, а потому, что любое естественное биополе с интенсивностью более 0.63 ГД (биополе котенка) создает некомпенсируемые помехи в сигнальной сети биомеханизма.

7. Относительно энергетического баланса. Выделение эмбриофором биомеханизмов с параметрами, описанными в Вашем запросе, несомненно, должно было бы привести к бурному освобождению энергии (взрыву), если бы описанная Вами картина была бы вообще возможна. Однако картина эта, как следует из всего вышеизложенного, представляется на нынешнем уровне научных и технологических возможностей совершенно фантастической.

С уважением,
Генеральный директор Бюргермайер.

(Конец Документа 7)

- - - - -

ДОКУМЕНТ 8

РАПОРТ-ДОКЛАД
N 016/99
КОМКОН-2
Урал - Север

Дата: 8 мая 99 года.

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009 "Визит старой дамы".

Содержание: о пребывании Колдуна (Саракш) в Харьковском филиале Института метапсихических исследований (Институт Чудаков).

В соответствии с приказанием вчера утром я прибыл в Харьковский филиал Института Чудаков. Заместитель директора филиала Логовенко назначил мне аудиенцию в 10.00, однако в кабинет к нему меня сразу не пустили, а подвергли сначала обследованию в камере скользящей частоты КСЧ-8, называемой также "Как Словить Чудака". Оказывается этой процедуре подвергается каждый новый посетитель филиала. Цель процедуры: выявить у взятого наудачу человека "латентные метапсихические способности", иначе говоря - так называемую "скрытую чудаковатость".

В 10.25 я представился заместителю директора по связям с

общественными организациями.

(Логовенко Даниил Александрович, доктор психологии, член-корреспондент АМН Европы. Родился 17.09.30 в Борисполе. Образование: Институт психологии, Киев; факультет управления, Киевский университет; специальные курсы высшей и аномальной этологии, Сплит. Основные работы - в области метапсихологии, открыл так называемый "импульс Логовенко", он же "зубец Т ментограммы". Один из основателей Харьковского филиала Института метапсихических исследований.)

Д. Логовенко рассказывал мне, что он сам встретил Колдуна утром 25 марта сего года на космодроме Мирза-Чарле и сопровождал его прямо в здание филиала. При сем присутствовали: заведомо филиала Богдан Гайдай и сопровождающий Колдуна от КОМКОНа-1 известный нам Боря Лаптев.

По прибытии в филиал Колдун уклонился от традиционной предварительной беседы с угощением и выразил желание немедленно начать ознакомление с деятельностью сотрудников и их клиентурой. Тогда Д. Логовенко препоручил его, Колдуна, заботам Б. Гайдая и более с ним, Колдуном, ни разу не общался.

Я: - Какова, по вашему мнению, была цель Колдуна в Институте?

ЛОГОВЕНКО: - Сам Колдун ничего мне об этом не сказал. КОМКОН нас информировал, что Колдун якобы выразил желание ознакомиться с нашей работой, и мы с удовольствием ему эту возможность предоставили. Не без корысти, впрочем: мы рассчитывали обследовать его самого. В поле нашего зрения еще ни разу не попадал психократ подобной силы, да еще инопланетянин вдобавок.

Я: - Что показало обследование?

ЛОГОВЕНКО: - Обследование не состоялось. Колдун прервал свой визит совершенно неожиданно для всех.

Я: - Как вы полагаете, почему?

ЛОГОВЕНКО: - Мы все теряемся в догадках. Лично я склонен полагать вот что. Ему представили Мишеля Десмонда, это полиментал. И Колдун, возможно, уловил в Мишеле нечто такое, что от нас ускользнуло, а его то ли напугало, то ли оскорбило, одним словом шокировало настолько, что он расхотел с нами общаться. Не забывайте, он психократ, он интеллектуал, но по происхождению своему, по воспитанию, по мировоззрению, если угодно, - типичный дикарь.

Я: - Не совсем понимаю. Что такое полиментал?

ЛОГОВЕНКО: - Полиментализм - это очень редкое метапсихическое явление, сосуществование в одном человеческом организме двух или более независимых сознаний. Не путайте с шизофренией, это не патология. Вот, например, наш Мишель Десмонд. Это абсолютно здоровый, очень приятный молодой человек, не обнаруживающий никаких отклонений от нормы. Но вот десяток лет назад совершенно случайно было обнаружено, что у него двойная ментограмма. Одна обычная, человеческая, однозначно связанная с прошлой и настоящей жизнью Мишеля. И другая, обнаруживаемая при определенной, строго заданной глубине ментоскопирования. Это ментограмма существа, не имеющего ничего общего с Мишелем, обитающего в мире, который так и не удалось идентифицировать. По-видимому, это мир необычайно больших давлений, высоких температур... Впрочем, это несущественно. Важно то, что Мишель понятия не имеет ни об этом мире, ни об этом соседствующем сознании, а то существо понятия не имеет ни о Мишеле, ни о нашем мире. Вот я и думаю: нам удалось обнаружить у Мишеля одно соседствующее сознание, а может быть в нем сосуществуют и другие, оказавшиеся за пределами наших средств обнаружения, и они-то Колдуна и шокировали.

Я: - Вас второй мир этого Десмонда не шокирует?

ЛОГОВЕНКО: - Понимаю вас. Нет решительно нет, но должен вам сказать, что тот ментоскопист, который впервые заглянул в этот мир и разглядел его, испытал сильнейшее потрясение. Главным образом, конечно, потому, что решил, будто Мишель - замаскированный агент каких-нибудь Странников, Прогрессор из чужого мира.

Я: - Как установили, что это не так?

ЛОГОВЕНКО: - На этот счет можно быть спокойным. Между поведением Мишеля и функционированием второго сознания нет никакой корреляции. Соседствующие сознания полиментала никак не взаимодействуют. Они в принципе не могут взаимодействовать, потому что функционируют в разных пространствах. Вот грубая аналогия. Представьте себе театр теней. Тени, проецируемые на экран, не могут взаимодействовать. Конечно, остаются

разнообразные фантастические соображения, но именно и только фантастические.

На этом моя беседа с Д.Логовенко закончилась, и меня познакомили с Б.А.Гайдаем.

(Гайдай Богдан Архипович, магистр психологии. Родился 10.06.55 в Середине-Буде. Образование: Институт психологии, Киев; специальные курсы высшей и аномальной этологии, Сплит. Основные работы - в области метапсихологии. С 89 года - сотрудник отдела психопрогностики, с 93 - заведующий отдела приборного обеспечения, с 94 - заведующий отделом интрапсихической техники).

Отрывок из беседы:

Я: - Как, по-вашему, что более всего интересовало Колдуна в Институте?

ГАЙДАЙ: - Вы знаете, у меня такое впечатление, что этот Колдун был просто неверно информирован. Это и не удивительно, даже здесь, на Земле, многие неправильно представляют себе нашу работу, а уж что говорить о Прогрессорах, с которыми Колдун имел дело у себя на Саракше? Меня, помнится, сразу удивило, почему это Колдун, инопланетянин, на всей Земле пожелал увидеть только наш Институт... Мне кажется, дело вот в чем. У себя на Саракше он, так сказать, король мутантов, и в связи с этим у него наверняка масса проблем: они вырождаются, их надо лечить, как-то поддерживать их. А наши "чудаки" - это ведь тоже своего рода мутанты, вот он и вообразил, будто сможет почерпнуть в Институте полезную информацию, решил, наверное, что у нас здесь что-то вроде клиники.

Я: - И поняв свою ошибку, повернулся и ушел?

ГАЙДАЙ: - Вот именно. Немножко слишком резко повернулся, пожалуй, и немножко слишком поспешно ушел, но, в конце концов, возможно, у них там такие манеры.

Я: - О чем он с вами говорил?

ГАЙДАЙ: - Ни о чем он со мной не говорил. Я вообще только один раз услышал его голос. Я спросил его, что он хотел бы у нас осмотреть, и он ответил: "Все что покажете". Голос у него, надо сказать, довольно противный, как у сварливой ведьмы.

Я: - Кстати, на каком языке вы с ним говорили?

ГАЙДАЙ: - Представьте себе, на украинском!

По свидетельству Гайдая, Колдун встретился в Институте всего с тремя клиентами. Мне пока удалось поговорить с двумя из них.

Равич Марина Сергеевна, 27 лет, по образованию ветеринарный врач, ныне - консультант Ленинградского завода эмбриосистем, Лозаннской мастерской по реализации П-абстракций, Белградского института ламинарной позитроники и главного архитектора Якутского региона. Скрамная, очень застенчивая и грустная женщина. Обладает уникальной и пока не объясненной способностью (этой способности еще даже не успели дать научное название). Если перед нею ставят четко сформулированную и понятную ей проблему, она принимается решать ее с азартом и с удовольствием, но в результате, совершенно помимо своей воли, получает решение иной проблемы, ничего общего с поставленной не имеющей, выходящей, как правило, за пределы ее профессиональных интересов. Поставленная проблема действует на ее сознание как катализатор для разрешения какой-либо иной проблемы, с которой она когда-то либо бегло ознакомилась по публикации в научно-популярном журнале, либо случайно услышав разговор специалистов. Определить заранее, какую именно проблему она решит, видимо, невозможно в принципе: здесь действует нечто вроде классического принципа неопределенности. Колдун появился у нее в кабинете в тот момент, когда она работала. Она смутно помнит уродливую большеговую фигуру, затянутую в зеленое, и больше никаких впечатлений от Колдуна у нее не сохранилось. Нет, он ничего не говорил. Какие-то обычные благоглупости о ее "даре" произносил Богдан, и больше она не помнит никаких голосов. По словам Гайдая, Колдун пробыл у нее всего две минуты, она заинтересовала его, видимо, не более, чем он ее.

Мишель Десмонд, 41 год, по образованию инженер-гранулист, профессиональный спортсмен, чемпион Европы 88 года по тоннельному хоккею. Веселый мужчина, очень довольный, очень довольный собой и Вселенной. К своему полиментализму относится с юмором и вполне безразлично. Он как раз собирался на стадион, когда к нему привели Колдуна. Колдун, по его словам, имел болезненный вид и все время молчал, шутки до него не доходили,

похоже, он плохо понимал, где находится и о чем с ним говорят. Было, правда, мгновение - его Мишель запомнит на всю жизнь, - Колдун вдруг поднял огромные свои, бледные веки и заглянул Мишелью прямо в душу, а может быть, и глубже, в самые недра того мира, где обитает тварь, с которой Мишель вынужден делить общий объем ментального пространства. Момент был неприятный, но и замечательный. Вскоре после этого Колдун удалился, так и не раскрыв рта. И не попрощавшись.

Сусуму Хирота, он же "Сэнриган", что означает "Видящий на тысячу миль", 83 года, историк религий, профессор кафедры истории религий Бангкокского университета. Поговорить с ним не удалось. В Институт он вернется только завтра или послезавтра. По мнению Гайдая, Колдуну этот ясновидец крайне не понравился. Во всяком случае, достоверно, что исход Колдуна исполнился именно во время их встречи.

По словам всех свидетелей, исход этот выглядел так. Только что стоял Колдун посередине ментоскопического комбината, слушая, как Гайдай читает ему лекцию о необычайных способностях "Сэнригана", а "Сэнриган" время от времени перебивает лектора очередным разоблачением его, личных обстоятельств, и, вдруг, не говоря ни слова, не предупредив действий своих ни жестом, ни взглядом, этот зеленый гномик резко повернулся, зацепив Борю Лаптева, и быстрым шагом, не задерживаясь нигде ни на секунду, устремился по коридорам к выходу из филиала. Все.

В филиале Колдуна видели еще несколько человек: научные сотрудники, лаборанты, кое-кто из административного персонала. Никто из них не знал, кого они видят. И только двое, новички в Институте, обратили на Колдуна специальное внимание, пораженные его внешностью. Ничего существенного я от них не узнал.

Далее, я встретился с Борисом Лаптевым. Наиболее важная часть нашего разговора:

Я: - Ты единственный человек, который был с Колдуном все время от Саракша до Саракша. Тебе не бросились в глаза какие-нибудь странности?

БОРИС: - Ну и вопрос! Это, знаешь, как у верблюда спросили: "Почему у тебя шея кривая?" Так он ответил: "А что у меня прямое?"

Я: - И все-таки? Попробуй вспомнить его поведение за все это время. Ведь что-то же должно было случиться, раз он так взбрыкнул!

БОРИС: - Слушай, я с Колдуном знаком два наших года. Это неисчерпаемое существо. Я давным-давно махнул рукой и даже не пытаюсь больше в нем разобраться. Ну, что я тебе скажу? Был у него в тот день приступ депрессии, как я это называю. Время от времени находит на него без всяких видимых причин. Он становится молчалив, а если и открывает рот, так только чтобы сказать какую-нибудь пакость, ядовитое что-нибудь. Вот и в тот день. Пока мы с ним летели с Саракша, все было прекрасно, он изрекал афоризмы, шутил надо мною, даже напевал... Но уже в Мирза-Чарле вдруг помрачнел, с Логовенкой почти совсем не разговаривал, а когда мы вместе с Гайдаем двинулись по Институту, он и вовсе стал чернее тучи. Я даже стал бояться, что он вот-вот кого-нибудь обидит, но тут он, видно, и сам почувствовал, что дальше так нельзя, и унес свои когти от греха подальше. А потом до самого Саракша молчал... Только вот в Мирза-Чарле огляделся, словно на прощанье, и противным таким, тоненьким голоском пропищал: "Видит горы и леса, облака и небеса, но не видит ничего, что под носом у него."

Я: - Что это значит?

БОРИС: - Какие-то детские стишки. Старинные.

Я: - А как ты его понял?

БОРИС: - Да никак я его не понял. Понял, что он зол на весь мир, того я гляди кусаться начнет. Понял, что надо помалкивать. Так мы с ним оба и промолчали до самого Саракша.

Я: - И все?

БОРИС: - И все. Перед самой посадкой он еще буркнул - тоже ни к селу, ни к городу. Подождем-де, пока слепые не увидят зрячего. А как вышли за Голубую Змею, сделал мне ручкой и, как говорится, растворился в джунглях. Не поблагодарил, заметь, и к себе не пригласил.

Я: - Больше ты ничего не можешь сказать?

БОРИС: - Что ты от меня хочешь? Да, ему на Земле что-то здорово не понравилось. Что именно - поделиться он не соизволил. Я же тебе говорю: он существо необъяснимое и непредсказуемое. Может быть, и Земля тут ни при чем. Может быть у просто живот вдруг в тот день заболел - в широком смысле

слова, конечно, в очень широком, космическом...

Я: - Ты считаешь, это случайность - в детском стишке кто-то там не видит ничего, а потом про слепых и зрячего?..

БОРИС: - Понимаешь, про слепых и зрячих - это у них там на Саракше в Пандее есть такая поговорка - "Когда слепой зрячего увидит". В смысле "после дождика в четверг" или "когда рак свистнет". Видимо, он хотел про что-то сказать, что оно никогда не произойдет. А стишок - это просто так, от общей ядовитости. Он его с явной издевкой прочитал, непонятно только, над кем издевался. Очень может быть, что над этим утомительно-хвастливым японцем.

Предварительные выводы:

1. Никаких данных, которые могли бы помочь в поисках Колдуна на Саракше, получить не удалось.

2. Никаких рекомендаций по дальнейшему продолжению поиска дать не могу.

Т. Глумов.

(Конец Документа 8)

- - - - -

6 мая вечером меня принял наш Президент, Атос-Сидоров. Я захватил с собой наиболее интересные материалы, а суть дела, равно как и предложения свои, изложил ему устно. Он уже был страшно болен, лицо у него было землистое, его мучила одышка. Я слишком долго тянул с этим визитом: у него не хватало сил даже удивиться по-настоящему. Он сказал, что ознакомится с материалами, подумает и свяжется со мной завтра.

7 мая я весь день просидел у себя в кабинете, ожидая его вызова. Он меня не вызвал. Вечером мне сообщили, что у него случился сильнейший приступ, его едва откачали, сейчас он в больнице. И снова все свалилось на меня одного, да так, что затрещали бедные косточки моей души.

8 мая я получил помимо всего прочего, отчет Тойво о его посещении Института Чудаков. Я поставил в своем списке птичку против его фамилии, ввел его рапорт-доклад в регистратор и стал выдумывать задание для Петеньки Силецкого. К этому дню в Институте не побывали у меня только он и Зоя Морозова.

Примерно в это время у себя в рабочей комнате Тойво Глумов разговаривал с Гришей Серосовиным. Я привожу ниже реконструкцию их беседы для того, главным образом, чтобы продемонстрировать умонастроения, владевшие в ту пору моими сотрудниками. Только качественно. Количественно соотношение прежним: на одной стороне - один только Тойво Глумов, на другой - все остальные.

- - - - -

ОТДЕЛ ЧП, РАБОЧАЯ КОМНАТА "Д". 8 МАЯ 99 ГОДА, ВЕЧЕР.

Гриша Серосовин вошел по обыкновению без стука, остановился и спросил:

- Можно к тебе?

Тойво отложил в сторону "Вертикальный прогресс" (сочинение анонимного К.Оксовью) и, склонив голову оглядел Гришу.

- Можно. Только скоро я ухожу домой.

- Сандро опять нет?

Тойво поглядел на стол Сандро. Стол был пуст и безукоризненно чист.

- Да. Третий день.

Гриша сел за стол Сандро и задрал ногу на ногу.

- А ты где вчера пропадал? - спросил он.

- В Харькове.

- А, и ты побывал в Харькове?

- Кто еще?

- Да почти все. За последний месяц почти весь отдел побывал в Харькове. Слушай, Тойво, я вот к тебе зачем. Ты ведь занимался "внезапными гениями"?

- Да. Только давно. В позапрошлом году.

- Помнишь Содди?

- Помню. Бартоломью Содди. Математик, ставший исповедником.

- Вот-вот, он самый, - сказал Гриша. - В сводке есть одна фраза. Цитирую: "По имеющимся данным, Б. Содди незадолго до метаморфоза пережил личную трагедию". Если сводку составлял ты, то два вопроса. Что это была за трагедия, и откуда ты добыл эти данные?

Тойво протянул руку и вызвал свою программу на терминал. Отбор информации закончился, программа уже считала. Неторопливыми движениями Тойво принялся прибирать стол. Гриша терпеливо ждал. Он привык.

- Раз там написано "по имеющимся данным", - сказал Тойво, - значит, эти данные я получил от Биг-Бага.

Он замолчал. Гриша подождал еще немного, поменял местами скрещенные ноги и произнес:

- Неохота мне с этой мелочью идти к Биг-Багу. Ладно, попробую обойтись... Слушай, Тойво, тебе не кажется, что наш Биг-Баг в последнее время какой-то нервный?

Тойво пожал плечами.

- Может быть, - сказал он. - Президент совсем плох. Горбовский, говорят, при смерти. А ведь он их всех знает. И очень хорошо знает.

Гриша произнес задумчиво:

- Между прочим, я с Горбовским тоже знаком, представь себе. Ты помнишь... Хотя тогда тебя у нас еще не было... Покончил с собой Камилл. Последний из Чертовой Дюжины. Впрочем, казус Чертовой Дюжины для тебя тоже, конечно, так... Сотрясение воздуха. Я, например, в ту пору ничего о нем и не слыхивал... Ну, сам факт самоубийства, а точнее будет сказать - саморазрушения, этого несчастного Камилла никаких сомнений не вызывал. Но непонятно было: почему? То есть понятно было, что жилось ему несладко, последние сто лет своей жизни он был совершенно один... Мы с тобой такого одиночества и представить себе не способны... Но я не об этом. Биг-Баг направил меня тогда к Горбовскому, потому что, оказывается, Горбовский в свое время был с этим Камиллом близок и даже как-то пытался его приветить... Ты меня слушаешь?

Тойво несколько раз кивнул.

- Да, - сказал он.

- Знаешь, какой у тебя вид?

- Знаю, - сказал Тойво. - У меня вид человека, который напряженно думает о чем-то своем. Ты мне это уже говорил. Несколько раз. Штамп. Согласен?

Вместо ответа Гриша вдруг выхватил из нагрудного кармана стило и метнул его прямо в голову Тойво - как дротик, через всю комнату. Тойво двумя пальцами взял стило из воздуха в нескольких сантиметрах от своего лица и сказал:

- Вяло.

"Вяло", - написал он стилем на листке перед собой.

- Вы меня щадите, сударь, - произнес он. - А щадить меня не надо. Это мне вредно.

- Ты понимаешь, Тойво, - проникновенно сказал Гриша, - я знаю, что у тебя хорошая реакция. Не блестящая, нет, но хорошая, добротная реакция профессионала. Однако вид твой... Пойми, как твой тренер по субаксу я просто считаю себя обязанным время от времени проверять, способен ли ты реагировать на окружающее или на самом деле пребываешь в каталепсии...

- Все-таки я сегодня устал, - сказал Тойво. - Сейчас досчитает программа, и пойду я домой.

- А что у тебя там? - спросил Гриша.

"У меня там", - написал Тойво на листке бумаги и сказал:

- У меня там киты. У меня там птицы. У меня там лемминги, крысы, полевки. У меня там много малых сих.

- И что они у тебя делают?

- Они у меня гибнут. Или бегут. Они умирают, выбрасываясь на берег, топят, улетают с мест, где жили веками.

- Почему?

- Этого никто не знает. Два-три века назад это было обычным явлением, хотя и тогда не понимали почему это происходит. Потом долгое время этого не было. Совсем. А сейчас началось опять.

- Позволь, - сказал Гриша. - Все это, конечно, страшно интересно, однако при чем здесь мы?

Тойво молчал, и, не дождавшись ответа, Гриша спросил:

- Ты считаешь, что это может иметь отношение к Странникам?
Тойво старательно, со всех сторон оглядел стило, вертя его в пальцах, взял за кончик и почему-то поглядел на свет.

- Все, что мы не умеем объяснить, может иметь отношение к Странникам.
- Чеканная формулировка, - восхищенно сказал Гриша.

- А может и не иметь, - добавил Тойво. - Где ты достаешь такие красивые вещицы? Казалось бы - стило. Что может быть банальней? А на твоё стило приятно смотреть... Знаешь, - сказал он, - подари ты его мне. А я подарю его Асе. Я хочу ее порадовать. Хоть чем-то.

- А я хоть чем-то пораду тебя, - сказал Гриша.
- А ты хоть чем-то порадуешь меня.
- Бери, - сказал Гриша. - Владей. Дари, преподноси, соври что-нибудь. Дескать, сам спроектировал для любимой, ночами мастерил.

- Спасибо, - произнес Тойво, засовывая стило в карман.
- Но имей в виду! - Гриша поднял палец. - Здесь за углом на улице Красных Кленов, стоит автомат и печет такие вот стили.

Тойво снова вынул стило и принялся его рассматривать.

- Все равно, - грустно сказал он. - Вот ты этот автомат на улице Красных Кленов заметил, а мне бы в голову на пришло его замечать...
- Зато ты заметил непорядок в мире китов! - сказал Гриша.
"Китов", - написал Тойво на листке бумаги.

- А вот, кстати, - проговорил он. - Вот ты - человек свежий, непредубежденный, - как ты думаешь? Что должно такое произойти, чтобы стадо китов, прирученных, ухоженных, обласканных, вдруг, как века назад, в древние злобные времена, выбросилось на отмель умирать? Молча, даже на помощь не позвав, вместе с детенышами... Можешь ты себе представить хоть какую-нибудь причину для этого самоубийства?

- А раньше почему они выбрасывались?

- Почему они выбрасывались раньше - тоже неизвестно. Но тогда можно было хоть что-то предположить. Китов мучили паразиты, на китов нападали касатки и кальмары, на китов напали люди... Было предположение даже, будто они кончали с собой в знак протеста... Но сегодня!

- А что говорят специалисты?

- Специалисты прислали запрос в КОМКОН-2: установите причину возобновившихся случаев самоубийств китообразных.

- Гм... понятно. А пастухи что говорят?

- С пастухов все и началось. Пастухи утверждают, что китов гонит на гибель слепой ужас. И пастухи не понимают, представить себе не могут, чего именно могут бояться нынешние киты.

- Н-да, - сказал Гриша. - Похоже, здесь и в самом деле без Странников не обходится.

"Не обходится", - написал Тойво, обвел слова рамочкой и принялся закрашивать промежуток между линиями.

- Хотя, с другой стороны, - продолжал Гриша, - все это уже бывало, бывало и бывало. Теряемся в догадках, грешим на Странников, мозги себе вывихиваем, а потом глянём - ба! А кто. То там такой знакомый маячит на горизонте событий? Кто это там такой изящный, с горделивой улыбкой господина бога вечером шестого дня творения? Чья это там такая знакомая белоснежная эспаньолка? Мистер Флеминг, сэр! Откуда вы здесь взялись, сэр? А не соизволите ли проследовать на ковер, сэр? Во Всемирный Совет, в Чрезвычайный Трибунал!

Согласитесь, это был бы не самый скверный вариант, - заметил Тойво.

- Еще бы! Хотя иногда мне кажется, что я предпочел бы иметь дело с десятком Странников, нежели с одним Флемингом. Впрочем, это, наверное, потому, что Странники - существа почти гипотетические, а Флеминг со своей эспаньолкой - бестия вполне реальная. Удручающе реальная со своей белоснежной эспаньолкой, со своей Нижней Пешей, со своими научными бандитами, со своей распроклятой мировой славой!..

- Я вижу, тебе его эспаньолка в особенности жить мешает...

- Эспаньолка его мне как раз не мешает, - возразил Гриша с ядом. - За эспаньолку мы его как раз можем взять. А вот за что мы возьмем Странников, если окажется, что это все-таки они?

Тойво аккуратно засунул стило в карман, поднялся и встал у окна. Краем глаза он видел, что Гриша внимательно на него смотрит, расплетая ноги и даже подавшись вперед. Было тихо, только слабо попискивало в терминале в

такт сменам промежуточных таблиц на экране дисплея.

- Или ты надеешься, что это все-таки не они? - спросил Гриша.

Некоторое время Тойво не отвечал, а потом вдруг проговорил не оборачиваясь:

- Теперь уже не надеюсь?

- То есть?

- Это они.

Гриша прищурился.

- То есть?

Тойво повернулся к нему.

- Я уверен, что Странники на Земле и действуют.

(Гриша потом рассказывал, что в этот момент он испытал очень неприятный шок. У него возникло ощущение ирреальности происходящего. Все дело здесь было в личности Тойво Глумова: эти слова Тойво Глумова было очень трудно состыковать с личностью Тойво Глумова. Слова эти не могли быть шуткой, потому что Тойво никогда не шутил по поводу Странников. Слова Тойво не могли быть суждением скоропалительным, потому что Тойво не высказывал скоропалительных суждений. И правдой эти слова никак не могли быть, потому что они никак не могли быть правдой. Тойво мог ошибаться...)

Гриша спросил напряженным голосом:

- Биг-Баг в курсе?

- Все факты я ему доложил.

- И что?

- Пока, как видишь, ничего, - сказал Тойво.

Гриша расслабился и снова откинулся на спинку кресла.

- Ты просто ошибся, - сказал он с облегчением.

Тойво промолчал.

- Черт бы тебя подрал! - воскликнул вдруг Гриша. - До чего ты меня довел со своими мрачными фантазиями! Меня же сейчас как ледяной водой окатило!

Тойво молчал. Он снова отвернулся к окну. Гриша закричал, схватил себя за кончик носа и, весь сморщившись, проделал им несколько круговых движений.

- Нет, - сказал он. Я не могу, как ты, вот в чем дело. Не могу. Это слишком серьезно. Я от этого весь отталкиваюсь. Это же не личное дело: я-де верю, а вы все - как вам угодно. Если я в это поверил, я обязан бросить все, пожертвовать всем, что у меня есть, от всего прочего отказаться... Постриг принять, черт побери! Но жизнь-то наша многовариантна! Каково это - вколотить ее целиком во что-нибудь одно... Хотя, конечно, иногда мне становится стыдно и страшно, и тогда я смотрю на тебя с особенным восхищением... А иногда - как сейчас, например, - зло берет на тебя глядеть... На самоистязание твое, на одержимость твою подвижническую... И тогда хочется острить, издеваться хочется над тобою, отшучиваться от всего, что ты перед нами громоздишь...

- Слушай, - сказал Тойво, - чего ты от меня хочешь?

Гриша замолчал.

- Действительно, - проговорил он. - Чего это я от тебя хочу? Не знаю.

- А я знаю. Ты хочешь, чтобы все было хорошо и с каждым днем все лучше.

- О! - Гриша поднял палец.

Он хотел сказать еще что-то, что-то легкое, что смазало бы ощущение неловкой интимности, возникшей между ними за последние минуты, но тут пропел сигнал окончания программы, и на стол короткими толчками поползла лента с результатами.

Тойво просмотрел ее всю, строчку за строчкой, аккуратно сложил по сгибам и сунул в щель накопителя.

- Ничего интересного? - осведомился Гриша с некоторым сочувствием.

- Как тебе сказать... - Промямлил Тойво. Теперь он действительно напряженно думал о другом. - Снова весна 81-го.

- Что именно - снова?

Тойво прошелся кончиками пальцев по сенсорам терминала, запуская очередной цикл программы.

- В марте 81-го года, - сказал он, - впервые после двухвекового перерыва зафиксирован случай массового самоубийства серых китов.

- Так, - нетерпеливо сказал Гриша. - А в каком смысле - снова?

Тойво поднялся.
- Долго рассказывать, - проговорил он. - Потом сводку прочитаешь.
Пошли по домам.

ТОЙВО ГЛУМОВ ДОМА. 8 МАЯ 99 ГОДА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Они поужинали в комнате, багровой от заката.

Ася была в расстроенных чувствах. Закваска Пашковского, доставлявшаяся на деликатесный комбинат напрямую с Пандоры (в живых мешках биоконтейнеров, покрытых терракотовой изморозью, ошетиленных роговыми крючьями испарителей, по шесть килограммов драгоценной закваски в каждом мешке), закваска эта опять взбунтовалась. Вкусовой запах ее самопроизвольно перешел в класс "сигма", а горькость достигла последнего допустимого градуса. Совет экспертов раскололся. Магистр потребовал впредь до выяснения прекратить производство прославленных на всю планету "алапайчиков", а Бруно - дерзкий болтун, мальчишка, нахал - заявил: с какой это стати? Никогда в жизни он не осмеливался пикнуть против Магистра, а сегодня вдруг принялся ораторствовать. Рядовые любители-де такого изменения во вкусе попросту не заметят, а что касается знатоков-де, то он голову дает на отсечение - по крайней мере каждого пятого такая вкусовая вариация приведет-де в восторг... Кому это нужна его отсеченная голова? Но ведь его поддержали! И теперь непонятно, что будет...

Ася распахнула окно, села на подоконник и стала глядеть вниз, в двухкилометровую сине-зеленую пропасть.

- Боюсь, мне придется лететь на Пандору, - сказала она.

- Надолго? - спросил Тойво.

- Не знаю. Может быть и надолго.

- А зачем, собственно? - спросил Тойво осторожно.

- Ты понимаешь, в чем дело... Магистр считает, что здесь, на Земле, мы проверили все. Что возможно. Значит, не в порядке что-то на плантациях. Может быть, там пошел новый штамм... А может быть, что-то происходит при транспортировке... Мы не знаем.

- Один раз ты у меня уже летала на Пандору, - проговорил Тойво мрачней. - Полетела на недельку и просидела там три месяца.

- Ну а что делать?

Тойво поскреб ногтем щеку, покряхтел.

- Не знаю я, что делать... Я знаю, что три месяца без тебя - это ужасно.

- А два года без меня? Когда ты сидел на этой самой... Как ее...

- Ну, вспомнила! Когда это было! Я был тогда молодой, я был тогда дурак... Я был тогда Прогрессор! Железный человек - мышцы, маска, челюсть! Слушай, пусть лучше твоя Соня летит. Она молодая, красоточка, замуж там выйдет, а?

- Конечно, Соня тоже полетит. А других идей у тебя нет?

- Есть. Пусть летит Магистр. Он эту кашу заварил, вот пусть теперь и летит.

Ася только посмотрела на него.

- Беру свои слова назад, - быстро сказал Тойво. - Ошибка. Просчет.

- Ему даже Свердловска нельзя покидать! У него же вкусовые пупырышки!

Он четверть века своего квартала не покидал!

- Учту, - пошел отчеканивать Тойво. - Навсегда. Больше не повторится.

Сморозил. Отмочил. Пусть летит Бруно.

Ася еще несколько секунд жгла его негодующим взглядом, а потом отвернулась и снова стала смотреть в окно.

- Бруно не полетит, - сказала она сердито. - Бруно теперь будет заниматься этим своим новым букетом. Он его хочет зафиксировать и стандартизировать... Но это мы еще посмотрим... - Она искоса глянула на Тойво и засмеялась. - Ага! Поскучнел! "Три месяца... Без тебя..."

Тойво немедленно поднялся, пересек комнату и сел у ног Аси на пол, прислонив голову к ее коленям.

- Тебе же все равно в отпуск надо, - сказала Ася. - Ты бы там поохотился... Это же ведь Пандора! Съездил бы в Дюны... Плантации бы наши посмотрел... Ты ведь даже представить себе не можешь, что это такое - плантации Пашковского!..

Тойво молчал и только все крепче прижимался щекой к ее коленям. Тогда она тоже замолчала, и некоторое время они не разговаривали, а потом Ася спросила:

- У тебя что-то происходит?
- Почему ты так решила?
- Не знаю. Вижу.

Тойво глубоко вздохнул, поднялся с пола и тоже сел на подоконник.

- Правильно видишь, - угрюмо произнес он. - Происходит. У меня.
- Что же?

Тойво прищурясь, разглядывал черные полосы облаков, перерезающие медно-багровое зарево заката. Сизо-черные нагромождения лесов у горизонта. Тонкие черные вертикали тысячекратных восторженных гроздьями кварталов. Медно отсвечивающий, исполинский купол Форума слева и неправдоподобно гладкая поверхность Моря справа. И черные попискивающие стрижи, дротиками срывающиеся из висячего сада кварталом выше и исчезающие в листе кварталом ниже.

- Что происходит? - спросила Ася.

- Ты удивительно красивая, - сказал Тойво. - У тебя соболиные брови.

Я не знаю точно, что эти слова означают, но это сказано про что-то очень красивое. Про тебя. Ты даже не красивая, ты прекрасная. Милова. И заботы твои милые. И твой мир милый. И даже Бруно твой милый, если подумать... И вообще мир прекрасен, если хочешь знать... "Мир прекрасен, как цветок. Счастьем обеспечены пять сердец, и девять почек, и четыре печени..." Я не знаю, что это за стихи. Они у меня вдруг всплыли, и я захотел их прочитать... И вот что я тебе скажу, запомни! Очень даже может быть, что вскорости я прилечу к тебе на Пандору. Потому что вот-вот у него лопнет терпение и он действительно выгонит меня в отпуск. А может быть, и вообще выгонит. Вот что я читаю в его ореховых глазах. Явственно, как на дисплее. А теперь давай-ка чайку.

Ася проникательно посмотрела на него.

- Ничего не выходит? - спросила она.

Тойво уклонился от ее взгляда и неопределенно повел плечом.

- Потому что с самого начала у тебя все было неправильно задумано, - сказала Ася горячо. - Потому что с самого начала задача была поставлена неправильно! Нельзя ставить задачу так, чтобы никакой результат тебя не устроил. Твоя гипотеза изначально была порочной - помнишь, что я тебе говорила? Если бы Странники на самом деле обнаружили, разве ты бы обрадовался? А теперь ты понимаешь, что их нет, и опять же тебе плохо - ты ошибся, ты высказал неверную гипотезу, ты как бы в проигрыше, хотя на самом деле ты ничего не проиграл...

- Я с тобой и не спорил никогда, - смиренно сказал Тойво. - Кругом я виноват, такая уж у меня судьба...

- Видишь, теперь и он тоже в этой вашей идее разочаровался... Я, конечно, не верю, что он тебя выгонит, что за чепуху ты порешь, он же тебя и любит, и ценит, это же все знают... Но ведь в самом деле, нельзя же столько лет гробить - и на что, собственно? Ведь у вас, по сути, ничего нет, кроме голой идеи. Никто не спорит: идея довольно любопытная, способна нервы пощекотать кому угодно, но ведь не более того! По сути своей это просто инверсия давным-давно известной человеческой практики... просто Прогрессорство наизусть, больше ничего... Раз мы спрямляем чью-то историю, значит и нашу историю могут попытаться спрямить... Подожди, послушай! Во-первых, вы забываете, что не всякая инверсия имеет выражение в реальности. Грамматика - одно, а реальность - это другое. Поэтому сначала это выглядело у вас интересно, а теперь выглядит просто... Ну, неприлично, что ли... Знаешь, что мне вчера сказал один наш деятель? Он сказал: "Мы, знаете ли, не комковцы, это комковцам можно только позавидовать. Когда они сталкиваются с какой-нибудь действительно серьезной загадкой, они быстренько атрибутируют ее как результат деятельности Странников, и все дела!"

- Это кто же, интересно, сказал? - мрачно спросил Тойво.

- Да какая тебе разница? Вот у нас закваска взбунтовалась. Зачем нам искать причины? Все ясно: Странники! Кровавая рука сверхцивилизации! И не злись, пожалуйста. Не злись! Тебе такие шутки не нравятся, но ты же их почти никогда и не слышишь. А я их слышу постоянно. Один только "синдром Сикорски" чего мне стоит... И ведь это уже не шутка. Это уже приговор,

милые вы мои! Это диагноз!

Тойво уже справился с собой.

- А что, - сказал он, - насчет закваски - это мысль. Это ведь ЧП!

Почему не сообщили? - осведомился он строго. - Порядка не знаете? А вот мы сейчас Магистра - на ковер!

- Шуточки все тебе, - сердито сказала Ася. - Все кругом шутят!

- И прекрасно! - подхватил Тойво. - Радоваться надо! Когда начнутся настоящие дела, станет не до шуток...

Ася с досадой стукнула кулачком по колену.

- Ах ты, господи! Ну что ты передо мной-то притворяешься? Не хочется тебе шутить, не до шуток тебе, и вот это особенно в вас раздражает! Вы построили вокруг себя угрюмый мрачный мир, мир угроз, мир страха и подозрительности... Почему? Откуда? Откуда у вас эта космическая мизантропия?

Тойво промолчал.

- Может быть, потому, что все ваши необъясненные ЧП - это трагедии? Но ведь ЧП - всегда трагедия! Загадочное оно или понятное, ведь на то оно и ЧП! Верно?

- Неверно, - сказал Тойво.

- Что - есть ЧП другие, счастливые?

- Бывают.

- Например? - осведомилась Ася, исполняясь яду.

- Давай лучше чайку попьем, - предложил Тойво.

- Нет уж, ты мне, пожалуйста, приведи пример счастливого, радостного, жизнеутверждающего чрезвычайного происшествия.

- Хорошо, - сказал Тойво. - Но потом мы попьем чайку. Договорились?

- Да ну тебя, - сказала Ася. Они замолчали. Внизу сквозь густую листву садов, сквозь сизоватые сумерки засветились разноцветные огоньки. И искрами огня обсыпались черные столбы тысячеэтажников.

- Тебе имя Гужон знакомо? - спросил Тойво.

- Разумеется.

- А Содди?

- Еще бы!

- Чем, по-твоему, замечательны эти люди?

- "По-моему"! Не по-моему, а всем известно, что Гужон - замечательный композитор, а Содди - великий исповедник...

- А по-моему, замечательны они совсем другим, - сказал Тойво. - Альберт Гужон до пятидесяти лет был неплохим, но не более того, агрофизиком без всяких способностей к музыке. А Бартоломью Содди сорок лет занимался теньвыми функциями и был сухим, педантичным, нелюдимым человеком. Вот чем эти люди более всего замечательны, по-моему.

- Что ты хочешь этим сказать? Что ты в этом нашел замечательного? Люди скрытого таланта, долго и упорно работали... А потом количество перешло в качество...

- Не было количества, Ася, вот в чем дело. Одно лишь качество переменялось вдруг. Радикально. В одночасье. Как взрыв.

Ася помолчала, шевеля губами, а потом спросила с неуверенным ехидством:

- Так что же это, по-твоему, Странники их вдохновили, так?

- Я этого не говорил. Ты предложила мне привести примеры счастливых, жизнеутверждающих ЧП. Пожалуйста. Могу назвать еще десяток имен, правда менее известных.

- Хорошо, а почему, собственно, вы этим занимаетесь? Какое, собственно, вам до этого дело?

- Мы занимаемся любыми чрезвычайными происшествиями.

- Вот я и спрашиваю, что в этих происшествиях чрезвычайного?

- В рамках существующих представлений они необъяснимы.

- Ну мало ли что на свете необъяснимо? - вскричала Ася. - Ридерство тоже необъяснимо, только мы к нему привыкли...

- То, к чему мы привыкли, мы и не считаем чрезвычайным. Мы не занимаемся явлениями, Ася. Мы занимаемся происшествиями, событиями. Чего-то не было, не было тысячу лет, а потом вдруг случилось. Почему случилось? Непонятно. Как объясняется? Специалисты разводят руками. Тогда мы берем это на заметку. Понимаешь, Аська, ты неверно классифицируешь ЧП. Мы их не делим на счастливые и трагические, мы их делим на объясненные и

на необъясненные.

- Ты что, считаешь, что любое необъясненное ЧП несет в себе угрозу? -

- Да. В том числе и счастливое.

- Какую же угрозу может нести в себе необъяснимое превращение агрофизика в гениального музыканта?

- Я не совсем точно выразился. Угрозу несет в себе не ЧП. Самые таинственные ЧП, как правило, совершенно безобидны. Иногда даже комичны. Угрозу может нести в себе причина ЧП. Механизм, который породил это ЧП. Ведь можно поставить вопрос так: зачем кому-то понадобилось превращать агрофизика в музыканта?

- А может быть, это просто статистическая флуктуация?

- Может быть. В том-то и дело, что мы этого не знаем... Между прочим, обрати внимание, куда ты приехала. Скажи на милость, чем твоё объяснение лучше нашего? Статистическая флуктуация, по определению непредсказуемая и неуправляемая, или Странники, которые, конечно, тоже не сахар, но которых все-таки, хотя бы в принципе, можно надеяться поймать за руку. Да, конечно, "статистическая флуктуация" - это звучит куда как более солидно, научно, беспристрастно, не то что эти пошлые, у всех уже на зубах навязшие, дурно-романтические и банально-легендарные...

- Подожди, не ехидствуй, пожалуйста, - сказала Ася. - Никто ведь твоих Странников не отрицает. Я тебе не об этом совсем толкую... Ты меня совсем сбил... И всегда сбиваешь! И меня, и Максима своего, а потом ходишь, повесивши нос на квинту, изволь тебя утешать... Да, я вот что хотела сказать. Ладно, пусть Странники на самом деле вмешиваются в нашу жизнь. Не об этом спор. Почему это плохо? - вот о чем я тебя спрашиваю! Почему вы из них жупел делаете? - вот чего я понять не могу! И никто этого не понимает... Почему, когда ты спрямлял историю других миров - это было хорошо, а когда некто берется спрямлять твою историю... Ведь сегодня любой ребенок знает, что сверхразум - это обязательно добро!

- Сверхразум - это сверхдобро, - сказал Тойво.

- Ну? Тем более!

- Нет, - сказал Тойво. - Никаких "тем более". Что такое добро мы знаем, да и то не очень твердо. А вот что такое сверхдобро...

Ася снова ударила себя кулачками по коленкам.

- Не понимаю! Уму непостижимо! Откуда у вас эта презумпция угрозы? Объясни, толкуй!

- Вы все совершенно неправильно понимаете нашу установку, - сказал Тойво, уже злясь. - Никто не считает, будто Странники причинить землянам зло. Это действительно чрезвычайно маловероятно. Другого мы боимся, другого! Мы боимся, что они начнут творить здесь добро, как они его понимают!

- Добро всегда добро! - сказала Ася с напором.

- Ты прекрасно знаешь, что это не так! Или, может быть, на само деле не знаешь? Но ведь я объяснял тебе. Я был Прогрессором всего три года, я нес добро, только добро, ничего, кроме добра, и, господи, как же они ненавидели меня, эти люди! И они были в своем праве. Потому что боги пришли, не спрашивая разрешения. Никто их не звал, а они вперлись и принялись творить добро. То самое добро, которое всегда добро. И делали они это тайно, потому что заведомо знали, что смертные их целей не поймут, а если поймут, то не примут... Вот какова морально-этическая структура этой чертовой ситуации! Азы, которые мы, однако, не умеем применить к себе. Почему? Да потому, что мы не представляем себе, что могут предложить нам Странники. Аналогия не вытанцовывается! Но я знаю две вещи. Они пришли без спроса - это раз. Они пришли тайно - это два. А раз так, то, значит, подразумеваются, что они лучше нас знают, что нам надо, - это раз, и они заведомо уверены, что мы либо не поймем, либо не примем их целей, - это два. И я не знаю, как ты, а я не хочу этого. Не хо-чу! И все! - сказал он решительно. - И хватит. Я усталый, недобрый, озабоченный человек, взваливший на себя груз неопишуемой ответственности. У меня "синдром Сикорски", я психопат и всех подозреваю. Я никого не люблю, я урод, я страдалец, я мономан, меня надо беречь, проникнуться ко мне сочувствием... Ходить вокруг меня на цыпочках, целовать в плечико, услаждать анекдотами... И чаю. Боже мой, неужели мне так сегодня и не дадут чаю?

Не сказав ни слова, Ася соскочила с подоконника и ушла творить чай. Тойво прилег на диван. Их окна на грани слышимости доносилось зудение

какого-то экзотического музыкального инструмента. Огромная бабочка вдруг влетела, сделала круг над столом и уселась на экран визора, распластав мохнатые черные с узором крылья. Тойво не поднимаясь потянулся было к пульту сервиса, но не дотянулся и уронил руку.

Ася вошла с подносом, разлила чай в стаканы и села рядом.

- Смотри, - шепотом сказал Тойво, указывая ей глазами на бабочку.

- Прелесть какая, - отозвалась Ася тоже шепотом.

- Может быть, она захочет с нами тут пожить?

- Нет, не захочет, - сказала Ася.

- Почему! Помнишь у Казарянов была стрекоза...

- Она у них не жила. Так, погашивала...

- Пусть и эта погашивает. Мы будем звать ее Марфой.

Я не собираюсь, разумеется, утверждать, будто именно такой, дословно, разговор произошел у них поздним вечером 8 мая. Но что они вообще много говорили на эти темы, спорили, не соглашались друг с другом - это я знаю точно. И что никто из них не смог ничего доказать другому - это я тоже знаю точно.

Ася, разумеется, не способна оказалась передать мужу свой вселенский оптимизм. Оптимизм ее питался от самой атмосферы, ее окружавшей, от людей, с которыми она работала, от самой сути ее работы, вкусной и доброй. Тойво же пребывал за пределами этого оптимистического мира, в мире постоянной тревоги и настороженности, где оптимизм передается от человека к человеку лишь с трудом, при благоприятном стечении обстоятельств и ненадолго.

Но и Тойво не сумел обратить жену в своего единомышленника, заразить ее своим ощущением надвигающейся угрозы. Его рассуждениям не хватало конкретности. Они были слишком умозрительны, выдуманы. Они были мировоззрением, ничем для Аси не подтверждаемым, своего рода профессиональным заболеванием. Он так и не сумел "ужаснуть" Асю, заразить ее своим отвращением, негодованием, неприязнью...

Поэтому они оказались в буре такими разобщенными и неготовыми, словно никогда и не было у них ни этих споров, ни ссор, ни яростных попыток убедить друг друга.

Утром 9 мая Тойво вторично отправился в Харьков, чтобы встретиться все-таки с ясновидящим Хиротой и закрыть дело о визите Колдуна окончательно.

ДОКУМЕНТ 9

РАПОРТ-ДОКЛАД

N 017/99

КОМКОН-2

Урал-Север

Дата: 9 мая 99 года

Автор: Т. Глумов, инспектор

Тема: 009 "Визит старой дамы"

Содержание: дополнение к р/д N 016/99

Сусуму Хирота, он же Сэнриган, принял меня в своем рабочем кабинете в 10.45. Это небольшого роста ладный старик (он выглядел заметно старше своего возраста). Весьма увлечен своим "даром", пользуется любым моментом, чтобы этот "дар" продемонстрировать: у вашей жены неприятности на работе... На Пандору она полетит обязательно, не надейтесь, что все обойдется... Вот это стило вам подарил приятель, а вы забыли передать его своей жене... И так далее, в том же духе. Довольно неприятно, надо сказать. "Исход Колдуна", по его словам, выглядел так: "Ему, видимо, стало страшно, что я сейчас узнаю о нем нечто сокровенное, и тогда он обратился в бегство. Ему невдомек было, что он виделся мне как пустой белесый экран без единой контрастной детали, ведь он - существо из иного мира..."

Т. Глумов.

(Конец Документа 9)

ДОКУМЕНТ 10

ВАЖНО!
РАПОРТ-ДОКЛАД
N 018/99
КОМКОН-2
Урал-Север

Дата: 9 мая 99 года

Автор: Т. Глумов, инспектор

Тема: 009 "Визит старой дамы"

Содержание: Институт Чудаков интересуется свидетелями событий в Малой Пеше.

Во время моей беседы с дежурным диспетчером Института Чудаков 9 мая в 11.50 имело место следующее происшествие.

Беседа со мной, дежурный диспетчер Темирканов одновременно очень быстро и профессионально снимал данные с регистратора и заносил их в терминал машины. Данные эти по мере поступления появились на контрольном дисплее и имели формат: фамилия, имя, отчество; (по-видимому) возраст; название населенного пункта (место рождения? Место жительства? Место постоянной работы?); профессия; некий шестизначный индекс. Я не обращал внимания на дисплей, пока на нем вдруг не появилось:

КУБОТИЕВА АЛЬБИНА МИЛАНОВНА
96 БАЛЕРИНА АРХАНГЕЛЬСК 001507

Затем появились две фамилии, которые мне ничего не говорили, после чего:

КОСТЕЦКИЙ КИР 12 ШКОЛЬНИК
ПЕТРОЗАВОДСК 001507

Напоминаю: эти двое проходят как свидетели событий в Малой Пеше, см. мой р/д N 015/99 от 7.05 с.г.

По-видимому, на несколько секунд я потерял контроль над собой, потому что Темирканов осведомился, что это меня так удивило. Я нашелся, что меня удивила фамилия Альбины Куботиевой, балерины, о которой мне много рассказывали мои родители, заядлые балетоманы; мне кажется странным видеть здесь ее имя; неужели Альбина Великая обладает еще и метапсихическими талантами? Темирканов засмеялся и ответил, что это не исключено. По его словам, на регистраторы всех филиалов Института непрерывно поступает информация относительно лиц, которые теоретически могут представлять интерес для метапсихологов. Подавляющая масса информации идет с терминалов клиник, больниц, здравпунктов и прочих медицинских учреждений, оборудованных стандартными психоанализаторами. Только в Харьковском филиале за сутки набираются сотни фамилий кандидатов, но практически все это пустышки: "чудаки" составляют едва ли не одну сотысячную процента всей массы кандидатов.

В создавшейся ситуации я счел правильным сменить тему беседы.

Т. Глумов.

(Конец Документа 10)

ДОКУМЕНТ 11

РАБОЧАЯ ФОНОГРАММА

Дата: 10 мая 99 года

Собеседники: М. Каммерер, начальник отдела ЧП; Т. Глумов, инспектор.

Тема 009 "Визит старой дамы"

Содержание: Институт Чудаков - возможный объект темы 009.

КАММЕРЕР: Любопытно. А ты приметлив, паренек. Глазок-смотрок! Ну что ж, у тебя, конечно, и версия наготове. Излагай.

ГЛУМОВ: Окончательный вывод или логику?

КАММЕРЕР: Логичку, пожалуйста.

ГЛУМОВ: Проще всего было бы предположить, что имена Альбины и Кира

сообщил в Харькове какой-нибудь энтузиаст метапсихологии. Если он был свидетелем событий в Малой Пеше, его могла поразить аномальность реакции этих двоих, и он сообщил о своем наблюдении компетентным лицам. Я прикинул: по крайней мере три человека могли это сделать. Базиль Неверов, аварийщик. Олег Панкратов, лектор, бывший астроархеолог. И его жена, Зоя Лядова, художница. Конечно, в точном смысле слова свидетелями они не были, но в данном случае это не имеет значения... Без вашего разрешения разговаривать с ними я не рискнул, хотя считаю, что это вполне возможно - выяснить прямо у них, давали они информацию в Институт или не давали...

КАММЕРЕР: Есть более простой способ...

ГЛУМОВ: Да, по индексу. Обратиться с запросом в Институт. Но как раз этот способ не годится никуда, и вот почему. Если это доброхот-энтузиаст, тогда все разъяснится, и говорить больше будет не о чем. Но я предполагаю рассмотреть другой вариант. А именно: никаких доброхотов-информаторов не было, а был там специальный наблюдатель от Института Чудаков.

Пауза.

ГЛУМОВ: Предположим, что в Малой Пеше находился специальный наблюдатель от Института Чудаков. Это означало бы, что там производился некий психологический эксперимент, имеющий целью отсортировать, скажем, нормальных людей от людей необычных. Например, чтобы в дальнейшем искать у этих необычных так называемую "чужаковатость". В таком случае, одно из двух либо Институт Чудаков - это обычный исследовательский центр, работают в нем обычные ученые, и ставят они обычные эксперименты - пусть весьма сомнительные в этическом отношении, но в конечном счете радующие о пользе науки. Но тогда непонятно, откуда в их распоряжении технология, далеко превосходящая даже перспективные возможности нашей эмбриомеханики и нашего биоконструирования.

Пауза.

ГЛУМОВ: Либо эксперимент в Малой Пеше организован не людьми, как мы и предположили вначале. Тогда в каком свете предстает Институт Чудаков?

Пауза.

ГЛУМОВ: Тогда Институт этот - никакой на самом деле не институт, "чужаки" тамошние - никакие не "чужаки", а персонал там на самом деле занимается вовсе не метапсихологией.

КАММЕРЕР: А чем же? Чем же они там занимаются и кто они такие?

ГЛУМОВ: То есть вы опять считаете мои рассуждения неубедительными?

КАММЕРЕР: Напротив, мой мальчик. Напротив! Они даже слишком убедительны, эти твои рассуждения. Но я хотел бы, чтобы ты сформулировал свою идею прямо, сухо и недвусмысленно. Как в рапорте.

ГЛУМОВ: Пожалуйста. Так называемый Институт Чудаков является на самом деле орудием Странников для сортировки людей по неизвестному мне пока признаку. Все.

КАММЕРЕР: И следовательно, даня Логовенко, заместитель тамошнего директора, мой давний приятель...

ГЛУМОВ (прерывает): Нет! Это было бы слишком фантастично. Но, может быть, ваш даня Логовенко уже давным-давно отсортирован? Давнее его знакомство с вами от этого не гарантирует. Отсортирован и работает на Странников. Как и весь персонал Института, не говоря уже о "чужаках"...

Пауза.

ГЛУМОВ: Они по крайней мере двадцать лет занимаются сортировкой. Когда отсортированных сделалось достаточно, они организовали Институт, поставили там эти свои камеры скользкой частоты и под предлогом поиска "чужаков" прогоняют через них по десять тысяч человек в год... И мы ведь еще не знаем, сколько на планете таких заведений под самыми разными вывесками...

Пауза.

ГЛУМОВ: И Колдун убежал из Института к себе на Саракш вовсе не потому, что его обидели или у него заболел живот. Он почуял здесь Странников! Как наши киты, как лемминги... "Когда слепые увидят зрячего", - это про нас с вами. "Видит горы и леса и не видит ничего", - это тоже про нас с вами, Биг-Баг!

Пауза.

ГЛУМОВ: Короче говоря, мы, кажется, впервые в истории можем поймать Странников за руку.

КАММЕРЕР: Да. И все это началось с двух имен, которые ты случайно

заметил на дисплее... Кстати, ты уверен, что это была случайность? (Поспешно). Хорошо, хорошо, не будем об этом говорить. Что ты предлагаешь?

ГЛУМОВ: Я?

КАММЕРЕР: Да. Ты.

ГЛУМОВ: Ну-ну, если вы хотите знать мое мнение... Первые шаги, по-моему, очевидны. Прежде всего необходимо установить там Странников и уличить отсортированных. Организовать скрытое ментоскопическое наблюдение, а если потребуются - провести там поголовное принудительное, самое глубокое ментоскопирование... Полагаю, они к этому готовы и память свою заблокируют... Это не страшно, это как раз и было бы уликой... Хуже если они умеют рисовать ложную память...

КАММЕРЕР: Ладно. Достаточно. Ты, молодец, хвалю, хорошо поработал. Я теперь слушаю приказ. Подготовь для меня списки следующих лиц. Во-первых, лиц с инверсией "синдрома пингвина" - всех, кто у медиков зарегистрирован на сегодняшний день. Во-вторых, лиц, не прошедших фукамизацию...

ГЛУМОВ (прерывает): Это больше миллиона человек!

КАММЕРЕР: Нет, я имею в виду лиц, отказавшихся от "прививки зрелости", это двадцать тысяч человек. Придется поработать, но мы должны быть во всеоружии. Третье, собери все наши данные о пропавших без вести и сведи их в один список.

ГЛУМОВ: В том числе и тех, кто позже объявился?

КАММЕРЕР: В особенности их. Этим занимается Сандро. Я его подключу к тебе. Все.

ГЛУМОВ: Список инверсантов, список отказавшихся, список объявившихся. Ясно. И все-таки, Биг-Баг...

КАММЕРЕР: Говори.

ГЛУМОВ: Все-таки разрешите мне побеседовать с Неверовым и этой парой из Малой Пеши.

КАММЕРЕР: Для очистки совести?

ГЛУМОВ: Да. Вдруг это все-таки обыкновенный доброхот-энтузиаст...

КАММЕРЕР: Разрешаю. (После небольшой паузы.) Интересно, что ты будешь делать, если окажется, что это обыкновенный доброхот-энтузиаст?

(Конец Документа 11)

Сейчас я еще раз прослушал эту фонограмму. Голос у меня был тогда молодой, важный, уверенный, голос человека, определяющего судьбы, для которого нет тайн ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, человека, знающего, что он делает и что он кругом прав. Сейчас я просто поражаюсь, каким я был тогда великолепным лицедеем и лицемером. На самом-то деле я держался тогда уже на последних нервах. План действий у меня был готов, я ждал и никак не мог дожидаться санкции Президента, набирался и никак не мог набраться духу идти к Комову без этой санкции.

И при всем при том я отчетливо помню, какое огромное удовольствие испытывал я в то утро, слушая Тойво Глумова и наблюдая его. Ведь это был поистине его звездный час. Пять лет он искал их, нелюдей, тайно вторгшихся на его Землю, искал, несмотря на постоянные неудачи, почти в одиночку, никем и ничем не поощряемый, терзаемый снисходительностью любимой жены, искал и все-таки нашел. Оказался прав. Оказался проницательнее всех, терпеливее всех - всех этих остроумцев, легковесных философов, интеллектуальных страусов.

Впрочем, это ощущение торжества я ему, конечно, приписываю. Полагаю, в тот момент он не испытывал ничего, кроме болезненного нетерпения - поскорее взять противника за горло. Ведь неопровержимо доказав, что его противник находится на Земле и действует, он тогда еще понятия не имел, что же он доказал на самом деле.

А я имел. И все-таки, глядя на него в то утро, я восхищался им, я гордился им, я им любовался, он мог бы быть моим сыном, и бы хотел иметь такого сына.

Я завалил его работой прежде всего потому, что хотел замкнуть его в кабинете, за столом. Ответа из Института все не было, а работу по спискам все равно необходимо было проделать.

ДОКУМЕНТ 12

РАПОРТ-ДОКЛАД
N 019/99
КОМКОН-2
Урал-Север

Дата: 10 мая 99 года

Автор: Т. Глумов, инспектор

Тема 009 "Визит старой дамы"

Содержание: информацию о событиях в Малой Пеше направил в Институт Чудаков О.О.Панкратов.

В соответствии с Вашим распоряжением я провел беседы с Б.Неверовым, с О.Панкратовым и с З.Лядовой на предмет выяснения, не направлял ли кто-нибудь из них в адрес Института Чудаков информацию об аномальном поведении некоторых лиц во время происшествия в Малой Пеше в ночь на 6 мая с.г.

1. Беседа с работником аварийной службы Базилем Неверовым состоялась по видеоканалу вчера около полудня. Оперативного интереса беседа не представила. Б.Неверов, безусловно, услышал об Институте Чудаков от меня впервые.

2. Олега Олеговича Панкратова и жену его Зосю Лядову я встретил в кулуарах региональной конференции астроархеологов-любителей в Сыктывкаре. В ходе непринужденной беседы за чашкой кофе Олег Олегович активно и с удовольствием подхватил начатый мною разговор о чудесах Института Чудаков и по собственной инициативе, без всякого форсирования с моей стороны, сообщил следующие факты:

он уже много лет является постоянным активистом Института Чудаков и даже имеет свой собственный индекс в качестве отдельного и постоянного источника информации;

именно благодаря его усилиям в сферу внимания метапсихологов попали такие замечательные феномены, как Рита Глузская ("Черный глаз"), Лебей Маланг (психопараморф) и Константин Мовзон ("Повелитель Мух 5-й");

он очень благодарен мне за сведения об удивительной Альбине и потрясающем Кире, которые я ему так любезно и вовремя предоставил в тот день в Малой Пеше, каковые сведения он тогда же и отправил в Институт;

в Институте ему довелось побывать трижды - на ежегодных конференциях активистов, с Даниилом Александровичем Логовенко лично не знаком, но весьма почитает его как выдающегося ученого.

3. В связи с вышеизложенным считаю, что мой рапорт-доклад N 018/99 интереса для темы 009 не представляет.

Т. Глумов.

(Конец Документа 12)

ДОКУМЕНТ 13

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ЧП
М. КАММЕРЕРУ
ИНСПЕКТОРА Т. ГЛУМОВА

РАПОРТ

Прошу предоставить мне отпуск на шесть месяцев в связи с необходимостью сопровождать жену в длительную служебную командировку на Пандору.

Т. Глумов.

10.05.99

РЕЗОЛЮЦИЯ: не разрешаю. Продолжайте выполнять задание.

М. Каммерер. 10 мая 99 г.

(Конец Документа 13)

ОТДЕЛ ЧП, РАБОЧАЯ КОМНАТА "Д". 11 МАЯ 99 ГОДА.

Утром 11 мая мрачный Тойво, придя на работу ознакомился с моей резолюцией. Видимо, за ночь он поуспокоился. Ни протестовать, ни настаивать он не стал, а засел он у себя в комнате "Д" и занялся составлением списка инверсантов, которых у него набралось вскоре семеро, но только двое из них были названы по именам, а остальные числились как "больной З., сервомеханик", "Теодор П., этнолингвист" и тому подобное.

Около полудня в комнате "Д" объявился Сандро Мтбевари, осунувшийся, желтый и встрепанный. Усевшись за свой стол, он без всяких предисловий и своеобразных в таких случаях (после возвращения из длительных походов) шуточек доложил Тойво, что по приказанию Биг-Бага поступает в его распоряжение, но сначала хотел бы закончить отчет по командировке. "За чем же дело стало?" - настороженно спросил Тойво, несколько пораженный его видом. А за тем дело стало, отвечал Сандро с раздражением, что произошла с ним одна история, про которую непонятно, надо ли ее вставлять в отчет, и если надо, то под каким соусом.

И он сейчас же принялся рассказывать, с трудом подбирая слова, путаясь в подробностях и все время как-то судорожно посмеиваясь над собой.

Сегодня утром он вышел из нуля-кабины курортного местечка Розалинда (недалеко от Биаррица), отмахал пяток километров по пустынной каменистой тропе между виноградниками и около 10 часов оказался у цели: под ним была Долина Роз. Тропа вела вниз к усадьбе "Добрый Ветер", остроконечная крыша которой торчала из нагромождений пышной зелени. Сандро автоматически отметил время - было без минуты 10, как он и рассчитывал. Прежде чем начать спуск к усадьбе, он присел на округлый черный валун и принялся вытряхивать камешки из сандалий. Было уже очень жарко, раскаленный валун обжигал сквозь шорты, и ужасно хотелось пить.

Видимо, в этот момент ему стало дурно. В ушах зазвенело, и солнечный день как бы померк. Ему показалось, будто он спускается по тропе, шагает, не чуя под собой ног, мимо веселенькой беседки, которую он не заметил сверху, мимо глайдера с откинутым капотом и развороченным (словно из него вынимали целые блоки) двигателем, мимо огромной мохнатой собаки, которая лежала в тени и равнодушно следила за ним, вывалив красный язык. Потом он поднялся по ступенькам на веранду, сплошь заплетенную розами. При этом он отчетливо слышал скрип ступеней, но ног под собой по-прежнему как бы не чувствовал. В глубине веранды стоял стол, заваленный какими-то непонятными предметами, а над столом, упершись в края столешницы широко расставленными руками, нависал тот человек, который был ему нужен.

Человек этот поднял на него маленькие, упрятанные под седыми бровями глазки, и на лице его изобразилась легкая досада. Сандро представился и, почти не слыша собственного голоса, принялся излагать свою легенду, но не успел произнести и десятка фраз, как человек ужасно сморщился и произнес что-то вроде: "Ну надо же, как ты некстати", после чего Сандро пришел в себя, вынырнув из полного беспамятства, весь облитый потом и с правой сандалией в руке. Он сидел на валуне, горячий гранит жег его сквозь шорты, и время было по-прежнему без минуты 10. Ну, может быть, секунд пятнадцать прошло, не больше.

Он обулся, вытер потное лицо, и тут, видимо его опять схватило. Он опять спускался по тропе, не чуя под собой ног, мир смотрелся словно сквозь нейтральный светофильтр, а в голове вертелась только одна мысль: Это надо же, как меня некстати... И снова слева прошла веселенькая беседка (на полу валялась кукла без рук и одной ноги), и глайдер прошел (на борту красовалось изображение бедового чертенка), и второй глайдер оказался там, немного в глубине, и тоже с поднятым капотом, а собака язык убрала и теперь дремала, положив тяжелую голову на лапы. (Странная какая-то собака, да и собака ли?) Скрипучие ступеньки. Прохлада веранды. И снова человек взглянул из-под седых бровей, весь сморщился и проговорил притворно-грозным тоном, как говорят с расшалившимся ребенком: "Я тебе что сказал? Некстати! Брысь отсюда!" И Сандро вновь очнулся, но теперь он уже сидел не на валуне, а рядом, на сухой колючей траве, и его подташнивало.

"Да что это со мной сегодня?" - подумал он со страхом и досадой и попытался взять себя в руки. Мир был по-прежнему приглашен, и в ушах звенело, но в то же время Сандро полностью себя теперь контролировал. Было почти точно 10 часов, очень хотелось пить, но слабости он больше не ощущал, и надо было доводить до конца то, зачем он сюда прибыл. Он

поднялся на ноги и тут увидел, что из нагромождений зелени внизу вышел на тропинку тот самый человек и остановился, глядя в сторону Сандро, и тут же следом вышел из зарослей и встал у ног человека тот самый мохнатый пес и тоже стал смотреть на Сандро, и Сандро мельком отметил про себя, что никакая это не собака, а молодой голован. И Сандро поднял руку, сам не зная зачем - то ли в знак приветствия, то ли чтобы привлечь к себе внимание, но тот человек повернулся к нему спиной, а мир перед глазами Сандро почернел и ушел косо вниз и налево.

Когда он снова пришел в себя, то оказалось, что он сидит на скамейке, вокруг него курортный городок Розалинда, а рядом та самая нуль-кабина, через которую он сюда прибыл. По-прежнему слегка подташнивало, и хотелось пить, но мир был ясен и приветлив, и было 10 часов 42 минуты. Беззаботные нарядные люди, проходившие мимо, стали с беспокойством поглядывать на него и замедлять шаги, и вдруг подкатил киберофициант и поднес ему высокий запотевший бокал с чем-то фирменным...

Дослушав до конца, Тойво некоторое время молчал, а потом произнес, тщательно подбирая слова:

- Это нужно обязательно включить в рапорт.
- Предположим, - сказал Сандро. - Но с каким акцентом?
- Как мне рассказал, так и напиши.
- Я тебе рассказал так, словно мне сделалось дурно от жары, и все я увидел в бреду.

- Значит, ты не уверен, что это был бред?
- Откуда мне знать? Но это же я мог бы рассказать и так, будто я попал под гипноз, как будто это была наведенная галлюцинация...
- Ты думаешь, галлюцинацию навел голован?
- Не знаю. Может быть. Но скорее всего - нет. Он был слишком далеко от меня, метров 70, не меньше... Да и молодой он был слишком для таких шуточек... И потом: с какой стати?

Они помолчали. Потом Тойво спросил:

- Что сказал Биг-Баг?
- Э, он мне рта не дал раскрыть, даже не взглянул на меня. "Я занят, ступай в распоряжение Глумова".
- Скажи, - проговорил Тойво, - ты уверен, что так ни разу и не спустился к тому дому?
- Ни в чем я не уверен. Я уверен только, что с этими "ванвинклями" очень и очень нечисто. Я занимаюсь ими с начала года, а ясности - никакой. Наоборот, с каждым случаем все темнее. Но, конечно, такого, как сегодня, еще не бывало, это уже экстра...

Тойво произнес сквозь зубы:

- Но ты понимаешь, чем это пахнет, если это случилось с тобой на самом деле? - он спохватился. - Постой! А регистратор? Что у тебя на регистраторе?

Сандро ответил с видом полной покорности судьбе:

- На регистраторе у меня ничего. Он оказался не включен.
- Ну, знаешь!!!
- Знаю. Только я твердо помню, что я перезарядил его и включил перед выходом.

ДОКУМЕНТ 14

РАПОРТ-ДОКЛАД
N 047/99
КОМКОН-2
Урал-Север

Дата: 4-11 мая 99 года

Автор: С. М. Мтбевари, инспектор

Тема 101 "Рип Ван Винкль"

Содержание: результаты инспекции по "группе 80-х".

Получил Ваше распоряжение об инспектировании 4 мая утром. Приступил немедленно.

4 мая к 22.40.

Астангов Юрий Николаевич. По контрольному адресу отсутствует. Новый

адрес в БВИ не оставлен. Опрос родственников, друзей и деловых знакомых результатов не дал. Общий ответ: ничего сказать не можем, в последние годы не контактируем, поскольку после его возвращения в 95-м году он сделался еще более нелюдимым, нежели прежде, до исчезновения. Проверка по космодромной сети, по околоземному нуль-Т, по системам предприятий по (повышенной опасности): ничего. Предположение: Ю. Астангов, как и в прошлый раз, "уединился в дебрях бассейна Амазонки для отшлифовки своей новой философской системы". (Интересно было бы поговорить с кем-нибудь, кто знаком с его прежними философскими системами. Врачи отрицают, а по-моему - псих.)

6 мая к 23.30.

Фернан Леер. Был принят им по контрольному адресу в 11.05. Изложил ему свою легенду, после чего мы беседовали до 12.50. Ф. Леер заявил, что чувствует себя превосходно, никаких болезненных симптомов не испытывает, никаких последствий своей амнезии 89-91 годов не ощущает, а потому не видит необходимости подвергаться ментоскопированию. К сказанному в 91 году ничего нового прибавить не может, поскольку по-прежнему ничего не помнит. Трансмантийная инженерия его давно не интересует, и на протяжении нескольких последних лет он занимается изобретением и исследованием многомерных игр. Говорил со мной он благожелательно, но рассеянно. Потом вдруг оживился: ему пришло в голову научить меня игре "снип-снап-снурре". На этом мы расстались. (Выяснил: Ф. Леер действительно стал крупным специалистом в области многомерных игр, его прозвали "затейником для академиков".)

Тууль Альберт Оскарович. По контрольному адресу отсутствует. Новый адрес в БВИ: Венусбург (Венера). По этому адресу тоже отсутствует. Данные венерианской регистратуры: А. Тууль никогда на Венере не появлялся. В 97 году он сообщил матери, будто намерен поработать у Следопытов в лагере "Хиус" (планета Кала-И-Муг). С тех пор она довольно регулярно получает от него весточки (последняя в марте с.г.). Весточки эти представляют собой пространственные письма, в которых подробно и весьма художественно рассказывается о поисках следов цивилизации "оборотней". Данные лагеря "Хиус": А. Тууль никогда там не был, но довольно регулярно вызывает на нуль-связь грунтокопа группы Е. Капустина, который совершенно уверен в том, что его добрый приятель А. Тууль проживает на Земле по контрольному адресу. Последний раз Капустин говорил с Туулем 1 января с. г. Проверка по космодромной сети: с 96-го (год возвращения) неоднократно ходил в Глубокий Космос, последний раз вернулся с Курорта в октябре 98 года. Проверка по околоземному нуль-Т: с 96-го неоднократно посещал Луну, "Оранжереи", БОП. Проверка по системам предприятий ПО: с декабря 96 по октябрь 97-го работал в абиссальной лаборатории "Тускарора-16" гастрономом. Предположение: А. Тууль - человек крайне легкомысленный, с низким уровнем чувства социальной ответственности, инцидент 89-го года ничему его не научил, и он по-прежнему не желает придавать никакого значения такому пустяку, как точный личный адрес.

8 мая к 22.10.

Багратиони Маврикий Амазаспович. По контрольному адресу отсутствует. В БВИ нового адреса нет. Близких родственников, с которыми поддерживал бы регулярные сношения, не имеет по причине почтенного возраста. Деловые связи оборвались четверть века назад. Оба его старых друга, известных нам по следствию о его исчезновении в 81 году, по контрольным адресам отсутствуют, местопребывания выяснить пока не удалось. Проверка по космодромной сети, по околоземному нуль-Т, по системам предприятий ПО: ничего. Данные геронтологического центра: вот уже много лет его не могут поймать на предмет обследования. Предположение: незарегистрированный несчастный случай. Считал бы правильным отыскать его друзей, чтобы их известить.

Чжан Мартин. По контрольному адресу отсутствует. Новый адрес в БВИ: база "Матрикс" (Вторая, ЕН 7113). Командирован на "Матрикс" в январе 93 года Институтом биоконфигураций (Лондон) в качестве интерпретатора. В настоящее время (с декабря 98-го) пребывает в длительном отпуске, местопребывание неизвестно. Проверка по космодромной сети, по околоземному нуль-Т и по системам предприятий ПО: с декабря 98-го года - ничего. Отсюда курьез: С. Ван, сосед М. Чжана по контрольному адресу, утверждает, будто видел М. Чжана в марте этого года; М. Чжан на его глазах прибыл в свой сад

на глайдере и, не заходя в дом, принялся этот глайдер демонтировать: на приветствие С. Вана ответил небрежно, от разговора уклонился; С. Ван отправился по своим делам, а когда через несколько часов вернулся, ни М. Чжана, ни глайдера уже не было, и больше они не появлялись. История эта представляется интересной, ибо и тайна первого исчезновения М. Чжана связана именно с тем, что регистраторы космодромной сети не отметили ни отбытия, ни прибытия его. Вопрос: не бывают ли организмы, генетический код которых не воспринимается или не отождествляется существующими системами регистрации? Предположение: принимая во внимание, что М. Чжан состоит на учете в Краковском Институте регенерации по поводу регенерации обеих ног, и поскольку за все годы после регенерации он ни разу не являлся в Краков на профилактику, надлежит сообщить руководству базы "Матрикс" уведомление Института о том, что дальнейшее уклонение от профилактики грозит М. Чжану серьезными осложнениями; уведомление у меня на руках, в Институте весьма обеспокоены безответственным поведением М. Чжана.

9 мая к 21.30.

Окигбо Сиприан. Принял меня по контрольному адресу в 10.15. Встретил любезно, приветливо, хотя имел вид человека, занятого посторонними мыслями. Усадил меня в гостиную, сунул в руки стакан кокосового молока, выслушал мою легенду и сказал: "Бог мой, это же не смешно!", после чего удалился куда-то в глубину дома с озабоченным видом. Я прождал его час, затем осмотрел дом. Никого не обнаружил. В кабинете, в обеих спальнях и в мансарде все окна были настежь, но следов под ними не оказалось. В мастерской (?) окна были, напротив, плотно закрыты и зашторены металлическими жалюзи, и было нестерпимо холодно (возможно, ниже минус пяти, вода в аквариуме покрылась корочкой льда). При этом никаких следов рефрижерирующего устройства. Халат, в котором С. Окигбо меня принимал, валялся на полу в кабинете. Я прождал хозяина еще два часа, затем опросил соседей. Ничего существенного: С. Окигбо - человек замкнутый, гостей не принимает, почти все время сидит дома, сад запустил, а впрочем, приветлив, очень любит детишек, особенно младенцев-ползунков, умеет с ними обращаться. Предположение: может быть мне только показалось, что С. Окигбо меня принимал? (см. мой N 048/99).

11 мая к 10.45.

При попытке установить, находится ли по контрольному адресу Фар-Але Эмиль, испытал приступ дурноты с бредовыми видениями. Будучи не в состоянии определить, касается это только лично меня или представляет также интерес для дела, выделяю отчет о происшедшем в отдельный рапорт-доклад N 048/99.

Сандро Мтбевари.

(Конец Документа 14)

Я так никогда и не узнал, какое впечатление произвели на Тойво Глумова результаты инспекции Сандро Мтбевари. Думаю, он был потрясен. И не столько результаты сами по себе потрясли его, сколько мысль о том, что он до такой степени позволял себе недооценивать поистине невероятную мощь противника.

Я не видел Тойво ни 11-го, ни 12-го, ни 13-го. Наверное, это были трудные для него дни, когда он приспосабливался к своей новой роли - роли Алеши Поповича, перед которым вместо объявленного Идолища Поганого возник вдруг сам злобный бог Локи. Но все эти дни я помнил о нем и думал о нем, потому что для меня утро 11-го мая началось двумя документами.

ДОКУМЕНТ 15

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ЧП
ПРЕЗИДЕНТ

Дорогой Биг-Баг!

Ничего не поделаешь, меня укладывают на операцию. Однако же нет худа без добра. Мои обязанности присоединяет к своим (кажется, с завтрашнего дня) Г. Комов. Я передал ему все Ваши материалы. Не скрою, он отнесся к

ним скептически. Но он знает меня и знает Вас. Теперь он подготовлен, так что у Вас есть все шансы убедить его, особенно если Вам удалось добыть новые материалы, которые Вы добыть намеревались. И тогда Вы будете иметь дело не только с Президентом сектора КК-2, но и с влиятельным членом Мирового Совета. Желаю Вам удачи, а Вы пожелайте удачи мне.

Атос.

11.05.99

(Конец Документа 15)

ДОКУМЕНТ 16

МАК!

1. Глумов Тойво Александрович сегодня взят на контроль.
(Зарегистрирован 8.05.)

2. Сегодня же взяты на контроль: Каскази Артек, 18, учащийся.
Тегеран. 7.05. Мауки Чарльз, 63, маритехник. Одесса. 8.05.

Лаборант

11 мая 99 года

(Конец Документа 16)

Это, наверное, странно, но я почти не помню своих переживаний по поводу поразительного сообщений Лаборанта. Помню лишь ощущение - словно неожиданный и даже подлый охлест по лицу, ни с того ни с сего, ни за что ни про что, из-за угла, когда не ждешь, когда ждешь совсем другого. Детская, до слез обида, вот все, что я помню, вот что только и осталось от того, наверное часа, который провел я, отвалив челюсть и невидяще глядя перед собой.

Наверняка мелькали у меня тогда бестолковые мысли об измене, о предательстве. Наверняка испытывал я бешенство, досаду и жестокое разочарование оттого, что разработан вот был определенный план действий, в котором для каждого отведено свое место, а теперь в этом плане дыра, и зарастить ее невозможно. И горечь, конечно, была, отчаянная горечь потери, потери друга, единомышленника, сына.

А вернее всего, это было временное умопомрачение, хаос не чувств даже, а обломков чувств.

Потом я понемногу пришел в себя и вновь принялся рассуждать - холодно и методично, как мне и надлежало рассуждать в моем положении.

Ветер богов поднимает бурю, но он же и раздувает паруса.

Рассуждая холодно и методично, я в это пасмурное утро нашел-таки в своем плане новое место для нового Тойво Глумова. И это новое место показалось мне тогда не менее, а несравненно более важным, чем старое. План мой обрел дальнюю перспективу, теперь предстояло не обороняться, а наступать.

В тот же день я связался с Комовым, и он назначил мне аудиенцию на завтра, на 12-е мая.

12-го мая он принял меня в кабинете Президента. Я представил ему все собранные к этому моменту материалы. Беседа продолжалась пять часов. Мой план был утвержден с незначительными поправками. (Не берусь утверждать, что мне удалось тогда полностью развеять скептицизм Комова, но заинтересовать его мне удалось вне всякого сомнения.)

12-го же мая, вернувшись к себе, я по обычаю хонтийских проникателей посидел несколько минут, приставив к вискам кончики указательных пальцев и размышляя о возвышенном, а затем вызвал к себе Гришу Серосовина и дал ему задание. В 18.05 он сообщил мне, что задание выполнено. Оставалось только ждать.

13-го утром Даня Логовенко позвонил.

ДОКУМЕНТ 17

РАБОЧАЯ ФОНОГРАММА

Дата: 13 мая 99 года.

Собеседники: М. Каммерер, начальник отдела ЧП; Д. Логовенко, заместитель директора Харьковского филиала ИМИ.

Тема: х х х

Содержание: х х х

ЛОГОВЕНКО: Здравствуй, Максим, это я.

КАММЕРЕР: Приветствую тебя. Что скажешь?

ЛОГОВЕНКО: Скажу, что это было сделано ловко.

КАММЕРЕР: Рад, что тебе понравилось.

ЛОГОВЕНКО: Не могу сказать, что это мне так уж понравилось, но не могу не отдать должное старому другу.

Пауза

ЛОГОВЕНКО: Я понял все это так, что ты хочешь со мной встретиться и поговорить в открытую.

КАММЕРЕР: Да. Но не я. И может быть, не с тобой.

ЛОГОВЕНКО: Говорить придется со мной. Но если не ты, то кто?

КАММЕРЕР: Комов.

ЛОГОВЕНКО: Ого! Значит, ты все-таки решился...

КАММЕРЕР: Комов сейчас мое прямое начальство.

ЛОГОВЕНКО: Ах, вот как... Хорошо. Где и когда?

КАММЕРЕР: Комов хочет, чтобы в разговоре участвовал Горбовский.

ЛОГОВЕНКО: Леонид Андреевич? Но он же при смерти...

КАММЕРЕР: Вот именно. Пусть он все это услышит. От тебя.

Пауза

ЛОГОВЕНКО: Да. Видимо, время поговорить действительно настало.

КАММЕРЕР: Завтра в 15.00 у Горбовского. Ты знаешь его дом? Под Краславой, на Даугаве.

ЛОГОВЕНКО: Да, я знаю. До завтра. У тебя все?

КАММЕРЕР: Все. До завтра.

(Разговор продолжался с 9.02 до 9.04.)

(Конец Документа 17)

Замечательно, что группа "Людены" при всей своей напористой скрупулезности никогда не приставала ко мне по поводу Даниила Александровича Логовенко. А ведь мы с Даней знакомы были с незапамятных времен, с благословенных шестидесятых, когда я, молодой тогда и дьявольски энергичный комсомолец, проходил спецкурс психологии при Киевском университете, где Даня, молодой тогда и дьявольски энергичный метапсихолог, вел мои практические занятия, а по вечерам мы оба с поистине дьявольской энергией ухаживали за очаровательными и дьявольски капризными киевляночками. Он явно выделял меня среди прочих курсантов, мы подружились и первые годы встречались, можно сказать, регулярно. Потом занятия наши нас разлучили, мы стали встречаться все реже, а с начала восьмидесятых не встречались совсем (до чаепития у меня накануне событий). Он оказался очень несчастлив в семейной жизни, и теперь понятно, почему. Он вообще оказался несчастлив, чего я никак не могу сказать о себе.

Вообще, всякий, кто серьезно занимается эпохой Большого Откровения, склонен полагать, будто прекрасно знает, кто такой Даниил Логовенко. Какое заблуждение! Что знает о ньютоне человек, прочитавший даже самое полное собрание его сочинений? Да, Логовенко сыграл чрезвычайно важную роль в Большом Откровении. "Импульс Логовенко", "Т-программа Логовенко", "Декларация Логовенко", "Комитет Логовенко"...

А какова судьба жены Логовенко, вы знаете?

А каким образом попал он на курсы высшей и аномальной этологии в городе Сплите?

А почему в шестьдесят шестом году среди стада курсантов он особо выделил М. Каммерера, энергичного, подающего надежды комсомльца?

А что думал по поводу Большого Откровения Д. Логовенко - не вещал по

поводу, не декларировал, не проповедовал, а думал и переживал в глубине своей нечеловеческой души?

Таких вопросов много. На некоторые из них, полагаю, я мог бы ответить точно. По поводу других способен лишь строить предположения. А на остальные ответов нет и не будет никогда.

ДОКУМЕНТ 18

РАПОРТ-ДОКЛАД
N 020/99
КОМКОН-2
Урал-Север

Дата: 13 мая 99 года

Автор: Т. Глумов, инспектор.

Тема 009: "Визит старой дамы"

Содержание: сравнение списков лиц с инверсией "синдрома пингвина" со списком "Тема".

По Вашему распоряжению мною был по всем доступным источникам составлен список случаев инверсии "синдрома пингвина". Всего я обнаружил 12 случаев, идентифицировать удалось 10. Сравнение списка идентифицированных инверсантов со списками "Т" обнаружило пересечение по следующим лицам:

1. Кривоклыков Иван Георгиевич, 65 лет, психиатр, база "Лембой" (ЕН 2105)
2. Паккала Альф-Христиан, 31 год, оператор-строитель, Аляскинская СО, Анкоридж.
3. Йо Ника, 48 лет, пряжа-дизайнер, комбинат "Иравади", Пхьяпоун.
4. Тууль Альберт Оскарович, 59 лет, гастроном, местонахождение неизвестно (см. N 047/99 С. Мтбевари).

Процент пересечений списков представляется мне поразительно высоким. Факт, что Тууль А. О. проходит фактически по трем спискам, еще более поразителен.

Считаю необходимым привлечь Ваше внимание к полному списку лиц с инверсией "синдрома пингвина". Список прилагается.

Т. Глумов

(Конец Документа 18)

"ДОМ ЛЕОНИДА" (КРАСЛАВА, ЛАТВИЯ). 14 МАЯ 99 ГОДА. 15.00.

Даугава у Краславы была неширокая, быстрая, чистая. Желтела сухим песком полоска пляжа, от которой круто уходил к соснам песчаный склон. На сером в белую шашку овале посадочной площадки, нависшей над водой, каились под солнцем поставленные кое-как разноцветные флаеры. Всего три штуки - старомодные тяжелые аппараты, какими пользуются сейчас разве что старики, родившиеся в прошлом веке.

Тойво потянулся откинуть дверцу глайдера, но я сказал ему:

- Не надо. Подожди.

Я смотрел вверх, туда, где среди сосен кремово просвечивали стены домика, откуда шла по обрыву зигзагом ветхого вида сработанное под серое от времени дерево лестница. По лестнице медленно спускался кто-то в белом - грузный, почти кубический, видимо, очень старый человек, цепляясь правой рукой за перила, ступенька за ступенькой, каждый раз приставляя ногу, и солнечный блик трясся на его большом гладком черепе. Я узнал его. Это был Август-Иоганн Мария Бадер, десантник и Следопыт. Руина героической эпохи.

- Подождем, пока он спустится, - сказал я. - Мне не хочется с ним встречаться.

Я отвернулся и стал смотреть в другую сторону, через реку, на тот берег, и Тойво тоже отвернулся из деликатности, и так мы сидели, пока не стал слышен тяжелый скрип ступенек и не донеслось до нас свистящее натужное дыхание и еще какие-то неуместные звуки, похожие на прерывистое

всхлипывание, и вот старик прошел мимо глайдера, прошаркал подошвами по пластику, возник в поле моего зрения, и я невольно взглянул в его лицо.

Вблизи лицо это показалось мне совершенно незнакомым. Оно было искажено горем. Мягкие щеки обвисли и тряслись, рот был безвольно распушен, из запухших глаз текли слезы.

Сгорбившись, Бадер приблизился к древнему желто-зеленому флаеру, самому древнему из трех, с какими-то дурацкими шишками на корме, с уродливыми щелями визиров старинного автопилота, с помятыми бортами, с потускневшими никелированными ручками, приблизился, откинул дверцу и, то ли крихтя, то ли всхлипывая, полез в кабину.

Долгое время ничего не происходило. Флаер стоял с распахнутой дверцей, а старик внутри то ли собирался с духом перед взлетом, то ли плакал там, уронивши лысую голову на облупленный овальный штурвал. Потом наконец коричневая рука, вылезшая из белой манжеты, протянулась и захлопнула дверцу. Древняя машина с неожиданной легкостью и совершенно беззвучно снялась с площадки и ушла над рекой между обрывистыми берегами.

- Это Бадер, - сказал я. - Прощался... Пошли.

Мы вылезли из глайдера и начали подниматься по лестнице.

Я сказал, не оборачиваясь к Тойво:

- Не надо эмоций. Ты идешь на доклад. Будет очень важный деловой разговор. Не расслабляйся.

- Деловой разговор - это прекрасно, - отозвался Тойво мне в спину. -

Но у меня такое впечатление, что сейчас не время для деловых разговоров.

- Ты ошибаешься. Именно сейчас и время. А что касается Бадера... Не думай сейчас об этом. Думай о деле.

- Хорошо, - сказал Тойво покорно.

Домик Горбовского, домик "Леонида", был совершенно стандартным, архитектуры начала века: излюбленное жилье космопроходцев, глубоководников, трансмантийщиков, без скотного двора, без кухни... Но зато с энергопристройкой для обслуживания персональной нуль-установки, полагающейся Горбовскому как члену Всемирного Совета. А вокруг были сосны, заросли вереска, пахло нагретой хвоей, и пчелы сонно гудели в неподвижном воздухе.

Мы поднялись на веранду и через распахнутые двери вступили в дом. В гостиной, где окна были плотно зашторены и светил только торшер возле дивана, сидел какой-то человек, задравши ногу на ногу, и рассматривал на свет торшера не то карту, не то ментосхему. Это был Комов.

- Здравствуйте, - сказал я, а Тойво поклонился молча.

- Здравствуйте, здравствуйте, - сказал Комов как бы нетерпеливо. - Проходите, садитесь. Он спит. Заснул. Этот треклятый Бадер его совершенно ухайдокал... Вы - Глумов?

- Да, - сказал Тойво.

Комов пристально, с любопытством глядел на него. Я кашлянул, и Комов тут же спохватился.

- Ваша матушка случайно не Майя Тойвовна Глумова? - спросил он.

- Да, - сказал Тойво.

- Я имел честь работать с нею, - сказал Комов.

- Да? - сказал Тойво.

- Да. Она вам не рассказывала? Операция "Ковчег"...

- Да, я знаю эту историю, - сказал Тойво.

- Чем сейчас Майя Тойвовна занимается?

- Ксенотехнологией.

- Где? У кого?

- В Сорбонне. Кажется, у Салини.

Комов покивал. Он все смотрел на Тойво. Глаза у него блестели. Надо понимать, вид взрослого сына Майи Глумовой пробудил в нем некие животрепещущие воспоминания. Я снова кашлянул, и Комов сейчас же повернулся ко мне.

- Нам придется подождать. Мне не хочется его будить. Он улыбается во сне. Видит что-то хорошее... Черт бы побрал Бадера с его соплями!

- Что говорят врачи? - спросил я.

- Все то же. Нежелание жить. От этого нет лекарств... Вернее есть, но он не хочет их принимать. Ему стало неинтересно жить, вот в чем дело. Нам этого не понять... Все-таки ему за полтора года... А скажите, пожалуйста, Глумов, чем занимается ваш отец?

- Я его почти не вижу, - сказал Тойво. - Кажется, он гибридизатор сейчас. Кажется, на Яйле.

- А вы сами... - начал было Комов, но замолчал, потому что из глубины дома донесся слабый хрипловатый голос:

- Геннадий! Кто там у вас? Пусть заходят...

- Пошли, - сказал Комов вскакивая.

Окна в спальне были распахнуты настежь. Горбовский лежал на диване, укрытый до подмышек клетчатым пледом, и казался он невообразимо длинным, тощим и до слез жалким. Щеки у него ввалились, знаменитый тифлеобразный нос заострился, запавшие глаза были печальны и тусклы. Они словно не хотели больше смотреть, но смотреть было надо, вот они и смотрели.

- А-а, Максик... - проговорил Горбовский, увидев меня. - Ты все такой же... Красавец... Рад тебя видеть, рад...

Это была неправда. Не был он рад видеть Максима. И ничему он не был рад. Наверное, ему казалось, что он приветливо улыбается, на самом же деле лицо его изображало гримасу тоскливой любезности. Чувствовалось в нем бесконечное и снисходительное терпение. Словно бы думал сейчас Леонид Андреевич: вот и еще кто-то пришел... Ну что ж, это не может быть очень надолго... И они уйдут, как уходили все до них, а мне оставят мой покой...

- А это кто? - с явным усилием преодолевая апатию, любопытствовал Горбовский.

- Это Тойво Глумов, - сказал Комов. - Комконовец, инспектор. Я говорил вам...

- Да-да-да... - Вяло сказал Горбовский. - Помню. Говорили. "Визит старой дамы"... Садитесь, Тойво, садитесь, мой мальчик... Я слушаю вас...

Тойво сел и вопросительно посмотрел на меня.

- Изложи свою точку зрения, - сказал я. - И обоснуй.

Тойво начал:

- Я сейчас сформулирую некую теорему. Формулировка эта принадлежит не мне. Доктор Бромберг сформулировал ее пять лет назад.

Так вот, теорема. В начале восьмидесятых годов некая сверхцивилизация, которую мы для краткости назовем Странниками, начала активную прогрессорскую деятельность на нашей планете. Одной из целей этой деятельности является отбор. Путем разнообразных приемов Странники отбирают из массы человечества тех индивидов, которые по известным Странникам признакам пригодны для... Например, пригодны для контакта. Или для дальнейшего видового совершенствования. Или даже для превращения в Странников. Наверняка у Странников есть и другие цели, о которых мы не догадываемся, но то, что они занимаются у нас отбором, отсортровкой, - это мне теперь совершенно очевидно, и я это попытаюсь сейчас доказать.

Тойво замолчал. Комов пристально глядел на него. Горбовский словно бы спал, но пальцы его, скрещенные на груди, то и дело приходили в движение, вычерчивая в воздухе замысловатые узоры.

- Продолжайте, мой мальчик, - проговорил Горбовский.

Тойво стал продолжать. Он рассказал о "синдроме пингвина": с помощью некоего "решета", воздвигнутого ими в секторе 41/02, Странники, по-видимому, отбраковывали людей, страдающих скрытой космофобией, и выделяли скрытых космофилов. Он рассказал о событиях в Малой Пеше: там с помощью явно внеземной биотехники Странники поставили эксперимент по отбраковыванию ксенофобов и выделению ксенофилов. Он рассказал о борьбе за "поправку". Видимо, фукамизация либо мешала работе Странников по отбору, либо грозила погасить в грядущих поколениях людей необходимые Странникам качества, и они каким-то образом организовали и успешно провели кампанию по отмене обязательности этой процедуры. За годы и годы число "отсортированных" (будем называть их так) все возрастало, это не могло остаться незамеченным, мы не могли не заметить этих "отсортированных" и мы их заметили. Исчезновения восьмидесятых годов... Внезапные превращения обычных людей в гениев... Только что обнаруженные Сандро Мтбевари люди с фантастическими способностями... И, наконец, так называемый Институт Чудаков в Харькове, несомненный центр активности Странников по выявлению кандидатов в "отсортированные"...

- Они даже не очень скрываются, - говорил Тойво. - По-видимому, они чувствуют себя сейчас настолько сильными, что уже не боятся быть обнаруженными. Возможно, они считают, будто мы уже не в состоянии что-либо изменить. Не знаю... Собственно, я кончил. Я хочу только добавить, что в

поле нашего зрения, конечно же, попала только ничтожная доля всего спектра их активности. Это надо иметь в виду. И я считаю себя обязанным в заключение помянуть добрым словом доктора Бромберга, который еще пять лет назад, не имея, по сути, никакой позитивной информации, вычислил буквально все явления, которые мы сейчас обнаружили, - и возникновение массовых фобий, и внезапное появление у людей талантов, и даже иррегулярности в поведении животных, например китов.

Тойво повернулся ко мне.

- Я кончил, - сказал он.

Я кивнул. Все молчали.

- Странники, Странники, - почти пропел Горбовский. Он лежал теперь, натянув на себя плед до самого носа. - Надо же, сколько я себя помню, с самого детства, столько идут разговоры об этих Странниках... Вы их очень за что-то не любите, Тойво, мой мальчик. За что?

- Я не люблю Прогрессоров, - отозвался Тойво сдержанно и сейчас же добавил: - Леонид Андреевич, я ведь сам был Прогрессором...

- Никто не любит Прогрессоров, - пробормотал Горбовский. - Даже сами Прогрессоры... - Он глубоко вздохнул и снова закрыл глаза. - Честно говоря, не вижу я здесь никакой проблемы. Это все остроумные интерпретации, не более того. Передайте ваши материалы, скажем, педагогам, и у них будут свои, не менее остроумные интерпретации. У глубоководников - свои... У них свои мифы, свои Странники... Вы не обижайтесь, Тойво, но уже само упоминание Бромберга меня насторожило...

- А между прочим, все работы Бромберга по монокосму исчезли... - Негромко произнес Комов.

- Да не было у него никаких работ, конечно! - Горбовский слабо хихикнул. - Вы не знали Бромберга. Это был ядовитый старик с фантастической фантазией. Максик прислал ему свой встревоженный запрос. Бромберг, который до того сроду на эти темы не думал, уселся в удобное кресло, уставился на свой указательный палец и мигом высосал из него гипотезу монокосма. Это заняло у него один вечер. А на завтра он об этом забыл... У него же не только великая фантазия, он же знаток запрещенной науки, у него же в башке хранилось невообразимое число невообразимых аналогий...

Едва Горбовский замолк, Комов сказал:

- Правильно ли я вас понял, Глумов, что вы утверждаете, будто на Земле сейчас присутствуют Странники? Как существа, я имею в виду. Как особи...

- Нет, - проговорил Тойво. - Этого я не утверждаю.

- Правильно ли я вас понял, Глумов, что вы утверждаете, будто на Земле живут и действуют сознательный пособники Странников? "Отсортированные", как вы их называете...

- Да.

- Вы можете назвать имена?

- Да. С известной степенью вероятности.

- Назовите.

Альберт Оскарович Тууль. Это почти наверняка. Сиприан Окигбо. Мартин Чжан. Эмиль Фар-Але. Тоже почти наверняка. Могу назвать еще десяток имен, но это уже менее достоверно.

- Вы общались с кем-нибудь из них?

- Думаю, что да. В Институте Чудаков. Думаю, их там много. Но кто именно - назвать точно пока не могу.

- То есть вы хотите сказать, что отличительные их признаки вам не известны?

- Конечно. На вид они ничем не отличаются от нас с вами. Но вычислить их можно. По крайней мере, с достаточной степенью вероятности. А вот в Институте Чудаков, я уверен, должна быть какая-то аппаратура, с помощью которой они определяют своего человека без промаха, наверняка.

Комов быстро взглянул на меня. Тойво заметил это и сказал с вызовом:

- Да! Я считаю, что нам сейчас не до церемоний! Придется нам поступиться кое-какими достижениями высшего гуманизма! Мы имеем дело с Прогрессорами, и придется нам вести себя по-прогрессорски!

- А именно! - осведомился Комов, подавшись вперед.

- Весь арсенал нашей оперативной методики! От засылки агентуры до принудительного ментоскопирования, от...

И тут Горбовский издал протяжный стон, и все мы с испугом к нему повернулись. Комов даже вскочил на ноги. Однако ничего страшного с Леонидом Андреевичем не случилось. Он лежал в прежней позе, только гримаса притворной любезности на тощем его лице сменилась гримасой брезгливого раздражения.

- Ну что вы тут затеяли около меня? - ноющим голосом произнес он. - Ну взрослые же люди, не школьники, не студенты.. Ну как вам не совестно, в самом деле? Вот за что я не люблю все эти разговоры о Странниках... И всегда не любил! Ведь обязательно же они кончаются такой вот перепуганной детективной белибердой! И когда же вы все поймете, что все эти вещи исключают друг друга... Либо Странники - сверхцивилизация, и тогда нет им дела до нас, это существа с иной историей, с иными интересами, не занимаются они Прогрессорством, и вообще во всей Вселенной одно только наше человечество занимается Прогрессорством, потому что у нас история такая, потому что мы плачем о своем прошлом... Мы не можем его изменить и стремимся хотя бы помочь другим, раз уж не сумели в свое время помочь себе... Вот откуда все наше Прогрессорство! А Странники, даже если их прошлое было похоже на наше, так далеко от него ушли, что и не помнят его, как мы не помним мучения первого гоминида, тщившегося превратить булыжник в каменный топор... - Он помолчал. - Сверхцивилизации так же нелепо заниматься Прогрессорством, как нам - сейчас учреждать бursы для подготовки деревенских дьячков...

Он опять замолчал и молчал очень долго, переводя взгляд с одного лица на другое. Я покосился на Тойво. Тойво отводил глаза и несколько раз пожал правым плечом, как бы показывая, что есть у него некоторые контраргументы, но он не считает удобным их здесь приводить. Комов же, сдвинув густые черные брови, смотрел в сторону.

- Эх-хе-хе-хе-хе... - прокряхтел Горбовский. - Не получилось у меня вас убедить. Хорошо, займусь тогда оскорблениями. Если даже такой зеленый мальчишка, как наш милый Тойво, сумел... э-э-э... засветить этих Прогрессоров, то какие же они к черту Странники? Ну сами подумайте! Неужели сверхцивилизация не сумела бы организовать свою работу так, чтобы вы ничего не заметили? А уж если вы заметили, то какая это к черту сверхцивилизация? Киты у них взбесились, так это, видите ли, Странники виноваты!... Уйдите вы с глаз моих, дайте помереть спокойно!

Мы все встали. Комов напомнил мне вполголоса:

- Задержитесь в гостиной.

Я кивнул.

Тойво растерянно поклонился Горбовскому. Старик не обратил на него внимания. Он сердито смотрел в потолок, шевеля серыми губами.

Мы с Тойво вышли. Я плотно прикрыл за собой дверь и услышал, как слабо чмокнула, срабатывая, система акустической изоляции.

В гостиной Тойво сейчас же сел на диван под торшером, положил ладони на сдвинутые колени и застыл. На меня он не смотрел. Ему было не до меня.

(Сегодня утром я сказал ему:

- Пойдешь со мной. Будешь говорить перед Комовым и Горбовским.

- Зачем? - ошарашенно спросил он.

- А ты что, воображаешь, что мы обойдемся без Мирового Совета?

- Но почему я?

- Потому что я уже говорил. Теперь твоя очередь.

- Хорошо, - произнес он, поджимая губы.

Он был боец, Тойво Глумов. Он никогда не отступал. Его можно было только отбросить.)

И вот его отбросили. Я наблюдал за ним из угла.

Некоторое время он сидел недвижимо, потом бездумно полистал разложенные на низком столике ментосхемы, испещренные разноцветными пометками врачей. Потом он поднялся и стал ходить по темной комнате из угла в угол, заложив руки за спину.

В доме царила непроницаемая тишина. Ни голосов не было слышно из спальни, ни шума леса из-за плотно зашторенных окон. Он не слышал даже собственных шагов.

Гостиная у Леонида Андреевича обставлена была по-спартански. Торшер (абажур явно самодельный), большой диван под ним и маленький столик. В дальнем углу - несколько сидалищ явно неземного производства и предназначенных для явно неземных задов. В другом углу - то ли

экзотическое растение какое-то, то ли древняя вешалка для шляп. Вот и вся меблировка. И - картинки в прозрачных обоях, и самая большая - с альбомный лист.

Тойво подошел и стал их рассматривать. Это были детские рисунки. Акварельки. Гуашь. Стило. Маленькие домики и рядом большие девочки, которым сосны по колено. Собаки (или головы?). Слон. Тахорг. Какое-то космическое сооружение - то ли фантастический звездолет, то ли ангар... Тойво вздохнул и вернулся на диван. Я пристально следил за ним.

У него были слезы на глазах. Он уже не думал больше о проигранном бое. Там, за дверью, умирал Горбовский - умирала эпоха, умирала живая легенда. Звездолетчик. Десантник. Открыватель цивилизаций. Создатель Большого КОМКОНа. Член Мирового Совета. Дедушка Горбовский. Именно - дедушка Горбовский. Он был как из сказки: всегда добр и поэтому всегда прав. Такая была эпоха, что доброта всегда побеждала. "Из всех возможных решений выбирай самое доброе". Не самое обещающее, не самое рациональное, не самое прогрессивное и уж, конечно, не самое эффективное - самое доброе! Он никогда не говорил этих слов, и он очень ехидно прохаживался на счет тех своих биографов, которые приписывали ему эти слова, и он наверняка никогда не думал этими словами, однако вся суть его жизни - именно в этих словах. И конечно же, слова эти - не рецепт, не каждому дано быть добрым, это такой же талант, как музыкальный слух или ясновидение, только более редкий. И плакать хотелось, потому что умирал самый добрый из людей. И на камне будет высечено: "Он был самый добрый"..

Мне кажется, Тойво думал именно так. Все, на что я рассчитывал в перспективе, держалось на предположении, что Тойво думал именно так.

Прошло сорок три минуты.

Дверь внезапно распахнулась. Все было как в сказке. Или как в кино. Горбовский, невообразимо длинный в своей полосатой пижаме, тощий, веселый, неверными шажками вступил в гостиную, волоча за собой клетчатый плед, зацепивший бахромой за какую-то его пуговицу.

- Ага, ты еще здесь! - с радостным удовлетворением произнес он, обращаясь к обомлевшему Тойво. - Все впереди, мой мальчик! Все впереди! Ты прав!

И произнеся эти загадочные слова, он устремился, слегка пошатываясь к ближайшему окну и поднял штору. Стало ослепительно светло, и мы зажмурились, а Горбовский повернулся и уставился на Тойво, замершего у торшера по стойке "смирно". Я поглядел на Комова. Комов откровенно сиял, сверкая сахарными зубами, довольный, как кот, слопавший золотую рыбку. У него был вид компанейского парня, только что отмочившего славную шутку. Да так оно и было на самом деле.

- Неплохо, неплохо, - приговаривал Горбовский. - Даже отлично!

Склонив голову набок, он придвигался к Тойво, оглядывая его откровенно с головы до ног, придвинулся вплотную, положил руку на его плечо.

- Ну, я думаю, ты простишь меня за резкость, мой мальчик, - сказал он. - Но ведь я тоже был прав... Я резкость - это от раздражительности. Умирать, скажу я тебе, - препоганое занятие. Не обращай внимания.

Тойво молчал. Он, конечно, ничего не понимал. Комов все это задумал и устроил. Горбовский знал ровно столько, сколько Комов счел нужным ему сообщить. Я хорошо представлял себе, какой разговор произошел сейчас у них в спальне. А Тойво Глумов не понимал ничего.

Я взял его за локоть и сказал Горбовскому:

- Леонид Андреевич, мы уходим.

Горбовский покивал.

- Идите, конечно. Спасибо. Вы мне очень помогли. Мы еще увидимся, и не раз.

Когда мы вышли на крыльцо, Тойво сказал:

- Может быть, вы объясните мне, что все это значит?

- Ты же видишь: он раздумал умирать, - сказал я.

- Почему?

- Дурацкий вопрос, Тойво, извини меня, пожалуйста...

Тойво помолчал и сказал:

- А я и есть дурак. То есть никогда в жизни я еще не чувствовал себя таким дураком... Спасибо вам за вашу заботу, Биг-Баг.

Я только хмыкнул. Мы молча спустились по лестнице к посадочной

площадке. Какой-то человек неспешно поднимался нам навстречу.

- Ладно, - сказал Тойво. - Но работы по теме мне продолжать?

- Конечно.

- Но ведь меня высмеяли!

- Напротив. Ты очень понравился.

Тойво пробормотал что-то себе под нос. На площадке в конце первого пролета мы оказались одновременно с человеком, поднимавшимся навстречу. Это был заместитель директора Харьковского филиала им. Даниил Александрович Логовенко, румяный и очень озабоченный.

- Приветствую тебя, - сказал он мне. - Я не слишком опоздал?

- Не слишком, - ответил я. Он тебя ждет.

И тут Д. А. Логовенко с самым заговорщицким видом подмигнул Тойво Глумову, после чего устремился дальше вверх по лестнице, теперь уже явно спеша. Тойво, недобро прищурившись, посмотрел ему вслед.

ДОКУМЕНТ 19

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО!
ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ
ПРЕЗИДИУМА ВСЕМИРНОГО СОВЕТА!
Экз. N 115

Содержание: запись собеседования, состоявшегося в "Доме Леонида" (Краслава, Латвия) 14 мая 99 года.

Участники: Л.А. Горбовский, член Всемирного Совета, Г.Ю. Комов, член Всемирного Совета, ВРИО Президента секции "Урал - Север" КК-2.

Д.А. Логовенко, зам. директора Харьковского филиала ИМИ.

КОМОВ: То есть вы фактически ничем не отличаетесь от обыкновенного человека?

ЛОГОВЕНКО: Отличие огромно, но... Сейчас, когда я сижу здесь и разговариваю с вами, я отличаюсь от вас только сознанием, что я не такой, как вы. Это один из моих уровней... Довольно утомительный, кстати. Это дается мне не без труда, но я-то как раз привык, а большинство из нас от этого уровня уже отвыкло навсегда... Так вот, на этом уровне отличие можно обнаружить только с помощью специальной аппаратуры.

КОМОВ: Вы хотите сказать, что на других уровнях...

ЛОГОВЕНКО: Да. На других уровнях все другое. Другое сознание, другая физиология... Другой облик даже...

КОМОВ: То есть на других уровнях вы уже не люди?

ЛОГОВЕНКО: Мы вообще не люди. Пусть вас не сбивает с толку, что мы рождены людьми и от людей...

ГОРБОВСКИЙ: Прошу прощения, Даниил Александрович. А вы не могли бы нам что-нибудь продемонстрировать... Поймите меня правильно, я не хотел бы вас обидеть, но пока... Все это одни слова... А? Какой-нибудь другой уровень, если не трудно, а?

ЛОГОВЕНКО (со смехом): Извольте...

(Слышны негромкие звуки, напоминающие переливчатый свист, чей-то невнятный возглас, звон бьющегося стекла.)

ЛОГОВЕНКО: Простите, я думал, он небьющийся.

(Пауза около десяти секунд.)

ЛОГОВЕНКО: Это он?

ГОРБОВСКИЙ: Н-нет... Кажется... Нет-нет, это не тот. Этот - вон стоит, на подоконнике...

ЛОГОВЕНКО: Минуточку...

ГОРБОВСКИЙ: Не надо, не трудитесь, вы меня убедили. Спасибо.

КОМОВ: Я не понял, что произошло. Это фокус? Я бы...

(В фонограмме лагуна: 12 минут 23 секунды.)

ЛОГОВЕНКО: ...совершенно другой.

КОМОВ: А причем здесь фукамизация?

ЛОГОВЕНКО: Растормаживание гипоталамуса приводит к разрушению третьей импульсивной. Мы не могли этого допустить, пока не научились ее восстанавливать.

КОМОВ: И вы провели кампанию по введению поправки...

ЛОГОВЕНКО: Строго говоря, кампанию провели вы. Но по нашей инициативе, конечно.

КОМОВ: А "синдром пингвина"?

ЛОГОВЕНКО: Не понял.

КОМОВ: Ну фобии эти, которые вы наводили своими экспериментами... Космофобии, ксенофобии...

ЛОГОВЕНКО: А, понимаю, понимаю. Видите ли, существует несколько способов и методик выявления у человека третьей импульсной. Сам я - приборист, но мои коллеги...

КОМОВ: То есть это ваших рук дело?

ЛОГОВЕНКО: Разумеется! Ведь нас же очень мало, свою расу мы создаем собственными руками, прямо сейчас, на ходу. Допускаю, что некоторые наши приемы представляются вам аморальными, даже жестокими... но вы должны признать, что мы ни разу не допустили действий с необратимыми результатами.

КОМОВ: Предположим. Если не считать китов.

ЛОГОВЕНКО: Прошу прощения. Не "предположим", а именно не допустили. Что же касается китообразных...

(В фонограмме лакуна: 2 минуты 12 секунд.)

КОМОВ: ...интересовало не это. Заметьте, Леонид Андреевич, наши ребята шли по неверному пути, но во всем, кроме интерпретации, оказались правы.

ЛОГОВЕНКО: Почему же "кроме"? Я не знаю, кто эти "ваши ребята", но Максим Каммерер вычислил нас абсолютно точно. Я так и не узнал, каким образом в его руках оказался список всех люденов, инициированных за последние три года...

ГОРБОВСКИЙ: Простите, вы сказали "люденов"?

ЛОГОВЕНКО: У нас еще нет общепринятого самоназвания. Большинство пользуется термином "метагом", так сказать "за-человек". Кое-кто называет себя "мизитом". Я предпочитаю называть нас люденами. Во-первых, это перекликается с русским словом "люди", во-вторых, одним из первых люденов был Павел Люденов, это наш Адам. Кроме того, существует полушутливый термин "гомо луденс"...

КОМОВ: "Человек играющий"...

ЛОГОВЕНКО: Да. "Человек играющий. И есть еще антишутка: "люден" - анаграмма слова "нелюдь". Тоже кто-то пошутил... Так вот, Максим список люденов заполучил и очень ловко продемонстрировал его мне, дав понять, что мы для вас уже не тайна. Откровенно говоря, я испытал облегчение. Это был прямой повод вступить наконец в переговоры. Ведь я уже больше месяца чувствовал у себя на пульсе чью-то руку, пытался прощупать Максима...

КОМОВ: То есть мысли читать вы не умеете? Ведь ридеры...

(В фонограмме лакуна: 9 минут 44 секунды.)

ЛОГОВЕНКО: ...мешать. И не только поэтому. Мы полагали, что тайну надо хранить прежде всего в ваших интересах, в интересах человечества. Я хотел бы, чтобы в этом вопросе у вас была полная ясность. Мы - не люди. Мы - людены. Не впадите в ошибку. Мы - не результат диалогической революции. Мы появились потому, что человечество достигло определенного уровня социотехнологической организации. Открыть в человеческом организме третью импульсную систему могли бы и сотню лет назад, но инициировать ее оказалось возможным только в начале нашего века, а удержать людена на спирали психофизиологического развития, провести его от уровня к уровню до самого конца... то есть в ваших понятиях, воспитать людена - это стало возможным совсем недавно...

ГОРБОВСКИЙ: Минуточку, минуточку! Значит, эта самая третья импульсная присутствует все-таки в каждом человеческом организме?

ЛОГОВЕНКО: К сожалению, нет, Леонид Андреевич. В этом и заключается трагедия. Третья импульсная обнаруживается с вероятностью не более одной стотысячной. Мы пока не знаем, откуда она взялась и почему. Скорее всего, это результат какой-то древней мутации.

КОМОВ: Одна стотысячная - это не так уж мало в пересчете на наши миллиарды...

ЛОГОВЕНКО: И отсюда - тайна. Поймите меня правильно. Деяносто процентов люденов совершенно не интересуются судьбами человечества и вообще человечеством. Но есть группа таких, как я. Мы не хотим забыть, что

мы - плоть от плоти вашей и что у нас одна родина, и уже много лет мы ломаем голову, как смягчить последствия... Ведь фактически все выглядит так, будто человечество распадается на два вида. И никуда вам не деться от ощущения унижения при мысли о том, что один из вас ушел далеко за предел, непреодолимый для ста тысяч. А этому одному никуда не уйти от чувства вины за это. И самое страшное, что трещина проходит через семьи, через дружбы...

КОМОВ: Значит метагом теряет прежние привязанности?

ЛОГОВЕНКО: Это очень индивидуально. И не так просто, как вы думаете. Наиболее типичная модель отношения людена к человеку - это отношение многоопытного и очень занятого взрослого к симпатичному, но донельзя докучному малышу. Вот и представьте себе отношения в парах: люден и его отец, люден и его закадычный друг, люден и его Учитель...

ГОРБОВСКИЙ: Люден и его подруга...

ЛОГОВЕНКО: Это трагедии, Леонид Андреевич. Самые настоящие трагедии.

КОМОВ: Я вижу, вы принимаете ситуацию близко к сердцу. Тогда, может быть, проще все это прекратить? В конце концов, это же в ваших руках...

ЛОГОВЕНКО: А вам не кажется, что это было бы аморально?

КОМОВ: А вам не кажется, что аморально повергать человечество в состояние шока? Создавать в массовой психологии комплекс неполноценности, поставить молодежь перед фактом конечности ее возможностей!

ЛОГОВЕНКО: Вот я и пришел к вам - чтобы искать выход.

КОМОВ: Выход один. Вы должны покинуть Землю.

ЛОГОВЕНКО: Простите. Кто именно "мы"?

КОМОВ: Вы, метагомы.

ЛОГОВЕНКО: Геннадий Юрьевич, я повторяю: в подавляющем большинстве своем людены на Земле не живут. Все их интересы, вся их жизнь - вне Земли. Черт побери, не живете же вы в кровати! А постоянно связаны с Землей только акушеры вроде меня и гомопсихологи... да еще несколько десятков самых несчастных из нас - те, что не могут оторвать себя от родных и любимых!

ГОРБОВСКИЙ: А!

ЛОГОВЕНКО: Что вы сказали?

ГОРБОВСКИЙ: Ничего, ничего, я внимательно слушаю.

КОМОВ: Значит, вы хотите сказать, что интересы метагом и землян по сути не пересекаются?

ЛОГОВЕНКО: Да.

КОМОВ: Возможно ли сотрудничество?

ЛОГОВЕНКО: В какой области?

КОМОВ: Вам виднее.

ЛОГОВЕНКО: Боюсь, что вы нам полезны быть не можете. Что же касается нас... Знаете, есть старая шутка. В наших обстоятельствах она звучит довольно жестоко, но я ее приведу. "Медведя можно научить ездить на велосипеде, но будет ли медведю от этого польза и удовольствие?" Простите меня, ради бога. Но вы сами сказали: наши интересы нигде не пересекаются. (Пауза.) Конечно, если допустить, что Земле и человечеству будет угрожать какая-нибудь опасность, мы придем на помощь не задумываясь и всей своей силой.

КОМОВ: Спасибо и на этом.

Длительная пауза, слышно, как булькает жидкость, позвякивает стекло о стекло, глухие глотки, кряхтенье.

ГОРБОВСКИЙ: Да-а, это серьезный вызов нашему оптимизму. Но если подумать, человечество принимало вызовы и пострашнее... И вообще я не понимаю вас, Геннадий. Вы так странно ратовали за вертикальный прогресс. Так вот он вам - вертикальный прогресс! В чистейшем виде! Человечество, разлившееся по цветущей равнине под ясными небесами, рванулось вверх. Конечно, не всей толпой, но почему это вас так огорчает? Всегда так было. И будет так всегда, наверное... Человечество всегда уходило в будущее ростками лучших своих представителей. Мы всегда гордились гениями, а не горевали, что вот, не принадлежим к их числу. А что Даниил Александрович талдычит нам, что он не человек, а люден, так это все терминология... Все равно вы - люди, более того - земляне, и никуда вам от этого не деться. Просто молодо-зелено.

КОМОВ: Вы, Леонид Андреевич, иногда просто поражаете меня своим легкомыслием.

ГОРБОВСКИЙ: Экий вы, голубчик... горячий. Это же прогресс. Во всей своей красе. Где это вы видели прогресс без шока, без горечи, без унижения? Без тех, кто уходит далеко вперед, и тех, кто остается позади?..

КОМОВ: Ну, еще бы! "И тех, кто меня уничтожит, встречаю встречаю приветственным гимном"..

ГОРБОВСКИЙ: Здесь уж скорее подошло бы что-нибудь вроде... э-э... "И тех, кто меня обгоняет, провожаю приветственным гимном"...

ЛОГОВЕНКО: Геннадий Юрьевич, разрешите, я попытаюсь вас утешить. Кроме третьей импульсной в организме гомо сапиенса мы обнаружили четвертую низкочастотную и пятую... пока безымянную. Что может дать инициация этих систем, мы - даже мы! - и предположить не можем. И не можем мы предположить, сколько их еще там в человеке...

(Пауза.) Что поделаешь! За спиной - шесть НТР, две технологические контрреволюции, два кризиса... поневоле начнешь эволюционировать.

ГОРБОВСКИЙ: Вот именно. Сидели бы мы себе тихо, как тагоряне или леонидяне, - горя бы не знали. Вольно же нам было пойти по технологии!

КОМОВ: Хорошо, хорошо. А что же все-таки такое - метагом? Каковы его цели, Даниил Александрович? Стимулы? Интересы? Или это секрет?

ЛОГОВЕНКО: Никаких секретов.

(На этом фонограмма прерывается. Все дальнейшее - тридцать четыре минуты одиннадцать секунд - необратимо стерто.)

15.05.99

М. Каммерер

(Конец Документа 19)

Стыдно вспомнить, но все эти последние дни я провел в состоянии, близком к эйфории. Это было так, словно прекратилось вдруг невыносимое физическое напряжение. Наверное, нечто подобное испытывал Сизиф, когда камень наконец вырывался у него из рук и он получал блаженную возможность немножко посидеть на вершине, прежде чем начать все сначала.

Каждый землянин пережил Большое Откровение по-своему. Но, ей-же-ей, мне оно досталось все-таки злее, чем кому бы то ни было.

Сейчас я перечитал все, уже написанное выше, и у меня возникло опасение, что переживания мои в связи с Большим Откровением могут быть поняты неправильно. Может возникнуть впечатление, будто я испытал тогда страх за судьбу человечества. Разумеется, без страхов не обошлось - ведь я тогда абсолютно ничего не знал о людях, кроме того, что они существуют. Так что страх был. И были краткие панические мысли-вопли: "Все, доигрались!" и было ощущение катастрофически крутого поворота, когда руль, кажется, вот-вот вырвет у тебя из рук и полетишь ты неведомо куда, беспомощный, как дикарь во время землетрясения... Но над всем этим превалировало все-таки унижайшее сознание полной своей профессиональной несостоятельности. Прошляпили. Прохлопали. Профукали, дилетанты бездарные...

И вот теперь все это отхлынуло. И между прочим, совсем не потому, что Логовенко хоть в чем-то убедил меня или заставил себе поверить. Дело совсем в ином.

К ощущению профессионального поражения я за полтора месяца уже притерпелся. ("Муки совести переносимы" - вот одно из маленьких неприятных открытий, которые делаешь с возрастом.)

Руль больше не вырывало у меня из рук - я передал его другим. И теперь, с некоторой даже отстраненностью, я отмечал (для себя), что Комов, пожалуй, слишком все-таки сгущает краски, а Леонид Андреевич, по своему обыкновению, чересчур уж уверен в счастливом исходе любого катаклизма...

Я снова был на своем месте, и снова мною владели только привычные заботы, - например, наладить постоянный и достаточно плотный поток информации для тех, кому надлежит принимать решения.

Вечером 15-го я получил от Комова приказ действовать по усмотрению.

Утром 16-го я вызвал к себе Тойво Глумова. Без всяких предварительных объяснений я дал ему прочесть запись беседы в "доме Леонида". Замечательно, что я был практически уверен в успехе.

Да и с чего мне было сомневаться?

ДОКУМЕНТ 20

Рабочая фонограмма

Дата: 16 мая 99 года.

Собеседники: М. Каммерер, начальник отдела ЧП; Т. Глумов, инспектор.

Тема: х х х

Содержание: х х х

ГЛУМОВ: Что было в этих лакунах?

КАММЕРЕР: Браво. Ну и выдержка у тебя, малыш. Когда я понял, что к чему, я, помнится, полчаса по стенам бегал.

ГЛУМОВ: Так что было в лакунах?

КАММЕРЕР: Неизвестно.

ГЛУМОВ: То есть как - неизвестно?

КАММЕРЕР: А так. Комов и Горбовский не помнят, что было в лакунах. Они никаких лакун не заметили. А восстановить фонограмму невозможно. Она даже не стерта, она просто уничтожена. На лакунных участках решетки разрушена молекулярная структура.

ГЛУМОВ: Странная манера вести переговоры.

КАММЕРЕР: Придется привыкать.

Пауза

ГЛУМОВ: Ну, и что теперь будет?

КАММЕРЕР: Пока мы слишком мало знаем. Вообще-то видятся только две возможности. Либо мы научимся с ними сосуществовать. Либо не научимся.

ГЛУМОВ: Есть третья возможность.

КАММЕРЕР: Не горячись. Нет третьей возможности.

ГЛУМОВ: Есть третья возможность! Они с нами не церемонятся!

КАММЕРЕР: Это не довод.

ГЛУМОВ: Это довод! Они не спрашивали разрешения у Мирового Совета! Много лет они ведут тайную деятельность по превращению людей в нелюдей! Они ведут эксперименты над людьми! И даже сейчас, когда они разоблачены, они приходят на переговоры и позволяют себе...

КАММЕРЕР (прерывает): То, что ты хочешь предложить, можно сделать либо открыто - и тогда человечество станет свидетелем вполне отвратительного насилия; либо тайком, гнусенько, за спиной общественного мнения...

ГЛУМОВ (прерывает): Это все слова! Суть же в том, что человечество не должно быть инкубатором для нелюдей и тем более полигоном для их проклятых экспериментов! Простите, Биг-Баг, но вы сделали ошибку. Вам не следовало посвящать в это дело ни Комова, ни Горбовского. Вы поставили их в дурацкое положение. Это дело КОМКОНа-2, оно целиком в нашей компетенции. Я думаю, и сейчас еще не поздно. Возьмем этот грех на душу.

КАММЕРЕР: Слушай, откуда у тебя эта ксенофобия? Ведь это не Странники, это не Прогрессоры, которых ты ненавидишь...

ГЛУМОВ: У меня такое чувство, что они еще хуже Прогрессоров. Они предатели. Они паразиты. Вроде этих ос, которые откладывают яйца в гусениц...

Пауза

КАММЕРЕР: Говори-говори. Выговаривайся.

ГЛУМОВ: Не буду больше ничего говорить. Бесполезно. Пять лет я занимаюсь этим делом под вашим руководством, и все пять лет я бреду, как слепой щенок... Ну хотя бы сейчас скажите мне: когда вы узнали правду? Когда вы поняли, что это не Странники? Шесть месяцев назад? Восемь месяцев?

КАММЕРЕР: Меньше двух.

ГЛУМОВ: Все равно... Несколько недель назад. Я понимаю, у вас были свои соображения, вы не хотели посвящать меня во все детали, но как вы могли скрыть от меня, что изменился сам объект? Как вы могли себе это позволить - заставить меня валять дурака? Чтобы я валял дурака перед Горбовским и Комовым... Меня в жар бросает, когда я вспоминаю!

КАММЕРЕР: А ты можешь допустить, что тому была причина?

ГЛУМОВ: Могу. Но мне от этого не легче. Причины. Той я не знаю и даже

представить ее себе не умею... И что-то я по вашему виду не замечаю, чтобы вы собирались ее мне сообщить! Нет, Биг-Баг, хватит с меня. Я не гожусь работать с вами. Отпустите меня, я все равно уйду.

Пауза

КАММЕРЕР: Я не мог рассказать тебе правду. Сначала я не мог рассказать тебе правду, потому что не знал, что нам с нею делать. В скобках: я и сейчас не знаю, что с нею делать, но сейчас все решения взвалены на другие плечи...

ГЛУМОВ: Не надо оправдываться, Биг-Баг.

КАММЕРЕР: Молчи. Тебе все равно меня не разозлить. Ты очень любишь правду? Так ты ее сейчас получишь. Всю.

Пауза

КАММЕРЕР: Потом я послал тебя в Институт Чудаков и снова вынужден был ждать...

ГЛУМОВ (прерывает): Причем здесь...

КАММЕРЕР (прерывает): Я сказал - молчи! Правду говорить нелегко, Тойво. Не резать правду-матку, как это любят в молодости, а преподносить ее такому вот... Зеленому, самоуверенному, всезнающему и всепонимающему... Молчи и слушай.

Пауза

КАММЕРЕР: Потом я получил ответ из Института. Этот ответ сбил меня с ног. Я-то считал, что всего лишь проявляю рутинную предусмотрительность, а оказалось... Слушай, вот ты сейчас читал запись. Тебе ничего в ней не показалось странным?

ГЛУМОВ: В ней все странное...

КАММЕРЕР: Ну, давай-давай, включи. Прочти еще разок, только внимательно, с самого начала, с шапки. Ну?

ГЛУМОВ: "Только для членов Президиума..." Как это понимать?

КАММЕРЕР: Ну? Ну?

ГЛУМОВ: Вы дали мне прочесть документ высшей конфиденциальности... Почему?

КАММЕРЕР (медленно и едва ли не вкрадчиво): Как ты заметил, в этом документе есть лакуны. Так вот, теплится у меня надежда, что когда придет твое время, ты по старой памяти, по старой дружбе эти лакуны мне заполнишь.

Длинная пауза

КАММЕРЕР: Вот так-то выглядит вся правда. В той ее части, которая касается тебя. Как только я узнал, что в Институте Чудаков они занимаются отсортировкой, я сразу наладил всех вас туда, одного за другим, под разными идиотскими предложениями. Это была просто мера элементарной предосторожности, понимаешь? Чтобы не оставить противнику ни малейшего шанса. Чтобы быть уверенным... Нет, уверен я и так был чтобы знать совершенно точно: среди моих сотрудников только люди...

Пауза

ЛОГОВЕНКО: У них там агрегат... Якобы для выявления "чудаков". Они пропускают через него всех посетителей. На самом деле машина эта ищет так называемый зубец Т ментограммы, он же "импульс Логовенко". Если у человека имеется годная для инициирования третья импульсная система, в его ментограмме появляется этот растреклятый зубец Т. Так вот, у тебя этот зубец есть.

Пауза

ГЛУМОВ: Это же ерунда, Биг-Баг.

Пауза

ГЛУМОВ: Вас водят за нос!

Пауза

ГЛУМОВ: Это же провокация! Они просто хотят вывести меня из игры! По-видимому, я узнал что-то важное, только сам пока не понимаю, что именно, и они хотят меня убрать... Это же элементарно!

Пауза

ГЛУМОВ: Вы же знаете меня с детства! Я прошел тысячи медкомиссий, я - самый обыкновенный человек! Не верьте им, Биг-Баг! Кто вам дает информацию?... Не я не имя спрашиваю... Подумайте, откуда он все это может знать? Он же наверняка сам из этих... Как вы можете ему верить? (кричит.) не во мне же дело! Я все равно уйду! Но они вот таким же манером без единого выстрела расстреляют весь КОМКОН! Вы об этом подумали?

Пауза

ГЛУМОВ (упавшим голосом): Что же мне делать? Ведь вы наверняка придумали, что мне теперь делать...

КАММЕРЕР: Послушай. Не надо так расстраиваться. Пока еще ничего страшного не произошло. Что ты так раскричался, словно к тебе уже "ухмыляясь, приближаются с ножами"? В конце концов, все ведь в твоих руках! Не захочешь - и все останется, как есть!

ГЛУМОВ: Откуда вы знаете?

КАММЕРЕР: Да ниоткуда я ничего не знаю. Я знаю столько же, сколько и ты. Ты же читал только что... Третья импульсная - это же только потенция, ее ведь нужно инициировать... Потом начинается это самое... Восхождение от уровня к уровню... Хотел бы я посмотреть, как они это сделают с тобой без твоей воли!

Пауза

ГЛУМОВ: Да. (истерически смеется.) ну и нагнали вы на меня страху, шеф!

КАММЕРЕР: Это ты просто не сообразил.

ГЛУМОВ: Я просто удеру! Пусть-ка они меня поищут! А найдут, станут приставать... Вы им скажите, что я им не советую!

КАММЕРЕР: Вряд ли они захотят со мной разговаривать.

ГЛУМОВ: То есть?

КАММЕРЕР: Ну, видишь ли, мы для них не авторитет. Нам теперь придется привыкать к совершенно новой ситуации. Не мы теперь определяем время бесед, не мы определяем тему... Мы вообще потеряли контроль над событиями. А ситуация, согласись, небывалая! У нас на Земле, среди нас, действует сила... И даже не сила, а силища! И мы ничего о ней не знаем. Вернее, знаем только то, что нам разрешают знать, а это, согласись, едва ли не хуже, чем полное незнание. Неуютно, а? Нет, я ничего не могу сказать плохого об этих люденах, но ведь и хорошего о них ничего не известно!

Пауза

КАММЕРЕР: Они знают о нас все, а мы о них - ничего. Это унижительно. Сейчас каждый из нас, кто соприкасается с ситуацией, испытывает чувство униженности... Вот нам предстоит подвергнуть глубокому ментоскопированию двух членов Всемирного Совета - только для того, чтобы восстановить, о чем же это там шла речь во время исторического собеседования в "доме Леонида"... И заметь, ни члены Совета, ни мы этого ментоскопирования не хотим, оно унижает нас всех, а деваться некуда, хотя шансы на успех, как ты сам понимаешь, менее чем проблематичны...

ГЛУМОВ: Но у вас же есть своя агентура среди них!

КАММЕРЕР: Точнее, не "среди", а около. "Среди" - это мечта. Причем, боюсь, недостижимая... Кто из них захочет помогать нам? Зачем это им? Какое им до нас дело? А? Тойво!

Длинная пауза

ГЛУМОВ: Нет, Максим. Я не хочу. Я все понимаю, но я не хочу!

КАММЕРЕР: Страшно?

ГЛУМОВ: Не знаю. Просто не хочу. Я - человек, и не хочу быть никем другим. Я не хочу смотреть на Вас сверху вниз. Я не хочу, чтобы уважаемые и любимые мною люди казались мне детьми. Я понимаю: Вы надеетесь, что человеческое во мне сохранится... Может быть, у Вас даже есть основания на это надеяться. Но я не хочу рисковать. Не хочу!

Пауза

КАММЕРЕР: Что ж... В конце концов, это даже похвально.

(Конец Документа 20)

- - - - -

Я был уверен в успехе. Я ошибся.

Все-таки я плохо тебя знал, Тойво Глумов, мой мальчик. Ты казался мне более жестким, более защищенным, более фанатичным, если угодно.

И наконец, несколько слов об истинной цели этого моего мемуара.

Мой читатель, знакомый с книгой "Пять биографий века", уже догадался, наверное, что цель эта состоит в том, чтобы опровергнуть сенсационную гипотезу П. Сороки и Э. Брауна, будто Тойво Глумов, еще будучи в Гиганде Прогрессором, попал в поле зрения люденов и был опознан ими как свой.

Будто тогда же был он ими превращен, переведен на соответствующий уровень и заслан ко мне в КОМКОН-2 в качестве не столько даже соглядата, сколько дезинформатора и мизинтерпретатора. Будто на протяжении пяти лет он только тем и занимался, что подогревал в КОМКОНе атмосферу охоты за Странниками, интерпретируя каждый неверный шаг, каждый просчет, каждую небрежность люденов как проявления деятельности ненавистной сверхцивилизации. Пять лет водил он за нос все руководство КОМКОНа-2 и прежде всего, конечно, шефа своего и покровителя Максима Каммерера. А когда люденов все-таки удалось разоблачить, он разыграл перед доверчивым Биг-Багом последнюю душещипательную комедию и вышел из игры.

Полагаю, что каждый непредубежденный читатель, не знакомый с построениями Сороки и Брауна, дочитавши меня до этого места, пожмет плечами и скажет: "Что за чушь, какая странная у них идея, она же противоречит всему тому, что я только что прочел..." Что же касается читателя предубежденного, читателя, который раньше знал Тойво Глумова только по "Пяти биографиям", то я могу посоветовать ему только одно: постарайтесь взглянуть на предложенный вам материал беспристрастно, не надо подсыпать перчику в проблему люденов, сделавшуюся сегодня уже несколько пресной.

Слов нет, история Большого Откровения содержит много белых пятен", но я со всей ответственностью утверждаю, что к Тойво Глумову эти пятна никакого отношения не имеют. И со всей ответственностью я заявляю, что все хитроумные построения П. Сороки и Э. Брауна - это просто легкомысленная чушь, очередная попытка взяться правой рукой за левое ухо через-под левое колено.

Что же касается "последней душещипательной комедии", то я только об одном жалею, только за одно клянусь себя и по сей день. Не понял я тогда, старый толстокожий носорог, не сумел предощутить, что вижу Тойво Глумова в последний раз.

ДОКУМЕНТ 21

СВЕРДЛОВСК, "ТОПОЛЬ 11", КВ. 9716, М. КАММЕРЕРУ

Биг-Баг!

Сегодня меня посетил Логовенко. Беседа продолжалась с 12.15 до 14.05. Логовенко был очень убедителен. Суть - все не так просто, как мы это себе представляем. Например, утверждается, будто период стационарного развития человечества заканчивается, близится эпоха потрясений (биосоциальных и психосоциальных), главная задача люденов в отношении человечества, - оказывается, стоять на страже (так сказать, "над пропастью во ржи"). В настоящее время на Земле и в космосе обитают и играют 432 людена. Мне предлагается стать четыреста тридцать третьим, для чего я должен прибыть в Харьков, в Институт Чудаков, послезавтра, 20 мая, к 10.00.

Враг рода человеческого нашептывает мне, что только полный идиот способен отказаться от такого шанса. Этот шепот мне удастся заглушить без особого труда, ибо я - человек непрестижный, как вам хорошо известно, и не терплю элиты ни в каком обличье. Не скрою, что впечатление от последней беседы с вами запало мне в душу гораздо глубже, нежели мне хотелось бы. Крайне неприятно ощущать себя дезертиром. Я бы не колебался в выборе ни секунды, но я уверен абсолютно: как только они превратят меня в людена, ничего (НИЧЕГО!) человеческого во мне не останется. Признайтесь, в глубине души и Вы думаете то же самое.

Я не поеду в Харьков. За эти дни я основательно все обдумал, и я не поеду в Харьков, во-первых, потому, что это было бы предательством по отношению к Асе. Во-вторых, потому, что я люблю мать и высоко почитаю ее. В-третьих, потому, что я люблю своих товарищей и свое прошлое. Превращение в людена - это моя смерть. Это гораздо хуже смерти, потому что для тех, кто меня любит, я останусь живым, но неузнаваемо отвратным. Спесивым, самодовольным, самоуверенным типом. Вдобавок еще и вечным, наверное.

Завтра я вслед за Асей улетаю на Пандору.

Прощайте. Желаю вам удачи. Ваш Т. Глумов. 18 мая 99 г.

(Конец Документа 21)

ДОКУМЕНТ 22

РАПОРТ-ДОКЛАД
N 086/99
КОМКОН-2
Урал-Север

Дата: 14 ноября 99 года
Автор: С. Мтбевари, инспектор.
Тема 081, "Волны гасят ветер"
Содержание: разговор с Т. Глумовым.

Согласно Вашему распоряжению воспроизвожу по памяти мою беседу с бывшим инспектором Т. Глумовым, происшедшую в середине июля с. г. около 17 часов, когда я находился в своем рабочем кабинете, раздался видеофонный вызов, и на экране появилось лицо Т. Глумова. Он был весел, оживлен, шумно меня приветствовал. С тех пор, как я видел его последний раз, он слегка пополнил. Последовал примерно такой разговор.

ГЛУМОВ: Куда девался шеф? Я пытаюсь связаться с ним весь день, и без всякого толку.

Я: Шеф в командировке, вернется не скоро.

ГЛУМОВ: Очень жалко. Он мне позарез нужен. Я бы очень хотел с ним поговорить.

Я: Сделай письмо. Ему перешлют.

ГЛУМОВ (поразмыслив): Долгая история. (Эту фразу я помню точно.)

Я: Тогда скажи, что ему передать. Или как с тобой сказать. Я запишу.

ГЛУМОВ: Нет. Мне непременно лично.

Больше ничего существенного сказано не было. Точнее, я не помню.

Хочу подчеркнуть, что в то время я знал о Т. Глумове только то, что он уволился по личным обстоятельствам и убыл к жене на Пандору. Именно поэтому мне не пришло в голову выполнить самые элементарные действия, а именно: зарегистрировать разговор; установить канал связи; поставить в известность Президента и т. д. Могу добавить только: у меня сохранилось впечатление, будто Т. Глумов находится в помещении, освещенном естественным, солнечным светом. Видимо, в тот момент он находился на Земле, в восточном полушарии.

Сандро Мтбевари

(Конец Документа 22)

ДОКУМЕНТ 23

ПРЕЗИДЕНТУ СЕКТОРА
"УРАЛ-СЕВЕР" КК-2

Дата: 23 января 101 года
Автор: М. Каммерер, начальник отдела ЧП.
Тема: 050, Т. Глумов, метагом.

Президент!

Мне нечего Вам сообщить. Встреча не состоялась. Я прождал его на Красном Пляже до темноты. Он не явился.

Конечно, не составило бы труда отправиться к нему домой и подождать его там, но, мне кажется, это было тактической ошибкой. Ведь он не имеет целью морочить нас. Он просто забывает. Подождем еще.

М. Каммерер

(Конец Документа 23)

КОМКОН-1
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ "МЕТАГОМ"
КОМОВУ Г. Ю.

Мой Капитан!

Предупреждаю тебе два любопытных текста, имеющих прямое отношение к предмету твоего нынешнего азарта.

ТЕКСТ 1. (Записка Т. Глумова, адресованная М. Каммереру.)

Дорогой Биг-Баг!

Я кругом виноват. Но готов исправиться. Послезавтра, 2-го, ровно в 20.00 НЕПРЕМЕННО буду дома. Жду. Гарантирую лакомства и обещаю все объяснить. Хотя, как я понимаю, особой необходимости в этом пока нет.

ТЕКСТ 2.(Письмо А. Глумовой, адресованное М. Каммереру вместе с запиской Т. Глумова.)

Уважаемый Максим!

Он попросил меня переслать эту записку. Почему он сам не послал ее Вам? Почему просто не позвонил Вам, чтобы назначить свидание? Ничего этого я не понимаю. Последнее время я вообще редко его понимаю, даже когда речь идет о самых, казалось бы, простых вещах. Зато я знаю, что он несчастен. Как и все они. Когда он со мной, он мучается скукой. Когда он там, у себя, он обо мне тоскует, иначе бы он не возвращался. Жить так ему, разумеется, невозможно, и он должен будет выбрать что-то одно. Я знаю, что именно выберет. Последнее время он возвращается все реже и реже. Я знаю его собратьев, которые и вовсе перестали возвращаться. Им больше нечего делать на Земле.

Что касается его приглашения, то, конечно, я рада буду Вас увидеть, но не рассчитывайте, что он будет. Я - не рассчитываю.

Ваша А. Глумова

Разумеется, Каммерер пошел на свидание, и разумеется, Т. Глумов не явился.

Они уходят, мой Капитан. Собственно говоря, они ушли. Совсем. Несчастные, и оставив за собой несчастных. Человечность. Это серьезно.

Они были слишком несчастливы с самого начала. Только долго считали, что это лишь на время. Пока они одиночки. Пока у них нет своего настоящего общества. Своего человечества. Их стало достаточно много, чтобы увидеть: это не спасает. Общество одиночек невозможно. Отрыв от нас слишком дорог обошелся людеям.

Плата оказалась слишком велика. Человеку, пусть он и называет себя люденом, противопоказано обходиться без человечества.

Как все это не похоже на те апокалиптические картинки, которые мы рисовали друг другу четыре года назад! Помнишь, как старик Горбовский, хитро улыбаясь, прокряхтел: "Волны гасят ветер..."? Все мы понимающе закивали, а ты, помнится, даже продолжил эту цитату с видом многозначительности до кретинизма. Но разве поняли мы его тогда? Никто из нас не понял. И теперь, мой Капитан, когда они ушли и не вернуться больше, мы все вздохнули теперь с облегчением? Или с сожалением? Я не знаю. А ты?

Твой Атос.
13.11.102 года

(Конец Документа 24)

- - - - -

И последний документ.

"Максим!

Я ничего не могу сделать. Передо мной расшаркиваются в извинениях, меня уверяют в совершенном уважении и сочувствии, но ничего не меняется. Они уже сделали Тойво "фактом истории".

Я понимаю, почему молчит Тойво - ему все это безразлично, да и где он, в каких мирах?

Я догадываюсь, почему молчит Ася - страшно сказать, но ее, видимо, убедили.

Но почему молчите Вы? Ведь Вы любили его, я знаю, и он любил Вас!

М. Глумова.

30 июня 126 года.

Нарва-Йыэсуу".

Как видите, я не молчу больше, Майя Тойвовна. Я сказал. Все, что мог, и все, что сумел сказать.